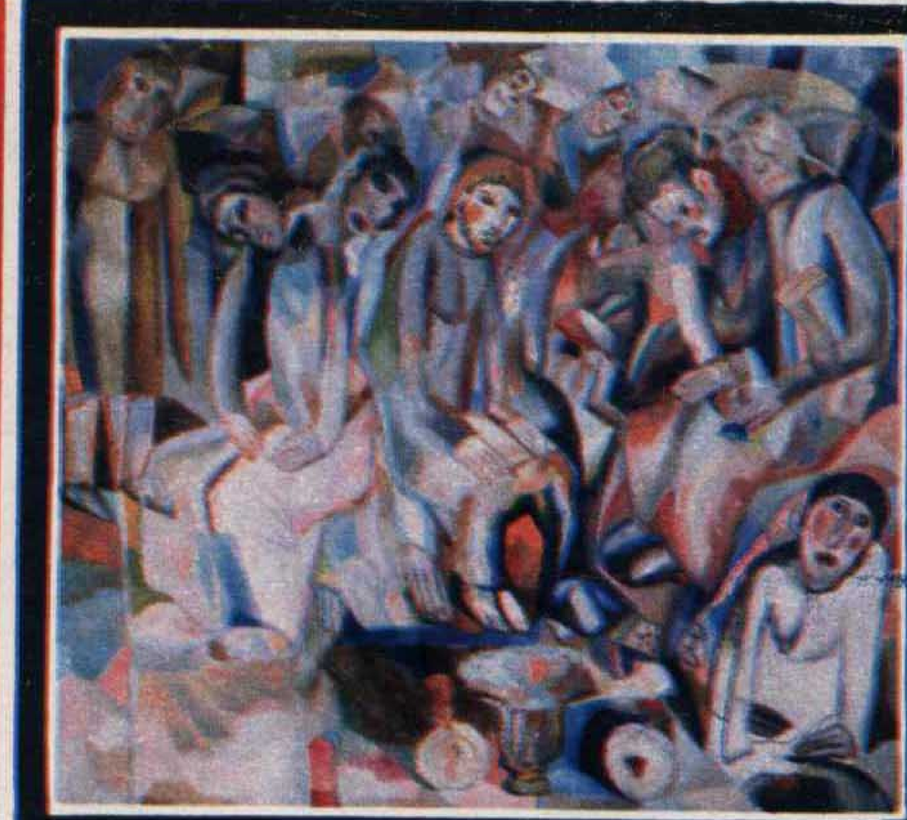
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 52 ДЕКАБРЬ 1988

ЖИТИЕ ПАВЛА ФИЛОНОВА

ОЧЕРЕДЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

В ТИСКАХ НЕРЕНТАБЕЛЬНОСТИ

ЗА ТЕХ, КТО В ПУТИ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (3205)

24—31 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В эти предновогодние дни в полярной ночи сияют огни научного городка новой станции «СП-31». Пожелаем полярникам крепкого здоровья и успешного дрейфа.

Фото Владимира ВОЛКОВА.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 05.12.88. Подписано к печати 20.12.88. А 10440. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3419.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

SOS

S АР

Георгий РОЖНОВ, Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

Вот уже две недели наши сердца, наш разум, наши руки — тебе, Армения! Тебе, неумирающий Ленинакан. Тебе, погибший Спитак. Вам, десятки израненных сел. Вам, братья наши, армяне.

Нет страны, нет народа, нет человека, не разделившего принесенную безумством стихии боль народа-страдальца.

В ереванском и ленинаканском аэропортах со всего света прибывает, еще будет прибывать все, в чем нуждаются оглушенные горем города и люди. Руки друзей, протянувшиеся за многие тысячи и миллионы километров, вырвали из каменных тисков многих и многих погребенных заживо под развалинами домов, магазинов, школ, детских садов, фабрик, больниц.

По зову добрых людей, что живут в Грузии, Краснодаре, Ставрополе, двинулись, наконец, транспорты с женщинами и детьми — их встретит теплый кров, хлеб-соль щедрых хозяев, идущее от души слово участия.

Рокот бульдозеров, автокранов, самосвалов стал за эти дни четче, увереннее, мощнее. Кажется, нет уже недостатка в лекарствах, палатках, продовольствии. Пробиваются голоса в разорванных телефонных проводах, прокладываются заново рельсы железной дороги, восстанавливаются линии электропередач. Можно отправить письмо, послать телеграмму.

Раньше бы мы уже изготовились трубить в фанфары: помощь пришла, беда отступила, города и села станут еще краше.

Теперь не будем. Теперь не до фанфар. Потому что знаем правду: ни миллионы долларов, фунтов, марок, рублей, ни вся техническая мощь двадцатого века, ни даже милосердие миллионов порушенных городов в их былой красе нам не вернут, остановившихся сердец не воскресят.

Боль останется.

Но никто не вправе усилить ее новыми горестями. Головотяпство с доставкой и распределением грузов, неповоротливость чиновников и неразбериха, ползающие из подворотни в подворотню подленькие слухи и злобные наветы — все это есть оскорбление памяти павших, соль на

SOS SOS SO

МЕНИЯ

еще не зажившие телесные и душевные раны страдальцев, недостойная неблагодарность именитым и безвестным людям, пришедшим на помощь.

Неужели и правда можно ничего не забыть и ничему не научиться?

Право, давайте учиться и в дни горя. Ведь сменилась уже растерянность отчаяния первых дней нарастающими усилиями подлинных мастеров — спасателей, врачей, пилотов. Послушайте, как с экранов ваших телевизоров почти ежедневно отчитывается перед народом комиссия Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения — разве это не урок выверенной точности решений, строжайшего спроса с нерадивых, трезвый анализ сделанного и деловой прогноз на ближайшее будущее? Имеющий уши да слышит, как те, кому доверено руководить спасением и возрождением Армении, в своих заботах видят прежде всего беды и насущные потребности не только всего народа вместе, но и каждого человека в отдельности — мужчин, женщин, детей.

На руинах и пепелище чуть слышно, но начинает биться пульс рукотворно воскресшей жизни.

Помощь приходит. Беда — остается.

КТО ТОЧНЕЙ СЧИТАЕТ ГОЛОСА●
БЫТЬ ЛИ СУДУ ПРИСЯЖНЫХ?●
ЦЕНА ПАРАДА●
ИНДЕКС ЦЕН — УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?●

■

Зная отношение вашего журнала к проблеме милосердия, не могу не поделиться впечатлениями и чувствами, которые мы, советские люди, испытываем, находясь в Лондоне, в дни после происшедшей в Армении катастрофы.

Спокойные и внешне равнодушные британцы сразу же после объявления о землетрясении, полученного из Москвы, проявили такой энтузиазм и сострадание, о котором спокойно невозможно говорить.

Тысячи писем со словами глубочайшей скорби, трогательного внимания и посильной денежной и материальной помощи хлынули в адрес советского посольства и других советских организаций.

Двери Московского народного банка в Лондоне не закрывались ни в субботу, ни в воскресенье. Телефонные звонки раздавались до полуночи, интенсивность достигала до двух звонков в секунду.

Британский штат банка в выходные дни, 10—11 декабря, добровольно, без оплаты работал с 9 часов утра до 12 часов ночи, принимая пожертвования с кредитных карточек по телефону, и обрабатывал десятки тысяч поступающих чеков по почте.

Близлежащие рестораны, узнав о том, что штат Моснарбанка работает без перерыва в субботние и воскресные дни, присылают бутерброды, безалкогольные напитки прямо на рабочие места, отказываясь принимать плату не только за услуги, но и за питание.

Поток людей с пожертвованиями только за субботу и воскресенье, 10—11 декабря, превысил тысячу человек. Идут старые и молодые, семьи и дети.

Невозможно без боли в душе смотреть на пенсионеров, сдающих свои рождественские пособия в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении, мальчика восьми лет по имени Матью, который принес в коробке от печенья свои «накопления» на рождественский подарок.

15 декабря среди тысяч писем мы получили письмо, в котором кроме 10 фунтов стерлингов, которых, по мнению автора письма, недостаточно, было приложено золотое обручальное кольцо, которое Жаклин Паркер (автор письма) просила продать, а вырученные деньги направить в фонд помощи. Мы не могли принять такую жертву и отправили это кольцо с чувством благодарности владелице.

Многие церковные общины направляют выручку от воскресных пожертвований.

Обращения в форме «Дорогие товарищи» вместо принятого здесь «Господа» используются во многих письмах.

«Извините, что мало перевел, но я был без работы 2 года», «...прилагаю 10 фунтов, единственное желание послать бы больше, но я могу, по крайней мере, поднимать кирпичи и разгребать завалы», «не тратьте время и деньги на пересылку квитанций и подтверждений в получении пожертвований» — такие и многие другие надписи получаем вместе с деньгами.

Дэвид Торборн сообщает, что его брат во время второй мировой войны плавал в Мурманск и рассказывал ему, как русские моряки отдавали английским морякам свои меховые куртки. «Брат погиб,— пишет Дэвид,— но я знаю, что он бы одобрил мое решение внести пожертвование в фонд помощи».

Средства поступают от многих отделений Компартии Великобритании из разных городов, добровольных обществ. Во многих письмах высоко оцениваются мирные инициативы М. С. Горбачева.

Может быть, те примеры высшего чувства милосердия, которые проявляют представители различных слоев, вероисповеданий, политических взглядов и социального положения в Великобритании помогут в какой-то степени оказать положительное воздействие и содействовать призыву М. С. Горбачева о прекращении продолжающихся национальных вспышек неприязни между армянским и азербайджанским народами.

Заканчивая это письмо, хотел бы через ваш журнал от имени советско-британского коллектива Московского народного банка обратиться ко всем армянам и азербайджанцам: «Остановитесь, направьте свои усилия на возрождение своей земли от страшного землетрясения».

А. МАСЛОВ,
председатель правления Московского народного банка
Лондон

■

В недавнем прошлом на сессиях Верховного Совета СССР, съездах общественных организаций никогда не возникала проблема подсчета результатов голосования. Всегда и везде голосовали поднятием рук только единодушно «за». «Против» и «воздержавшихся» никогда не было.

И вот теперь впервые проявляются плюрализм и свобода мнений. Возникает необходимость подсчета поднятых рук, голосовавших «против» и «воздержавшихся». При этом неизбежно появляются сомнения в абсолютной точности такой процедуры подсчета голосов, да и не всякий, имея противоположное мнение, соберется с мужеством проголосовать «против», когда рядом соседи голосуют «за».

Такое голосование — поднятой рукой — это «каменный век». А тайное голосование на больших форумах с помощью бюллетеней, урн, счетных комиссий — громоздко, неоперативно.

Предлагаю во всех помещениях типа Дворца съездов, Кремлевского дворца и тому подобных, где проводятся сессии Верховного Совета СССР, РСФСР и других республик, съезды КПСС, ВЛКСМ, профсоюзных и прочих общественных организаций, оборудовать каждое место тремя разноцветными кнопками, предназначенными для тайного голосования: «за», «против», «воздержался». Подсчет голосов должен производиться ЭВМ, результат немедленно высвечиваться на одном или нескольких табло, установленных в зале. Повторный сигнал или сигналы, идущие одновременно от двух, трех кнопок, не должны ЭВМ учитываться и на табло не передаваться. Следует предусмотреть отключение некоторых групп мест в зале от голосования. На таких местах размещать делегатов с совещательными голосами, гостей наших и иностранных, представителей прессы.

О. П. РОМАНОВ,
пенсионер
Челябинск

■

В мае сего года два научно-исследовательских судна Дальневосточного отделения Академии наук СССР «Профессор Богоров» и «Берилл» вышли в экспедицию с двадцатидневной задержкой. На запрос от Президиума АН СССР председатель отделения академик В. И. Ильичев ответил, что задержка с выходом кораблей произошла из-за командировки сотрудников на сельскохозяйственные работы.

До каких пор такая практика будет продолжаться, хотя наносит большой ущерб государству? В данном случае, кроме выплаченной сотрудникам зарплаты, хотя они и не выполняли свою основную работу в это время, простой снаряженных в экспедицию кораблей стоил около шестидесяти тысяч рублей. Экспедиция была совместной с вьетнамскими учеными, сорвались плановые сроки и их работ, что нанесло существенный ущерб также и вьетнамской стороне.

Л. М. БРЕХОВСКИХ,
академик, председатель Комиссии по проблемам Мирового океана АН СССР

■

В сентябре-октябре мы с женой были в отпуске, ездили в Сочи. Путевку я покупал в Москве, у нас сочинские путевки бывают только на ноябрь, декабрь и кончая мартом-апрелем (я имею в виду в свободной продаже для обычных людей). Туристская путевка, размещение в частном секторе, семейным парам изолированное размещение не гарантируется. Жили мы (пара уже, можно сказать, пожилая) в одном помещении с другой парой (молодой). Как это выглядит, представить нетрудно.

Возникло много и других проблем. В стоимость путевки проезд, например, не входит. Добывание билетов — личное дело каждого туриста и порой чуть ли не основная часть его отдыха. Но зато в стоимость путевки входят экскурсии по принципу обязательного ассортимента. Деньги за них, и даже с радостью, заплачены вперед. Но если человек не хочет (уже бывал) или не может куда-то ехать, то и не едет, но деньги ему не возвращаются.

Вместе с нами в группе был экскурсовод от Московского турбюро. Роль его, кажется, заключалась в том, что он собирал с нас подписи относительно того, довольны мы или нет и каковы претензии. Тут все понятно — он отдыхал, работая, или работал, отдыхая. Но нам, туристам, он был не нужен, хватало и сочинских экскурсоводов.

Питались мы в столовых и кафе Сочи по талонам. Если мы недобирали до стоимости талонов, сдачу нам не давали, а если перебирали — то мы доплачивали. Так как случалось питаться и в таких местах, где талоны не принимают, к концу отдыха скопилась груда бумажек, которые неизвестно как надо было реализовать. Не следует ли в туристском общепите вернуться к нормальным советским деньгам и ликвидировать талоны — эту валюту Минторга?

В целом же создается впечатление, что наше туристское обслуживание в первую очередь направлено на максимальное извлечение выгоды для тех, кто его организует, и вследствие этого на создание вынужденных неудобств для туристов. Предлагаю в стоимость путевки включать только проживание и проезд, семейный отдых — без совместного проживания с другими семьями или одиночками — гарантировать. Экскурсии и прочие развлечения оплачивать на месте: пусть турбюро поработает, пусть заработает свои деньги.

В. М. ДУДИЧ
Калинин

■

Ежегодные ноябрьские военные парады в 20—30-е годы были свидетельством нашей готовности защитить завоевания революции. Но уже предвоенные парады, демонстрировавшие устаревшую военную технику и нашу общую отсталость в области обороны, создавали лишь уверенность у нашего главного врага в возможности легкой победы над нами. Помог ли, например, майский парад 1941 года хоть как-нибудь оттянуть войну или же, наоборот, ускорил ее?

Тем более зачем эти парады с демонстрацией мощной техники сейчас? Кому мы показываем свою боевую готовность и зачем? Сочетается ли это с нашими мирными инициативами? Думается, что уже с тех пор, как мы достигли паритета в области вооружения со странами НАТО, эти парады вступили в явное противоречие с нашей действительно миролюбивой политикой.

Кстати говоря, великие полководцы (Суворов, Кутузов) чаще всего были не у дел, когда боевая выучка войск определялась не в бою, не в учениях, а на параде. И любая вой-

на требует от войск не парадной, а совсем иной выучки.

Ну, и не последний довод: сколько народных денег стóят эти парады? И стóят ли?

А. В. НАУМОВ,
профессор,
доктор юридических наук

■

С радостью прочитали ветераны труда постановление о том, что награжденные медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» с первого июля этого года получают десятипроцентную надбавку к пенсии.

Но когда я обратилась в райсобес, выяснилось, что, кроме медали, нужен еще двадцатилетний стаж непрерывной работы на одном предприятии. А у меня 18 лет на одном производстве и 16 на другом. При этом не было перерыва даже в один день. Так за что же производится надбавка? За работу в годы войны или за стаж?

Э. А. БУРЕМАН
Одесса

■

Быстрый рост стоимости жизни в последние годы не оспаривается уже, наверное, никем. В печати достаточно широко обсуждаются причины, вызывающие этот рост: прямое повышение цен на товары и услуги, вымывание из ассортимента дешевых товаров и прочее. Естественно, что такое положение вызывает озабоченность значительной части населения и в первую очередь тех, кто находится на социальном обеспечении государства (например, пенсионеров, студентов), тех, кто работает на государственных предприятиях, и семей, имеющих малолетних детей. Кооперативный и индивидуальный секторы имеют возможность гибко реагировать на уровень цен, повышая цены на свою продукцию.

Как сообщалось в печати, руководство страны ищет методы противодействия развитию этого неблагоприятного процесса. Мне кажется, что наряду с осуществляемыми и намечаемыми мерами чрезвычайно важно принять закон о том, чтобы все государственные выплаты периодически корректировались в соответствии с индексом цен, определяемым по «корзине» товаров (об этом писал Г. Х. Попов в № 33).

Конечно, эта мера связана с определенными издержками бюджета. Но, во-первых, такое решение справедливо и служило бы реальным подтверждением тезиса о сохранении уровня жизни населения. Во-вторых, издержки с лихвой окупились бы укреплением авторитета руководства и стабильности обстановки в обществе. Кроме того, это стимулировало бы правительство искать решение финансовых проблем не в карманах своих сограждан, а в экономических реформах. В дальнейшем практика учета индекса цен позволила бы населению с большим доверием отнестись к изменению уровня цен при проведении реформы ценообразования. Тем более что такой опыт используется во многих странах.

Поскольку введение индекса цен находится, видимо, в компетенции Верховного Совета СССР, хочу через ваш журнал обратиться с открытым наказом к депутатам Верховного Совета: на ближайшей сессии в законодательном порядке поручить правительству СССР регулярно (не реже одного раза в год) исчислять индекс цен и повышать в соответствии с его ростом все государственные выплаты.

Ф. М. ГУРЕВИЧ
Москва

■

На очередном занятии слушатели Межведомственного института повышения квалификации задали мне вопрос: кто готовил проекты Законов СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР». К сожалению, я не смог ответить на поставленный вопрос. Пришлось извиниться перед ними за свою неосведомленность. Мои попытки найти ответ на этот вопрос не увенчались успехом. В начале ноября по московскому каналу телевидения был организован «круглый стол», где в обсуждении проектов названных законов участвовали ученые, сотрудники Института государства и права Академии наук СССР, но и они не смогли ответить на аналогичный вопрос телезрителей.

А ведь проекты законов появились на свет не сами собой, готовили их конкретные, вполне определенные организации, за отработку отдельных разделов этих документов отвечали конкретные должностные лица или ученые, выражающие определенные взгляды, интересы. Так почему же это нужно держать в секрете, почему не сказать об этом открыто? Почему и эта сфера деятельности продолжает оставаться закрытой зоной? Если гласность, то она должна быть полной. Известно, что недостаток информации, недомолвки порождают кривотолки.

Думается, что в будущем при публикации проектов законов для всенародного обсуждения обязательно следует в виде краткой справки называть органы или организации — главных разработчиков проектов — и перечислять конкретных должностных лиц, ученых, ответственных за те или иные разделы проектов. Это принесет только пользу. А конкретные разработчики будут более ответственно относиться к подготовке проектов законов.

Ю. Е. ВИНОКУРОВ,
кандидат юридических наук

■

В середине сентября я направил в Бюджетную комиссию Верховного Совета СССР письмо о выплате долгов по Государственным займам. В ответ меня передали, а вместе со мной всех займодателей на милость Министерства финансов. Но мнение этого министерства я давно знаю, и благодати от него мне ждать не приходится. Вот так: как и прежде, футболим бумажки и занимаемся отпиской. Я, конечно, продолжаю быть «винтиком». Но ведь и Минфин не высший орган государственной власти. Зачем же нас сводить? Минфин говорит: в стране тяжелое положение с финансами. Во-первых, не я довел страну до тяжелого финансового положения. Во-вторых, никто из тех, кто довел страну до тяжелого финансового положения, не отчитался за свои грехи. В-третьих, когда из меня выжимали на заем по полтора-два месячных заработка, мое финансовое положение было не легче. Наконец, честный должник долги отдает вовремя.

Н. А. ПУЛЕНКО,
участник войны, ветеран труда
Орджоникидзе, Северная Осетия

■

После статьи А. Минкина «Зараза убийственная» вспомнил, как в июле 1963 года после окончания Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института приступил к работе в должности зав. санитарным отделом Андижанской областной санэпидстанции. В первые же дни мне пришлось увидеть широкомасштабные химические операции ради «белого золота» — хлопка. За семь лет работы в Облсанэпидстанции я расследовал сотни случаев отравления пестицидами, в том числе и со смертельным исходом.

В 1964 году я организовал лабораторию ядохимикатов и пришел к ужасающему выводу о необходимости уничтожения продуктов питания, выращенных в нашей области.

Помню, сколько трудов и сил ушло на запрещение страшного препарата — алдрина. Меня и зав. облздравотделом Н. У. Усманова держали «на ковре» и говорили, что мы будем в ответе за хлопок, а мы в ответ показали фотографии умерших от отравлений.

Знаю людей, которые имели много служебных неприятностей за принципиальное отношение к «заразе убийственной». К ним относится бывший главный санитарный врач УзССР В. М. Бойко. Ныне он работает в Институте полиомиелита АМН СССР в Москве. Ему обязаны своими жизнями тысячи простых людей, а может быть, и десятки тысяч. Он поддерживал нас — провинциальных санитарных врачей. К сожалению, таких принципиальных работников на этом посту я более не видал. Зато помню, что издательство «Медицина» в Ташкенте имело из-за меня большие неприятности за выпуск книги «Гигиена труда при возделывании хлопчатника в условиях применения некоторых фосфорорганических инсектицидов» (Ташкент, 1970). Тогдашний министр здравоохранения республики дал указание книгу уничтожить непосредственно в типографии. Благодаря помощи некоторых непокорных книга вышла в свет. Защищать диссертацию по этой проблеме мне в Узбекистане не позволили. Пришлось ехать в Ленинград. Проблемы здоровья хлопкоробов городу на Неве оказались ближе, чем Ташкенту.

Ныне я занимаюсь проблемами детской смертности. Здесь также приходится сталкиваться с рядом трудностей (традиционный быт, уровень культуры, планирование семьи и, конечно, внешняя среда). Хотелось бы, чтобы такие работы поощрялись, чтобы не тратить время на борьбу с ветряными мельницами.

Д. Г. РОЗИН,
доктор медицинских наук,
зав. кафедрой социальной гигиены
и организации здравоохранения
Андижанского мединститута

■

Нет нужды доказывать, что многочисленные попытки реформ политической системы, экономики, права в нашем многострадальном обществе оказывались безуспешными, главным образом в связи с половинчатостью, нерадикальностью. Идея оградить судей от унизительного и порочного «телефонного права» различными вариантами их выборов или назначений на срок или пожизненно является примером такой непоследовательности и грешит недостатками, уже испытанными в нашей истории. Нетрудно понять, что при любом таком варианте судья останется связан с административными, партийными и прочими каналами, через которые будет оказываться с прежней силой давление на его решения.

Если проведение реформы политической системы, экономики неизбежно связано с вариантами, осуществляется методом проб и ошибок, то в реформе судебной системы все лежит на поверхности. Единственным способом ограждения судебных решений от давления является введение суда присяжных, который принимает решение без нажима судей. Только в том случае, когда вопрос о виновности будет решаться не судьей, а присяжными, а судье предоставится право решать только вопрос о мере наказания, возможность «телефонного» диктата будет максимально ограничена, практически устранена.

Ни выведение судей из-под формального подчинения местным органам, ни увеличение численности народных заседателей не способны принципиально решить эту проблему.

Имея в виду важнейшее социальное значение этой проблемы, кровную заинтересованность всего общества в ее решении, множественные связи между судопроизводством и всеми звеньями нашей политической и экономической сферы, предлагаю вопрос о суде присяжных вынести на всенародное обсуждение — референдум. С одним только вопросом: суду присяжных быть или не быть?

Ю. Г. КУДИНСКИЙ,
член КПСС с 1942 года
Одесса

■

Я был очень рад прочитать в № 35 очерк Виктора Конецкого о Викторе Некрасове. Но я не могу понять, для чего Виктору Конецкому в самом начале очерка понадобилось обругать собственного переводчика «мсье Катала», который, мол, был другом Мориса Тореза и корреспондентом коммунистических газет, а потом, вернувшись во Францию, стал антисоветчиком, и его жену Люсю.

Жан Катала и его жена были всегда хорошими друзьями Виктора Некрасова. Жан Катала не журналист, а дипломат. До войны (в 30-х годах) был дипломатом от Франции в одной из прибалтийских стран. В 1940-м, когда прибалтийские страны присоединились к СССР и Франция уже воевала с Германией, Катала был арестован НКВД и исчез в сталинских лагерях. Чудом выжил, а после XX съезда КПСС его освободили. Но ему не разрешали вернуться во Францию — боялись свидетеля, могущего рассказать слишком много о сталинских застенках. Поэтому Жану Катала не оставалось ничего другого, как начать работу в СССР в качестве журналиста, переводчика и представителя издательств. Он женился, я помню хорошо их вдвоем (Жана и Люсю) в Москве в середине 60-х. Уже на старости лет, по ходатайству французского правительства Жану Катала было возвращено Советским правительством французское гражданство (а какое право было отбирать у него это гражданство?), и он, уже пенсионером, в возрасте 70 лет, смог в 1975 году вернуться во Францию. 35 лет Жан Катала находился «вне закона», и нужно было бы принести ему извинения, а не оскорблять старого и достойного человека. Жан Катала никогда не сидел «между несколькими стульями», он всегда был французом и служил Франции. Таких, как Катала, иностранцев, попавших в сталинские лагеря в 1940—1945 годах, не так уж мало, и эта проблема заслуживает очень серьезного внимания. Немногим из них удалось выжить.

Жорес А. МЕДВЕДЕВ
Лондон

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Владимир ЦВЕТОВ

ИНТРОДУКЦИЯ

Но край, таким богатством чудный,
Что за окном, красуясь, тек,
Лесной, земельный, горнорудный,
Простертый вдоль и поперек,—
И он таил в себе подспудный
Уже знакомый мне упрек.
Смотри, читалось в том упреке,
Как изобилен и широк
Не просто край иной, далекий,
А Дальний, именно, Восток...

Вряд ли перед поездкой в Приморье Александр Твардовский знакомился со специальной литературой о природных ресурсах края. Приморье щедро демонстрирует свои богатства, и только слепой не заметит их. Но почувствовать упрек, что остается богатство втуне, в состоянии лишь зрячая, остро чувствующая душа рачительного хозяина, а не ледышка в грудной клетке безразличного временщика.

Семьдесят видов полезных ископаемых, 34 процента залежей угля, 30 процентов гидроэнергетического потенциала страны — вот чем обладает «простертый вдоль и поперек» Дальневосточный экономический район. Дает же он всего 3 процента общего промышленного производства Советского Союза. Так было, когда на Дальнем Востоке побывал Александр Твардовский, так остается там до сих пор — спустя тридцать лет.

Нельзя сказать, что совсем не раздавались предложения пересмотреть отношение к Дальнему Востоку как к сырьевому придатку промышленно развитой европейской части СССР. Говорилось, что неразумно сохранять Дальний Восток в качестве нашего заднего двора, ведь грядет век Тихого океана, и мы рискуем оказаться обращенными к новому центру мировой экономической и политической активности не фасадом, а запущенными задворками. Десять лет назад я слышал такое предостережение, например, от тогдашнего торгпреда СССР в Японии Виктора Спандарьяна. Он не был одинок. Но в Москве не желали слушать голос разума и не ощущали, что дальневосточный край «таил в себе подспудный, уже знакомый» упрек.

«Мышление является страданием»,— считал Аристотель. И для чиновников тоже. Мышление для них, как зубная боль. Даже если чиновники и читали поэму «За далью — даль», она не растопила ледяной осколок в их груди. Бессильной оказалась и наука. Как она и предупреждала, рост производства в государствах Тихоокеанского региона составил в среднем 4 процента в год по сравнению с 2,5 процента в европейском Общем рынке. Уже ясно, что сбудется и другое научное предвидение: суммарный валовой национальный продукт тихоокеанских государств превысит к 2000 году 9 триллионов долларов, вдвое больше, чем у стран Европейского экономического сообщества. Следует поэтому, делала вывод наука, поторопиться с включением Советского Дальнего Востока в систему регионального разделения труда. Но тщетно. Чиновникам очень не хотелось маеты с зубами.

У Конфуция спросили: как служить чиновнику? «Не лгать и досаждать вышестоящему». Досаждать — значит, выражаясь по-современному, выдвигать смелые предложения. Воскресни сейчас Конфуций, он пришел бы в ужас: чиновники поступают прямо наоборот. Они лгут если не словом, то действием и не желают досаждать кому-либо, потому что выдвижение предложений требует от них работы мысли.

А тем временем может, должно делаться дело!

«Дальний Восток по традиции называют форпостом страны на Тихом океане. Это, безусловно, верно,— сказал М. С. Горбачев в 1986 году во Владивостоке.— Но сегодня такой взгляд уже нельзя признать достаточным. Приморье, Дальний Восток надо превратить в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс». В ответ чиновники сочинили Долговременную государственную программу комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района до 2000 года. По меткому замечанию видного ученого, программа являет собой желание «все изменить, ничего не меняя». Она несостоятельна, или, попросту говоря, лжива. Программа неспособна и «досадить вышестоящему», так как она не несет в себе ничего революционного.

В самом деле, трехкратного увеличения, скажем, экспорта планируется достичь по-прежнему за счет продажи нефти, газа, угля, леса, хотя как раз эксплуатация этих ресурсов без расширения иной, помимо добывающей, промышленности и обрекла Дальний Восток на незавидную судьбу сырьевого придатка. Как явствует из Долговременной государственной программы, в 2000 году даже изделия из дерева — не бог весть какая сложная переработка сырья — и те все еще не превысят 10 процентов от объема вывозимого круглого леса. Разрыв в промышленном развитии между Советским Дальним Востоком и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона увеличится еще больше.

Что же это за объединенная сила, превращающая вопреки здравому смыслу и логике Дальний Восток во вспомогательное, по существу, владение европейского центра СССР? Ведомства. Это их отраслевой подход к природным ресурсам Дальнего Востока вверг в экономический застой район, занимающий четверть территории нашей огромной страны. Это они противятся, судя по Долговременной государственной программе, становлению на Дальнем Востоке высокоразвитого народнохозяйственного комплекса.

Идея, высказанная в общем виде во Владивостоке, обрела в 1988 году в красноярском выступлении М. С. Горбачева зримые очертания. В Приморском крае поняли, что «красноярские хозяйственные инициативы» открывают беспримерные перспективы. Во-первых, в области торговли. Предусматривается, что предприятия, организации и производственные кооперативы, расположенные в регионе, получат право непосредственного выхода на внешний рынок, что так называемый «дальневосточный коэффициент» из символической приплаты к весьма эфемерному с точки зрения приобретения товаров и услуг рублевому заработку превратится во вполне реальные добавочные средства в валюте, на которые можно купить за границей предметы широкого потребления. Предприятия, участвующие в прибрежной торговле, сумеют продавать за рубежом сэкономленные сырье и материалы к выгоде не ведомства, далекого от них, а к своей собственной. Предоставлять разрешение на всю эту деятельность станут не за тридевять земель, в Москве, а тут же, в Приморском крайисполкоме.

Во-вторых, в Красноярске было сказано и о новом для Дальнего Востока деле: о создании специальных зон совместного предпринимательства, где предусматривается льготное налогообложение и где совместные предприятия сами определят размер заработной платы для своего персонала, избежав губительного вмешательства Госкомтруда и Министерства финансов.

Упрек, о котором написал Александр Твардовский, похоже, услышан, и на него дается ответ.

«Красноярские хозяйственные инициативы» года три назад жарко одобрили бы в Приморском крае, немедля отрапортовали бы Москве о готовности развернутого плана претворения инициатив в жизнь и надежно схоронили бы план во вместительных канцелярских шкафах, потому что для работы он никак не годился бы. Центральные ведомства, со своей стороны, опутали бы инициативы инструкциями, разъяснениями, руководствами и выхолостили бы в инициативах все полезное и рациональное.

Не так теперь. Услышанные мною во Владивостоке, в Находке, в Хасане, в портах Восточный и Посьет монологи — экспансивные и рассудочные, полные энтузиазма и содержавшие скептицизм — пронизывала тяга не восславить угодливо предложения, выдвинутые в Красноярске, а перевести их на язык продуманных, последовательных и решительных поступков. Все мои собеседники были охвачены желанием не ошибиться, отыскать верный путь, ибо разделяли общее твердое убеждение: у Дальнего Востока появился последний, может быть, шанс освободиться наконец от засилья ведомств и действительно «сжать,— как выразился М. С. Горбачев,— время решения проблем» промышленного развития региона.

КАКИМ ПУТЕМ ИДТИ НАХОДКЕ И ПОРТУ ВОСТОЧНЫЙ?

«Находка представляет собой чрезвычайно благоприятное место для образования любой зоны, в том числе и совместного предпринимательства. Когда-то здешняя бухта получила название «Находка», потому что дала возможность мореплавателю спастись от шторма. Сейчас здешний порт и прилегающий к нему район могут оправдать это свое название еще раз, но уже

с точки зрения спасения от экономического застоя».

Я привожу монолог доктора географических наук Валерия Моисеевича ЛИФШИЦА. Глядя на него, думал: не в результате ли общения с такими людьми реализуется крылатая фраза «Идея становится материальной силой, когда овладевает массами»? Во всяком случае, у Валерия Моисеевича сила убежденности, казалось, вот-вот и вправду материализуется.

«Если взять транспортно-географическое положение района Находки и порта Восточный, то оно сравнимо с положением Сингапура,— продолжил Лифшиц.— И так же, как и в Сингапуре, вокруг перевалочного узла Находка — Восточный вполне осуществимы совместные предприятия, которые, перерабатывая богатейшее дальневосточное сырье, будут поставлять высококачественную продукцию для населения нашей страны и для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. То есть добыча сырья, его переработка и транспортировка готовой продукции — все в одном месте. Разве не уникальна этим Находка? Между нею и Владивостоком сосредоточилась бо́льшая часть населения Приморского края. Оно-то и сделается рабочей силой на совместных предприятиях. Эти особенности, без сомнения, привлекут сюда иностранный капитал».

Валерий Моисеевич говорил столь эмоционально, что за гостиничными окнами я увидел вдруг рейд, заполненный судами под разными флагами, и у самой воды — небоскребы оригинальной архитектуры с рекламными надписями всемирно известных банков, страховых компаний, промышленных и торговых фирм. Словом, мне пригрезился Сингапур, каким я его запомнил. Может, и вправду не идеей, а чувством увлекают людей?

Однако услужливая память вызвала и иной образ: Нью-Москвы в волжских Васюках, рожденный буйной фантазией Остапа Бендера. У гласности недолгая история, но подвергать открытому критическому осмыслению даже самые привлекательные заявления она уже научила. Чтобы не потерять этой способности и не поддаться чарам столь желанной мечты о нашем собственном Сингапуре в Приморском крае, следующему своему собеседнику, первому секретарю Находкинского горкома КПСС Юрию Николаевичу Меринову, я поспешил задать вопрос, прежде чем он приступил к монологу. Мне хотелось, чтобы партийный секретарь был менее эмоционален, чем ученый.

— Юрий Николаевич, как подсказывает мировая практика, для зоны совместного предпринимательства необходимо иметь избыток рабочей силы, разветвленную инфраструктуру и развитой социально-бытовой сектор. Есть ли эти предпосылки в Находке?

«Если откровенно, то не обладает Находка ни первым, ни вторым, ни третьим,— ответил Юрий Николаевич.— Мы не в состоянии привлечь дополнительную рабочую силу. Да и решение остальных вопросов, связанных с созданием зоны совместного предпринимательства, нам не под силу».

Начало монолога меня обескуражило.

Мнение первого секретаря горкома партии содержало полное отрицание позиции, воодушевленно изложенной доктором географических наук. Уж не мой ли явно риторический вопрос да ссылка на мировую практику подтолкнули Юрия Николаевича Меринова к пессимистическому выводу? Кому не известно о недостатке на Дальнем Востоке рабочей силы, о нехватке жилья, хороших дорог, школ, больниц? И спрашивать об этом разве не побуждать к совершенно определенному ответу? Поэтому, приступая к разговору с третьим собеседником, начальником порта Восточный Геннадием Прокофьевичем Жебелевым, я постарался сформулировать вопрос максимально нейтрально:

— Существуют ли какие-либо трудности для создания в Находке и Восточном зоны совместного предпринимательства?

«Громаднейшая проблема — соцкультбыт,— решительно и резко проговорил Геннадий Прокофьевич.— Из-за отсутствия удовлетворительных условий текучесть кадров поистине сумасшедшая. Умелые, работоспособные, творческие люди у нас, к сожалению, не задерживаются. За последние десять лет в Находке осело лишь семь процентов прибывших к нам специалистов. Причины: жилье надо ждать 15—17 лет, уровень социальных благ минимальный. Специалист опасается, что его дети не получат здесь даже общего образования, равного тому, какое дают школы в европейской части СССР».

Услышав это, я засомневался в обоснованности энтузиазма ученого Лифшица. Не зря сказано, что крохотный факт стоит целого сонма несбыточных грез. И я попросил Валерия Моисеевича подкрепить его заключения фактами.

«В случае создания совместных предприятий, которые, как ожидается, будут обладать самой современной технологией, на первых порах вполне можно обойтись имеющейся в Находке рабочей силой, поскольку современная технология позволит поднять производительность труда втрое, а то и вчетверо,— пояснил Лифшиц.— Конечно, нынешние дороги отвратительные,— согласился он,— в Находке отсутствует аэропорт, без которого зона совместного предпринимательства немыслима, жилье возводится медленно и плохо. Но ведь есть предложения со стороны иностранных предпринимателей заняться у нас строительным бизнесом. Реализуем мы эти предложения, и от желающих работать в зоне совместного предпринимательства отбоя не станет».

И снова обращусь к монологу Юрия Николаевича МЕРИНОВА:

«Зона совместного предпринимательства в ее классическом понимании для Находки неприемлема. Требуется другой путь. Какой? Например, вот этот. Находка — один из крупнейших рыбодобывающих и рыбообрабатывающих центров в Приморском крае, а может, и во всем Дальневосточном регионе. Уже нет мочи видеть, как рыбную продукцию мы только замораживаем или превращаем всего лишь в полуфабрикаты. Пора, давно пора заполучить технологии, построить мощности, которые позволили бы выпускать полностью завершенную продукцию. Мы смогли бы снабдить ею весь Приморский край да и в другие части СССР вывезти».

Из монолога Геннадия Прокофьевича ЖЕБЕЛЕВА:

«Комплексное использование лесных богатств Приморского края позволило бы экспортировать не круглый, а распилованный — на доски, на брусья — лес. Отходы можно было бы пустить на изготовление древесностружечных плит, паркетной планки и другой продукции лесопереработки. Даже мебель оказалось бы возможным делать. И результат: увеличение валютных поступлений в три, четыре, пять раз».

Монологи Меринова и Жебелева я прервал вопросом: почему они изъясняются только в сослагательном наклонении? Что мешает двигаться по «другому пути» экономического развития Находки, пути, предлагаемому Мериновым?

«Если говорить о Находке, то Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района не отражает экономических и социальных возможностей нашего города.— ответил Юрий Николаевич.— Когда программа готовилась, мы внесли свои предложения. Однако они вошли в программу только на 25—30 процентов. Поэтому-то не чувствуется уверенности в словах хозяйственных руководителей Приморского края, поэтому-то скована их инициатива».

Итак, «другой путь», помимо образования в Находке зоны совместного предпринимательства, изобилует шипами, заботливо разбросанными авторами Долговременной государственной программы. Может быть, ведомства пытаются таким образом вынудить городское руководство к совместному предпринимательству с зарубежными фирмами? Пока оставлю вопрос без ответа. К нему я вернусь чуть позже. А сейчас познакомлю с монологом генерального директора Ассоциации делового сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона Валерия Константиновича Лозового. Он тоже коснулся «другого пути» экономического развития края, вернее, невозможности этого пути, но не с точки зрения обилия шипов, препятствующих движению:

«Простой товарообмен, к которому мы привыкли — образно говоря, шкуры на топоры или круглый лес на ширпотреб,— не принесет нам ни современной зарубежной технологии, ни средств для строительства новых производственных мощностей».

«Следовательно, выход — в совместном предпринимательстве?» — перебил я Лозового.

«Возможно. Да только настораживают проблемы рабочей силы, которой на Дальнем Востоке мало, проблема инфраструктуры, развитой весьма слабо. Это — ясно видимые отрицательные моменты, мешающие образованию зон совместного предпринимательства. И все же не хотелось, чтобы такие отрицательные моменты предопределили окончательное решение. Надо попробовать. Ведь у идеи совместного предпринимательства на Дальнем Востоке, без сомнения, есть рациональное зерно».

В монологах, записанных мною в Находке и в порту Восточный, я углядел целую торбу подобных зерен:

«Из проектируемых и строящихся сейчас объектов комплекс, разрабатывающий калийные соли, может быть совместным предприятием с японской фирмой. Проявляет интерес «Сумитомо». Есть заинтересованность и со стороны американских компаний».

«Вполне осуществим совместный советско-французский завод по выпуску черепицы. Покупатели на нее найдутся в Юго-Восточной Азии».

«Перспективен совместный советско-чехословацкий домостроительный комбинат».

«Два судоремонтных завода — там уже побывали японцы — готовы, по их мнению, для превращения в совместные предприятия».

«Для совместных рыбопромысловых и рыбоперерабатывающих предприятий вообще необъятное поле деятельности».

«Совместно можно было бы строить и совместно эксплуатировать гостиницы».

«Наверняка за рубежом найдутся желающие вложить капитал в совместное предприятие, которое займется созданием в Находке аэропорта».

Мои собеседники могли, вероятно, еще долго перечислять, какие совместные предприятия видятся им в Находке и порту Восточном. Но не подменили ли и в их монологах энтузиазм трезвую оценку реальных условий?

Из монолога Валерия Константиновича ЛОЗОВОГО:

«Зона совместного предпринимательства», «зона совместной торговли», «специальная экономическая зона» — очень модные сегодня слова. Многие связывают с этими зонами свои надежды на быстрое экономическое развитие. Но что представляют собой зоны? С чего начинать их создание? Никому не ведомо. У наших соседей — китайцев уже накоплен некоторый опыт. Однако применим ли он в советских условиях? Энтузиазма, как, впрочем, и пессимизма, много. Знаний нет. А без знаний нельзя решить, нужны или нет Приморскому краю зоны совместного предпринимательства, а если нужны, то какие?»

Из монолога Юрия Николаевича МЕРИНОВА:

«Научный потенциал Находки довольно-таки низкий. И нам требуется помощь специалистов из академических институтов для разработки концепции зоны совместного предпринимательства, коль скоро решение о ней принято и его придется выполнять. Надо отыскать наиболее действенные способы, исходя из имеющихся экономических и социальных условий. Весьма полезной для нас оказалась бы, скажем, школа менеджеров. Мы готовы предоставить приглашенным специалистам помещения, выделить людей, которые работали бы с ними. То, что мы делаем собственными силами, явно недостаточно. Стройной долгосрочной программы превращения Находки в зону совместного предпринимательства пока нет».

Помните, я оставил без ответа вопрос: не являются ли воздвигнутые центральными ведомствами препятствия для комплексного экономического развития Дальневосточного района средством вынудить местные власти отойти от традиционного пути и шагнуть на новый путь — совместного предпринимательства? Наступило время привести ответ. Он прозвучал в монологах начальника порта Восточный Геннадия Прокофьевича Жебелева и первого секретаря Находкинского горкома партии Юрия Николаевича Меринова.

ЖЕБЕЛЕВ:

«Я очень и очень сомневаюсь, чтобы Министерство финансов, чтобы Госплан оперативно предприняли главное: образовали у нас банк, который финансировал бы совместные с зарубежными фирмами хозяйственные проекты и производил бы с этими фирмами финансовые расчеты. Предыдущий опыт подсказывает: центральные ведомства не желают и боятся нашей экономической самостоятельности».

МЕРИНОВ:

«Как только вышло постановление о создании совместных предприятий с зарубежными фирмами, мы сразу занялись изучением своих возможностей: сумеем или нет сделать Находку привлекательной для иностранных инвесторов? Но Министерство финансов было начеку. Оно тут же приписало к постановлению ограничение: самостоятельно мы вправе создать совместное предприятие с капиталом, не превышающим определенную, крайне мизерную сумму. То есть крупные совместные предприятия можно образовывать только с позволения Министерства финансов. Сколь трудно добывать его разрешения, мы слишком хорошо знаем. Поступило и другое разъяснение: валютные счета открываются исключительно в городах краевого подчинения. На наши руки навесили, следовательно, дополнительные цепи. Даже если и появятся у нас совместные предприятия, их валютную прибыль мы будем обязаны перечислять в вышестоящие органы и испрашивать их соизволения на расходование нами же заработанных денег».

— Юрий Николаевич, когда я ехал из Владивостока в ваш город, то видел на шоссе шлагбаумы. Теперь ограничения на поездки во Владивосток отменены и шлагбаумы подняты. А может, стоит их опять опустить, но лишь для единственной категории путешественников: чиновников Минфина и Госплана?

«Сами чиновники пусть ездят к нам. У нас красивые места. А вот если б можно было перегородить шлагбаумами поток чиновничьих инструкций, то такого рода закрытость приветствовал бы, наверное, весь город Находка».

— Предположим, Юрий Николаевич, что удалось опоясать Находку антибюрократическими редутами. Сколько времени понадобилось бы городу для осуществления планов ускоренного экономического развития?

«Даже те хозяйственные разработки, которые предприняты горкомом партии, исполкомом городского Совета, промышленными предприятиями, преобразили бы экономический облик Находки уже через три-четыре года».

«КРАЙ СУРОВЫЙ ТИШИНОЙ ОБЪЯТ...»

Тайфун переместился на северо-восток, к Сахалину, но дождь не прекратился. В море по верхушкам волн все еще бежали частые белые барашки, подгоняемые штормовым ветром. Вертолет прижимался к сопкам, стараясь не задеть набухшие водой мрачные тучи. Земля была близко к иллюминаторам: невысокие, покрытые лесом холмистые горы, где, казалось, никогда не ступала нога человека, просторные и безжизненные песчаные пляжи, на которые равномерно накатывались свинцового цвета длинные водяные валы. Обратно в море они стекали черными широкими языками. Вспомнилась когда-то популярная песня: «На границе тучи ходят хмуро. Край суровый тишиной объят...»

Мы летели из Владивостока в порт Посьет и в город Хасан. Мы — это съемочная группа Центрального телевидения и советские и хозяйственные руководители Приморского края. Экскурсии, подобные нашей, теперь сделались сюда частыми. Будь во времена Джека Лондона вертолеты и телевидение, Клондайк наверняка превратился бы в точно такой же объект многолюдного паломничества. Я неспроста сравнил район Посьета и Хасана с Клондайком. Если судить по предложению группы японских страховых фирм, район этот и в самом деле должен превратиться в золотую жилу для экономики Дальнего Востока.

Предложение состоит в следующем. Совместная советско-японская компания возьмет в аренду сроком на 60 лет участок площадью сто квадратных километров на стыке трех границ — советской, китайской и Корейской Народно-Демократической Республики. Это и есть Посьето-Хасанский район. Здесь совместная компания построит новый торговый порт, проложит дороги, нефте- и газопроводы, линии связи, возведет электростанцию и международный аэропорт, словом, создаст инфраструктуру и затем начнет в свою очередь предоставлять в аренду обустроенные участки под заводы, фабрики, научные центры, жилые комплексы, за счет чего и будет получать прибыль. Японская сторона намерена вложить в проект 4 млрд. долларов. В салоне вертолета разговор вертелся вокруг японского предложения, и я опять услышал — в сотый, наверное, раз за неделную поездку по Приморью — слова: «Дальневосточный Сингапур». Теперь они относились не к Находке и Восточному, а к Посьету и Хасану.

Вертолет, спасаясь от низкой тучи, нырнул в долину между сопками. Я ясно различил изъеденную гусеницами вездеходов извилистую полосу глины. Полоса, как можно было догадаться, выполняла роль дороги. Она вела в поселок.

Мелкий густой дождь, окрасивший поселок в грязно-серый тон, усиливал тоскливое ощущение. Местный пограничный начальник горько сострил: «Если Москва — сердце нашей Родины, то Посьет — ее мочевой пузырь». До Посьета еще предстояло добираться, но уже здесь, на подлете к порту, пришлось, как ни противилось сердце, отдать должное меткости мрачного острослова. И подумалось: 4 миллиарда долларов, которые японская сторона готова вложить в совместное с нами освоение района Посьет — Хасан, оказались бы совсем нелишними. И первые монологи, услышанные в Посьете и Хасане, внушали уверенность, что японское предложение действительно откроет двери, ведущие к экономическому процветанию района.

Заместитель председателя Хасанского райисполкома Анатолий Васильевич БОНДАРЕНКО:

«Общественность Хасана полностью поддерживает планы обустройства Посьето-Хасанского района. Да и как можно пренебречь нашим выгоднейшим географическим положением! Рядом с Хасаном — КНР и КНДР. Из Посьета морские пути ведут в Японию и в Юго-Восточную Азию. Словом, здесь может возникнуть один из самых оживленных в Азиатско-Тихоокеанском регионе торговых перекрестков. А если тут появится и современная промышленность, то Посьето-Хасанскому району вполне будет по силам соперничать и с Сингапуром, и с Гонконгом».

Начальник порта Посьет Виктор Александрович РАСПОПИН:

«Совместное с зарубежными партнерами освоение нашего района — насущная необходимость. Это — единственный, насколько я представляю, способ вдохнуть в район хозяйственную жизнь. Тем более что и соседи наши — КНР и КНДР — заинтересованы в осуществлении предлагаемого японцами проекта. Китай, например, не прочь уже сейчас приступить к реконструкции и расширению порта Посьет, к строительству дорог, ведущих к порту».

Секретарь Хасанского райкома КПСС Евгений Александрович САВИНКОВ:

«Если здесь развернется крупное строительство, мы сможем принять рабочую силу из КНР и КНДР. Сумеем предоставить китайским и корейским рабочим хорошее жилье, питание, обеспечить им нормальный досуг. Появится у соседей желание создать совместные предприятия? Пожалуйста. Море у нас богатое. Можно заняться и рыбным промыслом, и переработкой рыбы».

Главный инженер Славянского судоремонтного завода Вячеслав Алексеевич КРЫСИН:

«Собственно, наш завод уже ведет переговоры с китайской стороной о партнерстве. Они нам — рабочую силу, мы им — оборудование и материалы. Наш завод с удовольствием пригласил бы к себе по крайней мере четыреста китайских рабочих. Так мы подойдем, я думаю, и к совместному с китайцами предпринимательству...»

Наверное, можно было бы опереться на монологи этих людей и, совершив необходимые формальности, скрепить подписями и рукопожатиями договоренность о создании совместной советско-японской компании по строительству инфраструктуры в Посьете и Хасане. В Москве есть ответственные руководители, которые и хотели бы так поступить. Их заворожили заморские миражи в приморской тайге. И они намереваются как можно скорей вложить пальцы в японскую ладонь и приказать приморцам приступить к «осингапуриванию» Посьето-Хасанского района. Но, может, стоит выполнить завет ученых предков? Храните постоянно воодушевление и энтузиазм, но дайте им в неразлучные спутники строжайшую проверку, призывали они. В Приморском крае заветом не пренебрегли.

Из монолога доктора географических наук Валерия Моисеевича ЛИФШИЦА:

«В Посьето-Хасанском районе нет рабочей силы. Значит, рабочую силу, практически всю, придется завозить из КНР и КНДР. То есть мы создадим на своей земле зону совместного предпринимательства, в которой нас самих-то не будет. В таком случае пусть эта зона и разместится в Китае или в Корейской Народно-Демократической Республике.

С точки зрения экономико-географической Посьето-Хасанский район окажется попросту убыточным для нашей страны. Ведь его транспортные артерии будут тяготеть не к Советскому Союзу, а к Китаю и КНДР. Зона не превратится в магнит, притягивающий грузы из-за границы к нам. Наоборот, она оттянет грузы от наших транспортных путей.

И еще. По моим подсчетам, после создания в Посьето-Хасанском районе разветвленной инфраструктуры стоимость гектара земли здесь составит примерно 2,5 миллиона долларов. Какому советскому предприятию будет по карману аренда в Посьете или Хасане участка для промышленного и культурно-бытового строительства? Я подобного предприятия пока не знаю. Вот и получится, что созданной при нашем участии инфраструктурой воспользуются японские, южнокорейские и, возможно, китайские компании, но не мы».

Из монолога заместителя начальника Дальневосточного морского пароходства Александра Анатольевича ЛУГОВЦА:

«В Приморском крае уже достаточно транзитных портов, связанных с железнодорожной сетью Советского Союза. В порт Восточный вложены огромные средства, а он до сих пор полностью не загружен. Я имею в виду контейнерный причал. После появления в Посьете и Хасане зоны совместного предпринимательства здешний порт будет конкурировать с портом Восточный. Это станет конкуренция не созидающая, не стимулирующая развитие, а разрушающая. Причем разрушит она Восточный. Цепная же реакция от удара по Восточному кончится взрывом на БАМе. В огне взрыва погибнут вложенные там многие миллиарды рублей, поскольку грузы из Посьета пойдут на Запад по китайским и корейским железным дорогам, а не по Транссибирской магистрали и не по БАМу — они от Посьета дальше».

Вместе со мной монологи слушал первый заместитель председателя Приморского крайисполкома Борис Федорович Беспалов. В конечном счете краевой Советской власти выбирать, где и какие зоны совместного предпринимательства следует учредить.

Монолог БЕСПАЛОВА был последним, который я записал на Дальнем Востоке:

«Единство не всегда означает полное единообразие. Все высказавшиеся едины в стремлении принести краю процветание. Предлагаемые методы разные, даже взаимоисключающие и, я думаю, было бы неверно с хода одобрить одни и отвергнуть другие. Мы привлечем к обсуждению общественность края, воспользуемся советами ученых, специалистов, в том числе, разумеется, и из центральных хозяйственных органов. Все взвесим и сообща примем решение. Мне кажется, нами должен двигать не страх кого-то обидеть в Москве или здесь, не опасение отринуть не выдержавшие проверку наукой и практикой указания, а стыд перед потомками, которые могут бросить нам упрек за непродуманные действия».

Конечно, хорошо, что в Приморье размышляют, спорят, стараются доказать свою правоту. Это — залог правильного решения. Однако не следует забывать об опыте застойного периода: разговорами мы занимались дольше, чем непосредственной работой, а то и вовсе разговорами заменяли работу. Нынешнее обсуждение, без сомнения, конструктивно, но оно тоже занимает время. А время не ждет.

Дальний Восток опоздал с промышленным развитием настолько, что Япония не проявляет особой заинтересованности в сотрудничестве с ним в области высокосложных технологий, ограничиваясь предложениями строить в основном дороги, гостиницы, морские причалы, то есть инфраструктуру. Южная Корея, находящаяся на том технологическом уровне, какой Япония занимала в самом начале семидесятых годов, сейчас, возможно, более подходящий для Дальнего Востока партнер по совместным промышленным предприятиям. Но каждый год промедления уменьшает шансы и на партнерство с Южной Кореей. Канительщики могут, правда, тешить себя мыслью, что на подходе Китай и тут-то уж мы не припозднимся. Ни в коем случае тишина в краю суровом не должна походить на кладбищенскую.

В ПОИСКАХ ПЛЮРАЛИЗМА И ТЕРПИМОСТИ

ГАНС-ЙОХЕН ФОГЕЛЬ, председатель Социал-демократической партии Германии и фракции СДПГ в бундестаге, специально для «Огонька»

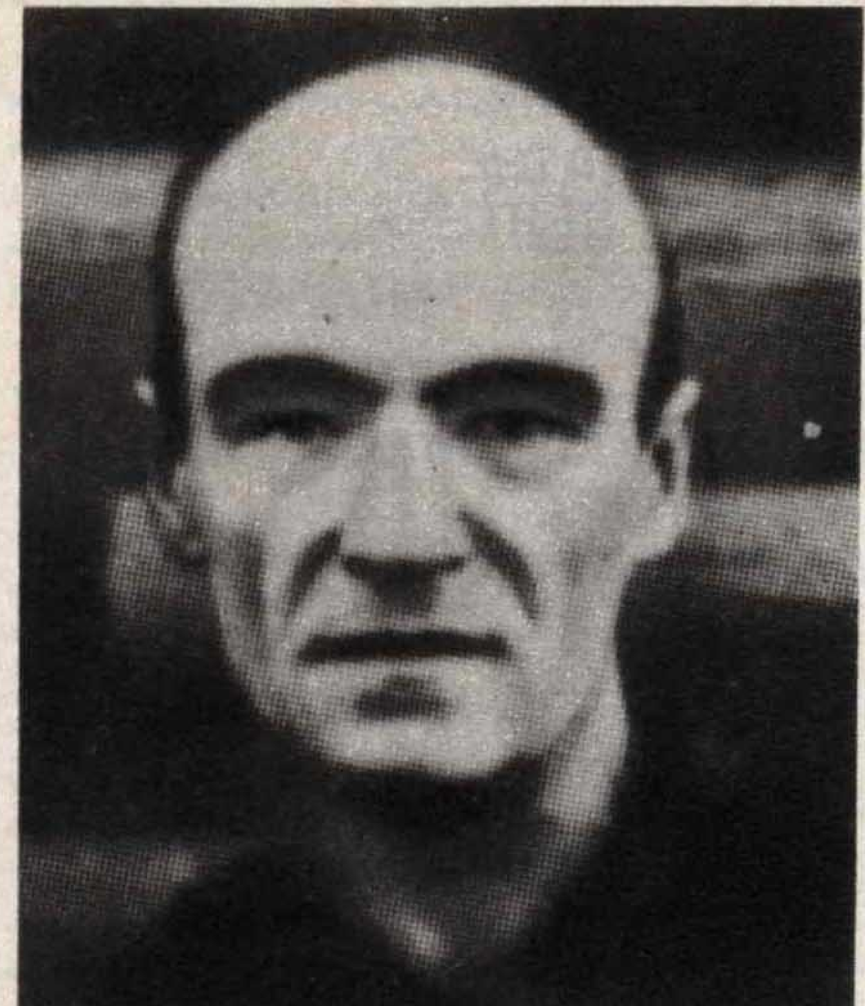
НАВЕРНОЕ, ВПЕРВЫЕ НА СТРАНИЦАХ «ОГОНЬКА» ВЫСТУПАЕТ ЛИДЕР ОДНОЙ ИЗ КРУПНЕЙШИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ МИРА. СОБЫТИЕ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ, ОСОБЕННО ЕСЛИ УЧИТЫВАТЬ ТО, ЧТО В ЭТОЙ СТАТЬЕ МОЖНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО СО ВЗГЛЯДАМИ ВИДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ, НО И ПОНЯТЬ ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ К ВАЖНЫМ ВОПРОСАМ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ВЫ МОГЛИ УЛОВИТЬ ВСЕ ОТТЕНКИ И НЮАНСЫ, ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЫ СТАРАЛИСЬ МАКСИМАЛЬНО СОХРАНИТЬ АВТОРСКИЙ СТИЛЬ. ПРЕДЛАГАЯ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ЭТУ СТАТЬЮ, НАМ ХОТЕЛОСЬ БЫ ОТМЕТИТЬ, ЧТО В ОЦЕНКАХ И РАЗМЫШЛЕНИЯХ Г.-Й. ФОГЕЛЯ НЕ ВСЕ КАЖЕТСЯ НАМ БЕССПОРНЫМ, В ТОМ ЧИСЛЕ И С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПРОШЛОГО. НО ГЛАВНОЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ДРУГОМ. ЧИТАЯ МАТЕРИАЛ, НЕТРУДНО ОБНАРУЖИТЬ, ЧТО ПОТРЕБНОСТЬ ПОИСКА НОВОГО ВЗГЛЯДА НА МИРОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ ВСЕ БОЛЕЕ ОЩУТИМО ДАЕТ СЕБЯ ЗНАТЬ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУГАХ ЗАПАДА.

Социал - демократическая партия Германии, основанная более 125 лет тому назад,— партия гуманизма, просвещения и реформ. Она никогда не считала государственную власть самоцелью. Напротив, власть всегда служила ей средством достижения ее целей. С самого момента своего основания СДПГ не только последовательно отстаивала свои политические целевые установки, но и соответственно закрепляла их в комплексных программах, выводила их из общих принципов, ценностей и идей, основывала на них свою практическую политику. Партия преобразований типа СДПГ считает необходимым разъяснять, какие общественные отношения она хочет изменить и почему. И ей приходится вновь и вновь мобилизовывать людей и завоевывать их политическую поддержку. Поэтому самобытность социал-демократии характеризуется одновременно двумя элементами: программой обновления общества и волей к ее реальному политическому выражению, к преобразованию действительности в духе этой программы с опорой на идею правительственной ответственности. Хотя задача формирования более совершенного общественного строя и не содержит конечной цели, она тем не менее характеризуется определенными вехами неустанной борьбы за фундаментальные ценности — свободу, справедливость и солидарность, за политический, социальный и культурный прогресс большинства наших людей. Имея это в виду, мы полагаемся на способность сознательных граждан идти своим путем на основе свободного, самостоятельного выбора. Однако у политических действий есть свои ограничения, которые преодолеваются не без ущерба для индивидуума и общества. Когда политика стремится не только создать условия для свободной, содержательной и потому счастливой жизни, но и обеспечить всеобщее счастье и всеобщее процветание, она исчерпывает себя и рискует сползти к бюрократической регламентации, не способной к преобразованиям, и заблокировать действенный контроль над властью. Поскольку при любом общественном строе ошибки неизбежны, поскольку даже лучшие решения всегда вызывают новые вопросы, мы привержены принципу постоянных преобразований. Мы ставим перед собой постоянную задачу обновления и наших фундаментальных ценностей. Этого можно достичь лишь на основе свободного демократического обмена мнениями и безусловного уважения прав человека. Наша политическая деятельность направлена на реализацию прав человека. Недопустимо, чтобы человек становился средством достижения целей государства или групп власти.

Мы, социал-демократы, усматриваем в демократическом единении основу порядка, в рамках которого политические силы борются за влияние, власть и возможность созидания, по определенным правилам спорят друг с другом, приходят к взаимопониманию и объединяются. Государство основывается на общественных силах. Ключевую роль в нем играют партии. Они воспринимают сигналы общества, перерабатывают их в свете своих ценностных представлений и претворяют потом в политику. Таким образом они осуществляют обратную связь с обществом. Поэтому мы привержены идее представительной и парламентской демократии, при которой в результате деятельности политических партий осуществляется формирование единой воли. Парламент — это инстанция, в которой после общественного обсуждения принимаются законы, становящиеся обязательными для всех. В обязанности парламента входят формирование и поддержка правительства, принуждение его к публичной отчетности и контроль за работой правительства. У правительственного большинства и у оппозиции разные задачи равного порядка, но они вместе несут ответственность за демократическое государство. По нашим ценностным представлениям, цель демократии — исключить злоупотребление властью. Не бывает государства без власти. Поэтому при демократии проблема власти как таковой — проблема противоречивая. Без средств власти демократическое государство не может утвердиться, а народ неспособен свободно определять свой образ жизни и обороняться от внешнего вмешательства или защищаться от внутренних сил, намеревающихся достичь своих целей насильственными методами. Одна из основ демократии — самоутверждение. Речь о демократии может идти лишь в том случае, когда народ способен сам в пределах своих государственных границ определять содержание и формы своей государственности. Демократическому государству приходится отстаивать свою монополию на силу, контролируемую в порядке осуществления принципов правовой государственности. Использование власти — прерогатива правительства, контролируемого парламентом. Основной заповедью при использовании и осуществлении власти должны быть принципы этики и право, поскольку безграничное использование власти даже большинством — это насилие. Демократическое государство бьет не по инакомыслящим или индивидуалистам. Оно использует свою власть, ограниченную законом, лишь в том случае, когда возникает угроза демократически сложившемуся основопорядку, основным правам. Наша конституция защищает также в первую очередь основные права меньшинства. Она определяет сферы, в которых недопустимы решения против воли меньшинства. И даже в случаях неоспоримости большинства насилие над сознанием меньшинства недопустимо. В нашей демократии непозволительно также использование средств власти против таких политических сил, которые хотя и выступают против правительственной политики, но при этом не затрагивают самих основ государства и основных прав других граждан. Ограничение или тем более ликвидация свободы выражения мнений исключили бы демократическое развитие. Поэтому решающий момент заключается в том, оказывают ли граждане (путем своего участия в принятии решений) влияние на формирование государственной воли и насколько формирование такой воли увязано с неотъемлемыми основными правами. Не менее важным, чем обуздание госвласти на основе принципов правового государства, представляется предшествующее оформление демократической структуры власти. В качестве высшей инстанции надзора за соблюдением и интерпретацией наших конституционных законов выступает Федеральный конституционный суд. По основополагающему вопросу политического формирования государственной воли суд заявил следующее: государственный строй свободной демократии должен быть постоянно ориентирован на решение задачи согласования, совершенствования и социального компромисса. В особенности он должен пресекать злоупотребление властью. Его важная задача — обеспечивать возможности реализации любых решений и (при необходимости) волеизъявления истинного большинства народа по отдельным решениям, а также требовать от этого большинства обоснования своих решений перед всем народом, включая его меньшинство. Основополагающие принципы государственного строя свободной демократии, а также его отдельные институты способствуют решению этой задачи. Воля большинства выявляется в ходе тщательно регламентированного процесса. Перед тем как большинство примет окончательное решение, меньшинство излагает свои требования, проводит свободное обсуждение, для которого создаются все возможности. Строй свободной демократии всячески развивает такие возможности, сводя до минимума риск для представителей меньшинства, желающих выразить свое мнение. Поскольку большинство меняется, то и у меньшинства есть надежный шанс на реализацию своих взглядов. Таким образом, в рамках этого строя существует значительная возможность положительного учета критики, недовольства отдельными личностями, институтами и конкретными решениями. Принятое в итоге решение большинства всегда содержит также результаты духовных усилий и критических замечаний оппозиционного меньшинства. Поскольку недовольство и критика обладают разнообразными и даже экстремальными возможностями самовыражения, то самому большинству, заинтересованному в стабильности своего положения, приходится в целом соблюдать интересы меньшинства.

Оппозиции необходимы правовые гарантии для своего существования, для своей организации, а также для своего участия в процессе выработки решений. Поэтому к основополагающим принципам нашего конституционного порядка относится многопартийная система и равенство возможностей всех демократических партий, включая право конституционного формирования и функционирования оппозиции, единственным ограничением которой служит антиконституционность какой-либо из ее целей. Таковой может быть цель партии предотвратить образование оппозиции против нее или устранить оппозицию. В нашей государственной системе оппозиция выступает фактором, формирующим государство и способствующим развитию свободы. Я с большим интересом ознакомился с резолюцией «О гласности» XIX Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся в июне. В резолюции, как мне кажется, справедливо говорится, что последовательное расширение гласности является непременным условием развертывания процессов демократизации всех сфер. Конференция подтвердила также право на открытое и свободное обсуждение любого общественно значимого вопроса. Уже сейчас можно считать конференцию событием исторической важности. Подтвердив процесс перестройки, она дала ей новый толчок и расширила ее направления. Этот прорыв в сторону открытого плюрализма мнений откроет в Советском Союзе простор для новых сил, особенно в том, что касается переноса идеи многообразия мнений, свободы слова и критики на другие уровни и сферы жизни. Во время моего последнего визита в Москву в мае я сказал: «Европе необходима новая форма плюрализма и терпимости. Ставка в этой терпимости не на общественно-политическое равнодушие или апатию, а на верность собственным принципам при отказе от догматизма и образа врага. Для создания мирного и достойного будущего всех государств и народов Европе необходима возможность открытого обсуждения успехов и неудач, преимуществ и недостатков в пределах каждой системы».

Демократия без открытого решения конфликтных ситуаций немыслима. Форма же спора должна говорить о наличии общей основы политического действия. Демократическая политическая культура складывается в тех случаях, когда в процессах мышления, действия и решения участвует максимальное число людей. Культурное общество, основывающееся на общих убеждениях, способно расти лишь тогда, когда его сознательные граждане ощущают к нему свою причастность. Расхождения в толковании политическими силами отдельных элементов конституции не обесценивают принципиального единодушия. Скорее наоборот, в результате складывается возможность для достойного спора и для политического разрешения той или иной проблемы. Лишь тогда, когда люди способны считать себя не бессильными объектами, а субъектами, формирующими политику, когда они свои взгляды и опыт, свои опасения и свои надежды воспринимают как нечто важное и привносят их в политику, можно высвободить силы для преобразования политической культуры в обществе.

1883—1941

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ФИЛОНОВ

СОБРАНИЕ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

XX ВЕК

«Ко мне на суд, как баржи каравана, столетья поплывут из темноты»... Эти дантовской силы строки Бориса Пастернака невольно вспоминаются, когда думаешь о том величавом, мощном и в каких-то оттенках таинственном возрождении сокровищ отечественной культуры, которые, после длительного небытия, одно за другим приходят к нынешним современникам.

Среди тех явлений российского изобразительного искусства, которые за последние годы «выплыли из темноты», творчество Павла Николаевича Филонова, пожалуй, производит самое ошеломляющее впечатление. О Малевиче или Шагале, о Кандинском или Лентулове широкая публика знала хоть что-то, а о Филонове почти ничего.

Он был смутной легендой. Теперь после выставок в Ленинграде и Москве перед зрителем предстал во всей своей масштабности и во всем поражающем своеобразии «материк» искусства Филонова, который предстоит изучать и осваивать как неведомую землю.

Непростое это дело! Среди первых откликов, опубликованных в связи с выставками работ мастера, преобладали биографические очерки и материалы. Это понятно. П. Н. Филонов был подвижнически предан своим убеждениям, гражданским и творческим принципам. Он обладал такой выношенной и неколебимой внутренней силой, шел в своем пророческом правдоискательстве на такие непостижимые жертвы и лишения, что предстает перед новыми поколениями в ореоле мужественного героя и рыцаря художественной и нравственной истины.

Мы еще скажем об этой жизни: похожа на житие. Но сначала надобно понять тот строй идей, который придавал всем делам и дням Филонова такую высокую целеустремленность и вдохновенную энергию.

Еще задолго до Октябрьской революции, с рубежа XIX—XX веков, русская духовная и общественная жизнь была преисполнена напряженным предчувствием «неслыханных перемен», пришествия великой и всеобщей новизны. При этом дело вовсе не ограничивалось выдвижением каких-то конкретных социально-политических идей (хотя, разумеется, и оно имело первостепенное значение). Нередко у художников, поэтов, философов преобладающими оказывались ощущение кардинально изменяющегося мира, мечта о воцарении гармонического бытия. Иногда такие помыслы казались счастливым забытьем, порой, напротив, обретали сурово-тревожные интонации. Но и в тех, и в иных случаях преобладали вещие предвидения. Они пронизывают образы Врубеля и Блока, Коненкова и Скрябина. Новые горизонты, невиданные миры раскрываются перед ними. И словно бы некая, не зависящая от их воли сила говорит их устами. Этим мастерам была присуща едва ли не фанатичная убежденность в своем ясновидящем призвании, рядом с которым все прочее несущественно и которому дóлжно подчинить все и вся.

Именно таким художником-пророком был и Павел Филонов. Поражает то, как он всю жизнь до последнего вздоха следовал своему «внутреннему голосу», не зная ни малейших колебаний и сомнений.

В самом, так сказать, приобщении Филонова к ведущей творческой идее есть нечто, близкое чуду. Он воспринял ее «из воздуха времени». Никто его специально не наставлял и не обращал в свою веру. Выходец из самых низов общества, сын кучера и прачки, Павел Филонов, почувствовав с ранних лет тягу к рисованию, был поначалу всего лишь маляром, красящим крыши. Занимаясь по преимуществу самостоятельно и в одной частной студии, он несколько раз пытается поступить в петербургскую Академию художеств. Трижды проваливается; наконец, с четвертой попытки в 1908 году становится «вольнослушателем» Академии. Настолько, впрочем, «вольным», что вскоре начинаются его конфликты с профессурой, а в 1910 году молодой художник добровольно покидает Академию, куда так долго и упорно стремился. Причина — резкое расхождение поисков Филонова, который и на академической скамье был уже вполне самостоятельной личностью, с шаблонным мышлением рутинеров-наставников.

Но тут крайне важно отметить один парадокс. Иные из молодых бунтарей небрежно относились к строгой точности воспроизведения натуры, которой гордилась академическая школа. Филонов, напротив, эту точность просто боготворил и достигал с ее помощью исключительных результатов, ибо, по его же словам, «со страшным упорством добивался каждой формы». Такой формой мастер спокойно мог работать, «как все»; некоторые его рисунки и живописные портреты («А. Ф. Азибер с сыном», 1915; «Е. Н. Глебова», 1915) обладают идеальным сходством с объектами изображения, разве что несколько холодным и отстраненным. Однако совершенная техника воспроизведения натуры вовсе не сделала Филонова дюжинным салонным иллюзионистом. В абсолютном большинстве случаев его интересовала безукоризненная «сделанность» каждой детали. Но целое... Оно у него почти всегда удивительно, странно, никакой похожестью на повседневность не обладает и связано с особой художественной философией, своего рода миростроительством. При истолковании творчества Филонова следует, очевидно, начинать именно с этих свойств жизневосприятия, а не с теоретических постулатов построения формы, которые он выдвинул. При всей важности этих постулатов они имеют вторичное значение и в конечном счете проистекают из свойственного художнику общего взгляда на мир.

Каков он, этот взгляд? Попытаемся прежде всего увидеть и понять образный строй некоторых произведений художника. Вот относительно «обычная» (на первый взгляд!) картина 1915 года «Крестьянская семья» («Святое семейство»). В центре три фигуры (отец, мать, дитя), в облике которых сплетены жанровые черты, далекие иконные отголоски, фольклорная сказочность. Во взглядах и жестикуляции этих фигур очевидно тихое, просветленное изумление перед тем, что их окружает. И естественно: ведь это не какой-то ординарный сельский вид, а своего рода легенда о мироздании. В ней участвуют персонажи-животные, дивные растения и цветы, блистающие своими гранями кристаллические формы, красочные плоскости. В изображении нет ни одной самомалейшей паузы; любой миллиметр холста заполнен ясно узнаваемыми или загадочными деталями. К слову сказать, такая заполненность — непременное свойство всех картин Филонова. Он не мыслит пустого пространства, для него всякая частица бытия, будь то не только малая былинка, но и лучик света или «разорванный ветром воздух» — живой сгусток материи. Все живет, все дышит, все соотнесено с некими высшими силами сущего! И на всем лежит печать изумляющего и потрясающего душу первооткрытия!

По сути, такое мироощущение всегда было свойственно Филонову, на любом отрезке его жизни. И уже хотя бы потому его произведения, с молодых лет, решительно не сводимы к плоской фабульной однозначности. И определенного времени у них тоже нет: явные отклики современного сложно смешиваются в картинах живописца с вечным, вознесенным над конкретностью, не знающим хронологических границ.

Филонов *всегда* сложен и необычен, лобовая прямолинейность к его искусству вообще неприменима.

Это сказывается уже хотя бы в том, что художник насквозь мифологичен. Любые реальные впечатления преобразуются им в творимую легенду. Как люди древних времен, он изъясняет мир заново, и при помощи условно-сказочных построений. В этом смысле (а также по многим иным конкретно-образным приемам) он чрезвычайно близок Велимиру Хлебникову, своему поэтическому аналогу и собрату. Хлебников с полнейшей естественностью объединил архаическую фантастику и вырастающую из аналитических умозаключений XX века способность широчайших обобщений, в том числе и образных, распространяемых на все мироздание.

Так и в полотнах Филонова. Реальные впечатления повседневности переходят у него как бы в иное измерение, становясь сложной и причудливой поэтической легендой. Филонов был художником всеобщих качеств бытия. Самое красочное, но ограниченное некоей фабульной определенностью истолкование его картин может оказаться неточным. Даже если это истолкование будет принадлежать самому Велимиру Хлебникову. Он говорил в рассказе «Ка» о филоновском «Пире королей» 1913 года, великой и характернейшей из композиций живописца, которая сопровождала его всю жизнь и постоянно висела на стене его мастерской (под ней, на жестком ложе, Филонов и умер в пору Ленинградской блокады): «Художник писал пир трупов, пир мести. Мертвецы величаво и важно ели овощи, озаренные подобным лучу месяца бешенством скорби». Эти строки часто цитируют, и неудивительно — они сами полны огромной и суровой поэтической силы. Но Хлебников, увидев филоновскую картину, написал свою собственную маленькую поэму. А ведь в «Пире королей» есть не только тяж-

П. Н. ФИЛОНОВ
ПИР КОРОЛЕЙ.
1913.

ТРАКТОРНЫЙ ЦЕХ
ПУТИЛОВСКОГО
ЗАВОДА.
Начало
30-х годов.

П. Н. ФИЛОНОВ
ЗА СТОЛОМ.
1912—1913.

ПОРТРЕТ
Е. Н. ГЛЕБОВОЙ.
1915.

ГОЛОВЫ.
1910.

ко-мрачные, «мертвецкие» интонации. В первом варианте полотна художник и в самом деле изобразил королей в каких-то восточных тюрбанах и диадемах. Это пышное торжество тиранической власти. Но окончательное решение картины опять-таки лишено определенных деталей. Тут нет ни королей, ни иных владык; перед нами персонажи неведомой и таинственной драмы. Да, в ней есть нечто угрожающее, даже демоническое, но холсту свойственна и торжественность, и решительная (далеко не «мертвецкая») энергия, завораживающая при всей своей мрачности красота. Мне представляется (как бы это ни было неожиданным), что «Пир королей» — метафора своей эпохи, развернутая до грандиозных, размывающих даты масштабов. Угрюмы и властны эти странные люди в креслах-тронах, какое-то адское пламя отсвечивает в мерцании золотистых бликов, но над всем этим мраком и страхом сверкает несравнимо более значительное и могучее ощущение великой силы и красоты жизни. Она разгонит ночные призраки, призовет иные, добрые лики, свет и радость.

Да ведь именно такой строй чувств и встречается во многих иных картинах Филонова, выполненных в середине десятых годов. Среди них «Запад и Восток», «Восток и Запад» (1912—1913), «Рыбачья шхуна» (1913—1914), «Коровницы» (1914), «Трое за столом» (1914—1915) и другие. Сюжетные мотивы этих композиций, их формальные и колористические свойства весьма различны, но всем им присуще весомое, плотное, как бы первородное чувство мира, увиденного огромными пластами, а то и в целом. Совершенная в своей тонкости и идеальной законченности отделка частностей сочетается в этих полотнах с грубоватой простотой народного примитива. Но это не нарочитое опрощение, не игра в мужицкую «посконность», а совершенно органичное чувство жизни, рождающейся наново, удивительной и сказочной, как древний миф. Сколь яростной жизненной энергии и вместе с тем просветленности красок полны, например, огромные букеты цветов в картине «Трое за столом» или одеяния «Коровниц»!

На этом стыке архаизма и современности и возникает завершенный во второй половине десятых годов грандиозный цикл «Ввод в мировый расцвет». В него входят и упомянутые сейчас картины и такие, уже лишь смутно, косвенно приближающиеся к натурной предметности композиции, как «Цветы мирового расцвета» (1915). Это космизированная, цветомузыкального характера работа. В «Коровницах», «Крестьянской семье» и других полотнах этого ряда, при всей их обобщенности и условности, ясно видны определенные персонажи и детали. В «Цветах мирового расцвета» полностью преобладают кристаллические структуры, в которых лишь смутно угадываются лепестки и стебли. Однако не только по строению формы, но и по всей художественной философии эта картина принципиально отличается от абстракционизма будущих десятилетий. Ее композиция может быть уподоблена Млечному Пути, в недрах которого формируются новые звезды. Поистине бесконечно богатство этого разворачивающегося перед вашим взглядом зрелища граней и сгибов плоскостей, световых переливов, красочных оттенков. Первичная материя будущей жизни, загадочное, волшебное царство прекрасных и непредсказуемых возможностей! Реальность невидимого! Начало всех начал! Цвет, форма, пластика перекликаются тут с образной мыслью знаменитой утопии философа Н. Ф. Федорова, мечтавшего создать приемы «...управления всеми молекулами и атомами внешнего мира, так, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить».

В цикле «Ввод в мировый расцвет» сомкнулись творческая практика и теоретические построения Павла Филонова. Они завоевали некоторую известность еще до революции. Покинув Академию художеств, мастер примкнул к деятельности общества «Союз молодежи» (1910—1914), участвовал на некоторых других выставках, был одним из создателей оформления постановки трагедии «Владимир Маяковский» (с участием автора), иллюстрировал «Изборник» стихов Велимира Хлебникова, наконец, сам сочинил (и сопроводил рисунками) свою единственную поэтическую книгу «Пропевень о проросли мировой» (1915). Наряду с этой плодовитейшей художественной деятельностью (работоспособность Филонова была неправдоподобной, он мог творить по нескольку суток подряд, без перерывов) мастер разрабатывает свои теоретические постулаты. Разумеется, теория и практика у Филонова сопрягались и взаимодействовали, но, на мой взгляд, кисть в его духовном мире занимала первенствующее положение. Во всяком случае, попросту нелепо видеть в полотнах художника некие иллюстрации к его вероучению. Духовный, художественный инстинкт Филонова был поистине могучим и разрывал любые теоретические рамки.

Все же теория Филонова очень интересна — не столько как школа принципов изображения, сколько как декларация его творческих убеждений. Разумеется, тут не место сколько-нибудь подробно их излагать, но отметим кратко хотя бы два ведущих филоновских тезиса. В манифесте «Идеология аналитического искусства и принцип сделанности» (1914—1915) художник писал: «старинное, запутанное понятие слова «творчество» я заменяю словом «сделанность». В этом смысле «творчество» есть организованная систематическая работа человека над материалом». В других своих теоретических выступлениях художник призывал идти от внутреннего к внешнему, отделывать каждый микрон изображения («работать точкой как единицей действия»), идти не от схемы-канона, а от природной логики каждого объекта, добиваясь впечатления происходящего на глазах динамического роста, живого движения жизни.

Буквально все зрелые произведения Филонова — до малейшей детали «сделанные», завершенные. Вместе с тем в них всегда сильны ассоциативные начала, найдена точная зрительная аналогия поэтической идее.

В упомянутом манифесте Филонов называл свою теоретическую и практическую системы «первой мировой революцией в психологии художника и искусстве». И естественно, что революции в феврале и октябре 1917 года он встретил как события долгожданные и отрадные, отвечавшие его собственным чаяниям. В ту пору, с осени 1916 года, он служил в Балтийской морской дивизии на румынском фронте; после февраля Филонов становится председателем исполнительного Военно-революционного комитета Придунайского края. Но, конечно, главное и решающее соприкосновение художника с революцией шло через искусство. Он возвращается в Петроград; в апреле — июне 1919 года на Первой государственной свободной выставке произведений художников всех направлений в Зимнем дворце демонстрируется его грандиозный цикл (22 картины) «Ввод в мировый расцвет». Символико-историческое значение этой великой работы Филонова еще не оценено по достоинству. Кто еще увидел в происшедших событиях (предчувствуя и предсказав их!) всемирно преобразующий, даже вселенский смысл?! На память приходят всего лишь несколько имен в искусстве России — Петров-Водкин, Татлин, Шагал... Но ведь на полотнах Филонова пророческие видения стали возникать еще с начала десятых годов. «Мировый расцвет» был темой тех произведений, о которых уже шла речь. К ним были добавлены несколько композиций преимущественно ассоциативного, музыкально-философского свойства. Например, «Белая картина» 1919 года, где переливающиеся просветленными цветовыми оттенками плоскости создают ощущение охватившей весь мир радости и счастья.

В двадцатые годы Филонов продолжает инициативную деятельность — руководит одним из отделов Института художественной культуры, выпускает еще одну теоретическую декларацию аналитического искусства, создает коллектив учеников («МАИ» — мастера аналитического искусства). Но именно в этот период разворачивается трагедия непонятости, которая будет преследовать художника до конца его дней.

Главным объектом нападок были, конечно, не трактаты и педагогические наставления П. Н. Филонова, которые мало кто знал. «Чуждой», «непонятной народу» все чаще и настойчивей объявлялась его живопись. В определенной степени она и в самом деле опередила свое время, во всяком случае, уровень массового восприятия. Традиционно-предметное изображение теперь встречается в его картинах значительно реже, чем раньше (хотя и не исчезает вовсе). Художника более всего влекут к себе различные типы ассоциативности. Он создает множество «формул», «композиций», «ликов», где либо господствуют беспредметные сочетания линий, плоскостей, островков цвета, либо сквозь подобное марево проступают странные, неясные очертания фигур и лиц. С помощью подобных приемов мастер достигает высочайших результатов. Но они требуют зрительного и душевного приобщения, работы мысли и чувства, словом, сотворчества. Оно вознаграждается чрезвычайно щедро. Но для тех, кто привык к внешней иллюстративности, бездумному и только «похожему» повторению натуры, подобное сотворчество представляется чем-то ненужным и даже раздражающим.

Ведь действительно для глубокого и полного восприятия наиболее характерных картин Филонова, написанных в 20—30-е годы, нужна — сравнительно с обычным — известная психологическая перестройка. Вот, скажем, его «Формула весны» 1928—1929 годов, выдающийся образец живописной гармонии, достигнутой на основе «аналитической» системы и при помощи приемов «сделанности». В названии упоминается весна, но на холсте не видно ни молодой зелени деревьев, ни пробивающейся травы, ни журчащих ручьев. Однако тут есть великолепно запечатленное ч у в с т в о в е с н ы. По огромному (250 × 285) холсту как бы движется колышущаяся масса цветных точек, которые складываются в органическую, дышащую материю. Она полна внутреннего напряжения, подчинена власти строго развивающегося ритма, наконец, обладает чем-то особым, волшебным, что не укладывается ни в какие рутинные понятия. Филонов писал в одном из своих манифестов: «Я знаю, анализирую, вижу, интуирую, что в любом объекте не два предиката, форма да цвет, а целый мир видимых и невидимых явлений, их эманаций, реакций, включений, генезиса бытия, известных или тайных свойств...» Вот и в «Формуле весны», как и в иных картинах Филонова, есть много «эманаций, реакций... известных или тайных свойств», находящихся как бы по ту сторону видимого и зримого. И неостановимое движение атомизированной массы, своего рода земной плоти, и сложнейшие изгибы формы, и сверкающие кристаллики цвета, и, наконец, идущее из каких-то глубин одновременно и мощное и трепетное сияние света — все это смыкается в музыкально-живописную картину весны, обновления, «победы над вечностью» (как называется одно из полотен мастера).

Живописные ассоциации Филонова всегда полны и тонкого и масштабного человеческого смысла. Поэтому во всех тех случаях, когда беспредметные цветомузыкальные и линейно-ритмические построения соединяются в холстах художника с какими-то фигурами, лицами, деталями, то объединение получается совершенно естественным и убедительным: в «незримом» у Филонова всегда таится нечто такое, что можно ясно увидеть «духовными очами». Например, в картине «Симфония Шостаковича» (1928—1929) людские лица выступают из массы цветных кристалликов. Эти лица — зрительные воплощения основных тем симфонии, запечатленного в ней переживания современности. Кстати сказать, судя по дате картины, Филонова увлекла Первая из симфоний Шостаковича, глубоко новаторская не только по характеру музыкальной речи, но и по всему восприятию своей эпохи. Один великий художник понял и оценил другого, еще молодого и непризнанного. И тут Филонов оказался пророком...

Но пришли тридцатые годы, стала складываться «культовая» ситуация. Обстановка в области изобразительного искусства нашей страны становилась все более и более неблагоприятной для подлинно новаторских исканий. Сам Филонов видел это зорко и писал с болью и гневом в своем дневнике (1935 год): «Класс, вооруженный высшею школой ИЗО, даст для революции больше, чем деклассированная кучка кремлевских придворных изо-карьеристов. Правое крыло ИЗО, как черная сотня, выслеживает и громит «изо-жидов», идя в первых рядах советского искусства, как при царе оно ходило с трехцветным флагом. Заплывшая желтым жиром сменовеховская сволочь, разряженная в английское сукно, в кольцах и перстнях, при цепочках, при часах, администрирует изофронт как ей будет угодно: морит голодом, кого захочет, объявляет меня и нашу школу «вне закона» и раздает своим собутыльникам заказы».

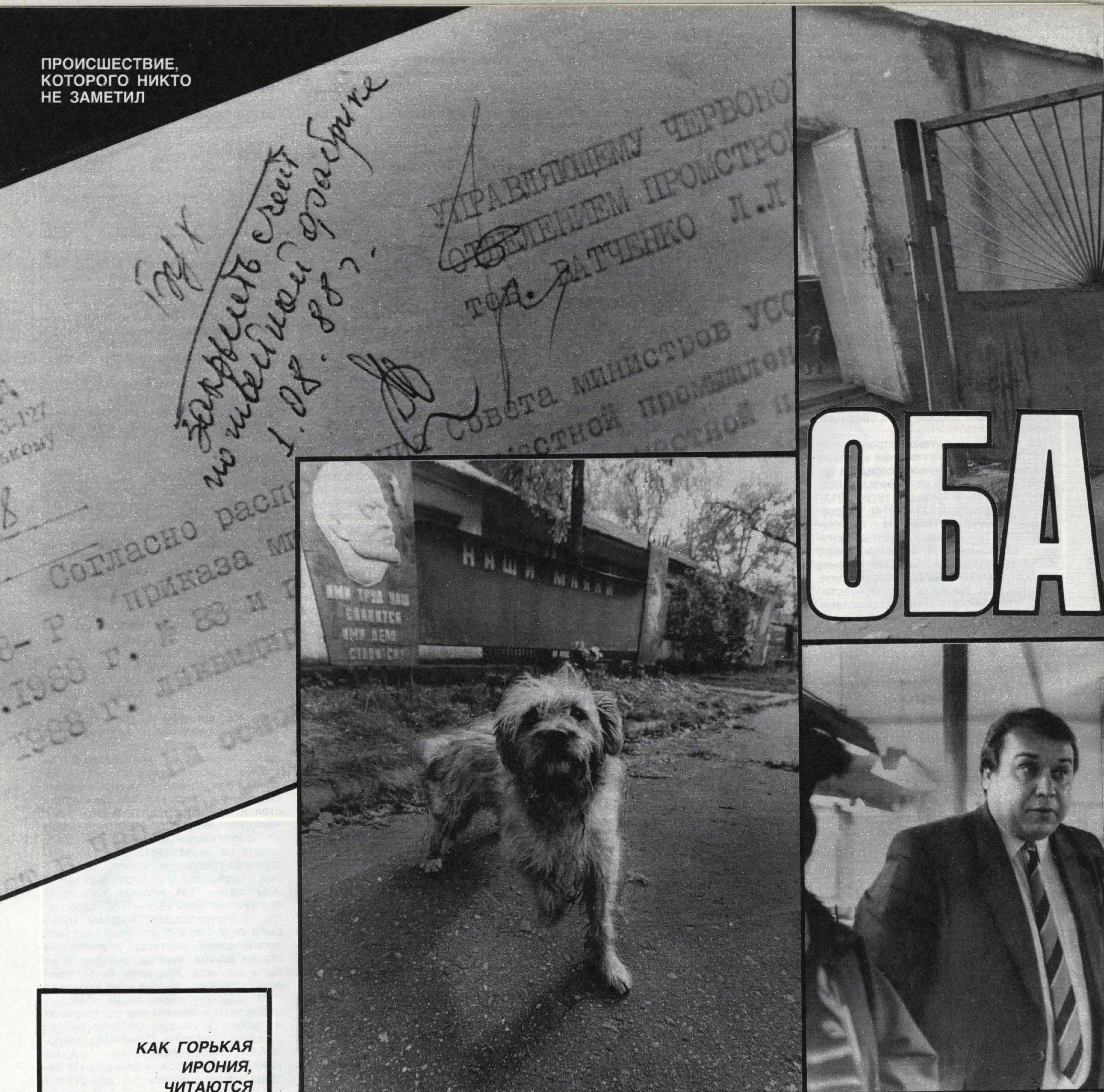
Запись при всей ее резкости обладает документальной точной верностью изложения ситуации. Заметьте, что Филонов по-прежнему неколебимо считает себя и своих последователей художниками революции, а «сменовеховскую сволочь» — сторонниками черносотенства в искусстве. Но ведь это факт: «придворные изо-карьеристы», мещане и приспособленцы захватили тогда власть на «изофронте», злобно и настойчиво преследуя таланты, взращенные революцией. В их числе был загнан и затравлен П. Н. Филонов. Чего стоит позорная история 1929—1930 годов, когда в ленинградском Русском музее была подготовлена отчетная выставка произведений мастера; провисев на стенах долгие месяцы, она так и не была открыта. Художник был лишен всяких заказов, вдобавок не продавал свои работы частным лицам, убежденный, что со временем все его творчество придет к народу. Он предпочитал голодать и работать. Одинокий и заброшенный, Павел Николаевич Филонов умер в первые месяцы блокады Ленинграда, простудившись на дежурствах ПВО.

К счастью, благодаря самоотверженной заботе сестры художника его произведения были сохранены и сейчас, после десятилетий полного забвения и отторжения, наконец-то и в самом деле пришли к широкому зрителю. Так же, как возвращены нашей культуре Платонов, Булгаков, Марина Цветаева...

Это триумф искусства России, советской школы живописи. Выставка Филонова выглядела как настоящее откровение. Этот мастер по силе образной выразительности, духовному богатству, красоте и совершенству живописи стоит в одном ряду и с мировыми мастерами, и с самыми гордыми и прекрасными именами русского искусства — от Рублева и Александра Иванова до Врубеля и Петрова-Водкина.

Да осознаем ли, понимаем ли мы это?!

Александр КАМЕНСКИЙ

КАК ГОРЬКАЯ ИРОНИЯ, ЧИТАЮТСЯ НАПИСАННЫЕ НА СТЕНДЕ ФАБРИЧНЫХ МАЯКОВ СЛОВА: «ИМИ ТРУД НАШ СЛАВИТСЯ, ИМИ ДЕЛО СТАВИТСЯ!» ЗАКРЫТЫЕ СКЛАДЫ, ВОЗВРАЩЕННАЯ НИКОМУ НЕ НУЖНАЯ ПРОДУКЦИЯ, РАСТЕРЯННЫЕ ЛИЦА... ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?

Александр РЫКЛИН
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

«Червоноград — город Львовской области УССР, на реке Буг, ж.-д. ст., 44 тыс. жит. Центр юж. части Львовско - Волынского угольного бассейна. Добыча угля. Завод железобетонных изделий, деревообр. комбинат, швейная и чулочная фабрики».

Энциклопедический словарь географических названий, откуда я почерпнул эти сведения, явно устарел — швейной фабрики в г. Червонограде больше не существует. Она, извините за не наше слово, обанкротилась.

Трудились на этой фабрике и на трех ее филиалах, разбросанных чуть ли не по всей Львовской области, милые украинские женщины. Кроили, шили, сдавали на склад готовую продукцию, получали зарплату и ведать не ведали, что по всем экономическим законам их фабричка со смешной собачкой и вечными соседскими курами у ворот уже пару лет как не должна была существовать.

Не так давно грандиозные очереди выстраивались за постельным бельем. А фабрика занималась именно тем, что выпускала столь дефицитную по тому времени продукцию. Правда, не только ее, а еще и мужские трусы, женские ночные сорочки, юбки да школьные фартуки. Но основной доход шел, сами понимаете, не от трусов и фартуков, а от вожделенного постельного белья. Заказчики кричали: «Белья! Белья!». Закройщицы кроили, швеи шили, ОТК принимал, базы развозили по магазинам, а мы с вами, расталкивая друг друга, через плечи сограждан хватали кто простыню, кто наволочку.

Но вот последний из нас купил себе пододеяльник впрок и понял, что больше ему не надо. Растаяли очереди у прилавков, погрустнели продавщицы, а торговля стала бить тревогу: базы забиты, товар не раскупается, план горит. И не откажешься от этого проклятого белья: договоры с поставщиками заключены, жаловаться некому — сами промахнулись с конъюнктурой на рын-

НКРОТИЛИСЬ...

ке, самим и расхлебывать. Но самим расхлебывать ужас как не хотелось. Подумала торговля, подумала, и выход был найден: «Ба, да вы только посмотрите, что за кошмарные простыни шьют на Червоноградской швейной фабрике! Разве это строчка?! Разве это стежок?! Советские люди на этом спать не должны! Обратно, обратно — брак нам не нужен». И поплелись грузовички во Львовскую область. А фабрика-то шьет, ткань закуплена, деньги потрачены, а грузовички — обратно, обратно...

Вот так и возникло уголовное дело о браке на Червоноградской швейной фабрике. Трое человек были признаны виновными, исключены из партии, сняты с работы. Суммы, которые им предстояло выплатить, были отнюдь не шуточные. Все это произошло три года назад. Здесь необходима оговорка: я не ставлю под сомнение справедливость судебного приговора и прекрасно сознаю, что червоноградское постельное белье на международной ярмарке в Париже вряд ли бы пользовалось вниманием. Но дело-то в том, что такую продукцию фабрика выпускала всегда. Раньше на это никто внимания не обращал — покупали, а вот когда перестали покупать... Так что, получается, сама торговля наших швейников развратила, а потом сама и удавила. С тех пор фабрика на ноги не встала. И причин этому, надо сказать, немало. Попробуйка найди руководителя на место только что осужденного.

Зоя Ефимовна Засядько была чуть ли не десятой из тех, на кого пал выбор. Многие отказались, а она согласилась и теперь, наверное, очень жалеет об этом. Ничего у нее не получилось. Не смогла сплотить коллектив, осуществить хотя бы постепенный переход к новому ассортименту, не нашла себе толкового главного инженера, фабрика запуталась в долгах да так и не вышла на более или менее приличный уровень рентабельности — трусы, которые здесь шили, оказывались дешевле ткани, на них потраченной. Но на фабрике царило полное спокойствие.

Вот вам еще один парадокс нашего хозяйствования: предприятие не зарабатывает реальных денег, штрафы увеличиваются, банковская задолженность растет, а заработки как у инженерно-технического персонала, так и у рабочих чуть ли не самые высокие в областной местной промышленности. В армии говорят: «Солдат спит — служба идет». Фабрика спала, я бы даже сказал, почивала. Откуда же брались средства? Секрета нет: Зое Ефимовне помогали, до последнего момента на нее надеялись и деньги давали, но уходили-то они не на модернизацию производства, не на обновление ассортимента, а на погашение штрафов и задолженностей. Главный инженер областного управления местной промышленности Марьян Васильевич Хомляк сказал: «Момент, когда любая помощь Червоноградской швейной фабрике перестала быть целесообразной, мы все-таки упустили. Но, знаете, Засядько так умела убеждать, и планы у нее были наполеоновские, а на деле...»

К сожалению, нам не представилась возможность самим убедиться в красноречии бывшего директора бывшей фабрики — Зоя Ефимовна с нами беседовать не пожелала. Но мы честно простояли под дверью ее квартиры, вежливо покивали мужу, сославшемуся на недавний отъезд супруги в Киев по медицинским надобностям, поулыбались розовощекому малышу в песочнице, уверившему нас, что мама никуда с утра из дома не выходила. Давайте думать, что мальчик ошибся. Так или иначе встреча не состоялась. Надо честно признать, что ни одного лестного отзыва о деловых качествах З. Е. Засядько мы не услышали. Правда, первый секретарь Червоноградского горкома партии Дмитрий Васильевич Маренко сказал мне, что виной всему были неблагоприятные обстоятельства. А работники фабрики, которым вроде бы не

за что обижаться — зарплату-то получали совсем неплохую,— были единодушны в своем отношении к «успехам» вчерашнего руководителя.

К началу 1988 года многие поняли, что дальше так продолжаться не может. Управление готовилось к переходу на хозрасчет, а тащить за собой в новую жизнь такую гирю было опасно. Более 1,5 миллиона рублей поглотила за неполные два года фабрика, и все они рассосались по неустойкам и штрафам. Тогда решились на последний шаг.

Есть во Львове хорошо сбалансированное высокорентабельное швейное предприятие, специализирующееся на выпуске изделий, украшенных традиционной украинской вышивкой, и был у него филиал в городе Червонограде — довольно большой цех барачного типа. В ужасающих условиях работали там люди, чуть не по колено в воде, но не разбегались, потому что любили свою работу, зарабатывали неплохо, да и результаты радовали: ассортимент постоянно обновлялся, модели улучшались, вышивка совершенствовалась. Художественная лаборатория во Львове обеспечивала работой все предприятие. Немудрено, что вышитые блузки и гуцулки нашли своего покупателя за рубежом. Наконец, дождались червоноградские швеи своего часа — построили им новый светлый трехэтажный цех, но ни одного дня не проработал он на родное предприятие. Все дело в том, что Львовская фабрика художественных изделий им. Леси Украинки (именно так она называется) принадлежит тому же Министерству местной промышленности УССР, что и Червоноградская швейная фабрика, только другому его главку. Подумали в Киеве, погадали да и присоединили новый цех к «утопающему» соседу,— передовые, мол, обойдутся, а эти, глядишь, и всплывут. А обернулось все не так, как задумывалось в кабинетах: через несколько месяцев «приемный сын» вместо того, чтобы держать на плаву к тому моменту совсем обессилевшую «мамашу», утащил ее на самое дно. Червоноградская швейная фабрика просто не смогла освоить новых мощностей.

Энциклопедический словарь расшифровывает термин «банкротство» следующим образом: «Банкротство есть отказ гражданина или компании, фирмы платить по своим долговым обязательствам из-за отсутствия средств». Яснее некуда — денег нет, а долги есть, значит, банкрот со всеми вытекающими отсюда последствиями. У «них» эти последствия четко регламентированы: суд, продажа с молотка, процедура дележки оставшихся средств между кредиторами. В Червонограде никакой распродажи не было: просто фабрику поделили между двумя предприятиями местной промышленности. Той самой фабрике им. Леси Украинки вернули ее родной цех (радости работниц не было предела) и присоединили основную территорию фабрики, а производственному объединению «Галантерея» отдали три филиала, где в основном использовался труд надомниц.

Вот тут и возникли проблемы: если в «Галантерее» обошлись малой кровью, то у Валерия Николаевича Озарко, директора «Леси Украинки», трудноразрешимых вопросов на сегодняшний день хоть отбавляй: фабрика по всем показателям была в числе передовых, а тут ей прицепили мощный паровоз, который упорно тянул в другую сторону.

Беспокойство молодого, но уже много успевшего директора понять можно: «Мы взвалили на себя все грехи разорившегося предприятия. Усилий для того, чтобы выйти на нормальный ритм работы, придется приложить массу, да и пожертвовать на начальном этапе надо будет многим. А чем виноват мой коллектив? Вот если бы был закон о банкротстве...».

Так впервые мы подошли к вопросу о законе. И впоследствии все мои собеседники были единодушны: «Закон о банкротстве нам необходим». Причем, чем скорее он выйдет, тем лучше. С переходом всей нашей экономики на хозрасчет червоноградская «первая ласточка» быстро обрастет мощной стаей, но об этом речь впереди...

А что же люди, много лет проработавшие спокойно на нерентабельном предприятии? Ведь в конце концов их все это касается в первую очередь. Рабочие, не причастные к экономической неразберихе, страдать не должны. Возможно, при новых условиях хозяйствования, когда реально, а не на словах, с помощью чисто экономических рычагов, а не трибунных заверений, возрастет ответственность каждого за судьбу коллектива, и спрос будет другой, но пока мы от этого идеала далеки. Поэтому интересы рабочих нельзя ущемлять, и об этом тоже надо сказать в законе.

Не подумайте, что на Червоноградской швейной фабрике все были уволены с «волчьими билетами» и без выходного пособия. Вовсе нет. Каждому предложили работу. Не пожелавшие получают предусмотренное трехмесячное пособие в размере средней заработной платы. Так-то оно так, но проблемы все-таки возникли непростые.

Как и на любой другой швейной фабрике, был на червоноградской закройный цех. Работали в нем в основном женщины преклонного возраста. Может быть, червоноградские умелицы кроили что-нибудь особенно сложное, трудоемкое? Нет, постельное белье да женские ночные сорочки к сложному ассортименту не отнесешь. Просто нерадивая администрация приучила их работать в этаком щадящем темпе. Так нет ничего удивительного в том, что при ликвидации предприятия почти все они дружно подали заявления об уходе. Директор уговаривал: «Поработайте два месяца, потом закройного цеха здесь больше не будет. Закрой останется только во Львове, а оттуда будем развозить по филиалам. Хотите — садитесь за швейную машинку, хотите — учитесь на вышивальщиц. Работой обеспечим всех». Никто не согласился.

Дорого приходится сегодня расплачиваться за показную доброту бывших руководителей, за привычку получать незаработанные деньги. А расхлебывать это предстоит новому директору. Может быть, есть и его доля вины в том, что не смог убедить людей остаться, а люди Валерию Николаевичу очень нужны,— план по валовому производству продукции сильно возрос с присоединением Червоноградской фабрики, специализация которой изменилась. Поясню: раньше готовый товар выходил уже из-под иглы швеи, а теперь добавилось еще одно звено — вышивальщицы. На производство единицы продукции сегодня требуется большее количество людей: цикл продлился. Конечно, уровень рентабельности возрос не только за счет улучшения качества и за счет более прогрессивной организации труда, но и в связи с увеличением норм дневной выработки.

Директора понять можно: пятилетку завалит — спросят с него. Но люди в Червонограде просто никогда не шили в таком темпе.

Екатерина Ивановна Боднар проработала в швейном цехе ровно столько лет, сколько просуществовала фабрика — 25, и не ушла, когда та была ликвидирована. Помнит свой первый рабочий день, и первого мастера, и первое готовое изделие. Горечь вызывает вполне понятное недоумение пожилой женщины: как же так получилось, что всю жизнь она на фабрике, и план выполняла, и на субботники ходила, и стольких директоров пережила, а оказывается, далеко не среди первых в своем деле. Куда ей до этих новых норм — никогда они так много не шили. Да и продукция совсем другая: сложного фасона блузки, юбки, жакеты. А нет нормы, нет и зарплаты. Муж уже несколько лет на пенсии, да и ей вот-вот. Заработок упал до 70—80 рублей, и что получать потом на старости лет? Ведь ни разу она фабрику не подвела. Ну за что ей все это?

Тяжелый получился у нас разговор, и не увязывается эта судьба со статьей 23 Закона о государственном предприятии. Далеко не все в том законе предусмотрено. Проблем при ликвидации, или, уж будем прямо говорить, при банкротстве, возникает гораздо больше.

Банкротство маленькой фабрики в маленьком городе Червонограде — это симптом тяжелого заболевания всей системы хозяйствования большого региона. В кабинете у министра местной , промышленности УССР Ю. А. Бондаря я рта не успел раскрыть, а Юрий Александрович, перегнувшись через стол, уже горячо доказывал: «Обанкротилась швейная фабрика... Да мы все скоро обанкротимся! Вы же поймите: мы не просто бедные, мы — самые бедные. Очень мало, кто понимает, что на сегодняшний день представляет собой наша отрасль промышленности. Я не знаю, что думают в Госплане, но если так и дальше пойдет, мы просто задохнемся. У нас самая высокая фондоотдача, а фондообеспечение самое низкое. Перейдем мы с первого января на хозрасчет, а что изменится? Деньги будут, а что на них покупать? Дома не построишь — стройматериалов нет, оборудование не заменишь — где его брать? На оптовых ярмарках мы скромно стоим в конце очереди».

С первого января 1989 года вся наша промышленность переходит на хозрасчет и полное самофинансирование. Обратимся к сводкам Госкомстата и посмотрим, в каком же состоянии подходит экономика к этому, прямо скажем, революционному событию. Знаете, какова сумма убытков, нанесенных деятельностью нерентабельных предприятий? К 1987 году — 12 миллиардов рублей. А появились эти баснословные деньги не с воздуха. Рыбки-прилипалы живут за счет китов. Умеющие хорошо работать стабильные производства вынуждены делиться прибылью. А могли бы улучшать социально-бытовую базу, модернизировать производство, заработки поднимать. Да мало ли куда может потратить деньги рачительный хозяин, особенно если таковым является трудовой коллектив. Ни много ни мало, а 13 процентов всех промышленных предприятий в прошлом году были убыточными. В других отраслях народного хозяйства ситуация еще хуже. До сих пор раздаются голоса: «Банкротство — не наш путь, распродавать предприятия несовместимо с принципами социализма».

Не знаю, как с принципами социализма, а вот наплевательское отношение к незыблемости принципов экономики уже очень дорого обошлось нашему народу. И в данной ситуации, конечно же, жизненно необходим закон о банкротстве, в котором должно быть все четко регламентировано, начиная с условий объявления банкротства до расчетов с кредиторами. Да и о людях забывать нельзя. Может, будь такой закон уже сегодня, не пришлось бы пожилой женщине в маленьком украинском городе Червонограде перед самой пенсией заново учиться шить за 70—80 рублей в месяц.

КОММЕНТАРИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА СВОДНОГО ОТДЕЛА ГОСБЮДЖЕТА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ СССР П. А. ПЕТРОВА

Условия реорганизации и ликвидации предприятий сейчас практически не регламентированы. Неизвестно, от кого может исходить инициатива по ликвидации и кто должен принимать окончательное решение.

Можно, следуя опыту других стран, создавать компетентные комиссии с правом постановки окончательного «диагноза»: где-то закрыть, а где-то просто поменять руководство. Сейчас намечен ряд мер борьбы с нерентабельными предприятиями. Например, банк может установить особый режим кредитования и расчетов и, если не поможет, объявить предприятие неплатежеспособным. Но прежде чем применять подобные санкции, коллективу надо попытаться помочь путем выделения капитальных вложений на техническое перевооружение или улучшить финансовое положение предприятия через централизованный фонд развития производства. При этом необходимо дать контрольный срок. А затем уже комиссия должна вынести окончательное решение. Простое же деление предприятия к оздоровлению экономики не приведет.

Уже есть опыт передачи разорившихся заводов или фабрик в аренду, причем тому самому коллективу, который на них работает. И когда заработок начинает впрямую зависеть от качества и количества производимой продукции, дела быстро идут на поправку. В случае отказа коллектива от аренды предприятие можно ликвидировать, передав его имущество в аренду кооперативу. А уж если и это не поможет...

Сейчас готовится документ, в котором все вопросы, возникающие при ликвидации нерентабельных предприятий, будут четко регламентированы. Будем надеяться, что ждать осталось недолго.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ

О «РЯЗАНСКОМ ДЕСАНТЕ», ПЕТРЕ III И ЧИСТОТЕ КРОВИ

В 1988 ГОДУ «ОГОНЕК» ПОЛУЧИЛ ПРИМЕРНО В ДЕСЯТЬ РАЗ БОЛЬШЕ ПИСЕМ, ЧЕМ ТРИ ГОДА НАЗАД; ИЗ НИХ ОТДЕЛУ ЛИТЕРАТУРЫ АДРЕСОВАНО БОЛЕЕ ШЕСТИ ТЫСЯЧ ПИСЕМ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЧТА «ОГОНЬКА»-88 В ЦЕЛОМ УБЕДИТЕЛЬНО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО ЧИТАТЕЛИ ГОРЯЧО ПОДДЕРЖИВАЮТ ВСЕ ТАЛАНТЛИВОЕ И САМОБЫТНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ, СТРАСТНО ОТСТАИВАЮТ ЛЮБИМЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ВОВСЕ НЕ СКЛОННЫ СМОТРЕТЬ НА СЕГОДНЯШНЮЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ СИТУАЦИЮ ТАК МРАЧНО, КАК... НУ ХОТЯ БЫ, КАК УЧАСТНИКИ ВЫЕЗДНОГО ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР В РЯЗАНИ.

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Теперь не только в «книжном море», но и в море читательских писем, бушующем в редакциях многих газет и журналов, нужен компас, иначе немудрено и утонуть. Прочитав последние письма года, пришедшие в «Огонек», мы неожиданно для себя обнаружили, что стрелка этого компаса указывает на вполне сухопутную Рязанскую область, родину Сергея Есенина. А напомнил о поэте читатель С. Алексеев из города Пушкина Ленинградской области, которого удивили многочисленные отточия в поэме «Песнь о великом походе», включенной в темно-синий том «Библиотеки поэта» («Советский писатель», 1986).

«Что же опущено в тексте? — спрашивает читатель.— Быть может, озорные строки поэта смутили целомудренных составителей сборника (И. Эвентова и И. Алексахину)? Или бдительные хранители государственных тайн выявили какую-то крамолу?

Возьмем издание поэмы 1925 года (Есенин Сергей. Песнь о великом походе. М., 1925). Вот они, недостающие в издании 1986 года строки:

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева...
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
— Братья, лучше нам
Здесь костьми полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И идти опять
В кабалу назад.

Ой, ты атамане!
Не вожак, а соцкий.
А на что ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий.
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона».

Мы не испытываем никаких симпатий к Л. Д. Троцкому, но не настало ли время вернуть читателям утаенные строки, как возвращаем сегодня из небытия и целиком опальные произведения, и имена писателей?

Тем временем на родине Есенина, на рязанской земле, отшумел IV Всесоюзный Есенинский праздник поэзии. Рамки праздника показались тесны устроителям. Было решено в эти дни провести в Рязани выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР. О чем же три дня толковали маститые литераторы? Тема заседания была глобальной — «Наша культура и литература в годы перестройки», и до таких мелочей, как выброшенные строфы, гости не опускались, зато, как извещает «Литературная Россия» в № 43, «десятки тысяч читателей смогли встретиться с известными писателями, выслушать их авторитетное мнение по самому широкому спектру современных проблем — от экологии до воспитания».

В «Огонек» из Рязани большое письмо прислала Татьяна Федоровна Столярова, доцент кафедры философии Рязанского радиотехнического института; вот ее рассказ — о подлинном смысле «писательского десанта» в Рязань:

«Событие это для рязанского населения отнюдь не рядовое. Еще бы! Столько известных имен — В. Распутин, Ю. Бондарев, П. Проскурин, С. Куняев, С. Викулов, А. Софронов и много других. Я живу в этом городе 15 лет и не помню случая, чтобы российские писатели так «баловали» рязанцев...

Но я пишу о своем разочаровании и тревоге, если не сказать больше. Такой массированной атаки (назвать это критикой у меня не поворачивается язык) на газеты «Советская культура», «Московские новости», журнал «Огонек», в меньшей степени на «Знамя», «Новый мир», «Юность», какая была предпринята на этом заседании, мне еще не приходилось встречать, хотя с полемикой в литературном мире вполне знакома по публикациям в прессе... Если бы вы видели, что позволяли себе эти люди (я имею в виду писателей) на многочисленных встречах с рязанцами и сколько голов им все-таки удалось оболванить!»

Если в «Литературной России» выступления почти всех рязанских ораторов сглажены (мы имели возможность ознакомиться с полным текстом), то в письме Т. Ф. Столяровой приведены более развернутые высказывания: «Огонек», «Советская культура» и иже с ними — «новые апостолы гражданской войны» (А. Ланщиков), «откупщики перестройки» (В. Распутин); историк Ю. Афанасьев — «Геродот эстрады» (М. Лобанов) и т.д. и т.п. Лишний раз воскликнем вслед за Столяровой: «Какой урок культуры полемики для рязанского читателя!»

«Литературная Россия» обнародовала сокращенную стенограмму этой массированной атаки, стыдливо отметив «тенденциозность и во многом субъективный характер» ряда выступлений российских писателей и критиков, но и в этой публикации содержится интересная информация о рязанских посиделках. Любопытно такое место: «Учитывая мнение читателей, тружеников промышленных предприятий и сельского хозяйства, **народной** интеллигенции области» (а что, есть и антинародная? — **Ред.**), в Рязани был поставлен вопрос об организации массового журнала Российской Федерации «по типу «Огонька».

Что ж, еще один журнал — почему бы и нет; вот только каким он будет? Да и что значит «по типу»? «Наш современник» — это по типу «Нового мира» или «Знамени»? Во всяком случае, ясно, что желанный

орган будет выпускаться не «на американский манер», который инкриминирует сегодняшнему «Огоньку» критик М. Лобанов, кстати, сравнивший в «Молодой гвардии» графоманские опусы И. Шевцова, автора эталонной в своем роде «Тли», с произведениями Ю. Трифонова («Добро бы, если книги самого Трифонова превосходили бы по литературному уровню книги Шевцова, ведь не превосходят же!» — воистину с такими вкусами не спорят. Если М. Лобанов действительно верит в то, о чем говорит, да воздастся ему по вере его).

Попробуем представить себе, что же это может быть за журнал не «на американский манер».

С прозой, как мы поняли, в «Неоогоньке» будет все в порядке. То есть отнюдь не о'кей. А как же с поэзией? Рязанские ораторы выдвинули единомышленников и из поэтического цеха. Один из них — Феликс Чуев, автор небезызвестных строк:

Пусть, кто войдет,
почувствует зависимость
от Родины, от русского всего.
Там посредине —
наш генералиссимус
и маршалы великие его.

Да и другие найдутся. Что же касается идеологов, которые в случае чего подскажут и поправят,— так их у воображаемого издания хоть пруд пруди. Так, кроме М. Лобанова, на роль идеолога претендует и критик А. Ланщиков, заявивший в Рязани, что результатом гражданской войны был, по его мнению, «сталинский великодержавный космополитизм». Каково? Даже Сталина из борца с «космополитами» можно, оказывается, самого превратить в космополита,— поистине, чего не сделаешь, желая быть святее папы римского...

Напомнил о временах борьбы с космополитами и другой стихотворец и идеолог, кстати говоря, редактировавший «Огонек» не «на американский манер», А. Софронов, ностальгически заявивший в Рязани:

«Мы что-то похожее в свое время, в конце сороковых годов, так или иначе решали, тоже исходя из тех событий, которые возникали в нашей литературной и театрально-литературной практике в свое время. И волей-неволей приходилось вести такие же суровые бои...»

Все же главная беда «рязанских витий» («Зачем анафемой грозите вы России?» — А. С. Пушкин) заключается, на наш взгляд, даже не в ностальгии по сороковым, а в том, что день сегодняшний они не приемлют, наша теперешняя культурная и литературная жизнь представляется им «разбитым корытом» и видится исключительно в черном цвете. Ярлыки навешивают не только на коллег (хотя здесь дело дошло уже до оскорблений, за которые в правовом государстве предстают перед судом), хлесткой фразой пытаются припечатать целый исторический процесс.

Прискорбна характеристика нынешнего этапа перестройки, данная самокритичным А. Ланщиковым: «Мы и теперь делаем немало, чтобы эта эпоха развитого застоя обернулась эпохой развитого хаоса». У С. Викулова неприятие современности выражено еще резче: «Короче говоря, когда думаешь, в каком состоянии сейчас находится наш народ и увязываешь это с перестройкой, невольно приходит мысль: не пора ли нам заглянуть в душу человека? Не пора ли заглянуть и попробовать разобраться в состоянии этой души, после того как мы ее уже три, а может быть, четыре года терзаем вот этим «переворачиванием гробов», о котором было сказано в записке из зала. Я полтора месяца ездил по самым-самым низам (это куда же занесло редактора «Нашего современника», если не секрет? — **Ред.**), когда никакой официальности в разговоре не было, и я увидел, что люди теряют веру не только в перестройку, а в нечто большее. Не слишком ли мы играем с огнем?»

Вот здесь и проходит водораздел между течениями сегодняшней общественной и литературной жизни: для одних перестройка — это весна обновления, пусть со слякотью, буйством ручьев, несущих и грязь, и щепки, но — весна; для других — хаос и игра с огнем...

Но вернемся к А. Ланщикову:

«Если мы не окрепнем экономически, не возродимся нравственно и не выработаем глубокой объединяющей мирной идеи, то не соблазнится ли Запад «мирной» технологической агрессией, а Восток — столь же «мирной» демографической агрессией? О последствиях такого встречного движения догадываться вслух я не осмеливаюсь».

Хочется вместе с одним из читателей «Огонька» воскликнуть: «Как все это старо и как бесплодно!»

Да, реализация новых форм социально-экономической и культурной жизни нашего общества повлечет за собой новые противоречия, будут какие-то новые издержки и ошибки. Непротиворечивые, сулящие «светлое будущее» предложения, к сожалению, оборачиваются вульгарным очковтирательством. Давайте мужественно и трезво смотреть в завтрашний день — и не подозревать врагов там, где их нет.

* * *

От рязанских страстей перейдем к московским, от Есенина к Маяковскому.

Громадное количество писем в 1988 году вызвала статья Б. Сарнова «Какого роста был Маяковский» («Огонек» № 19). Любовью к литературе, душевной болью наполнен отклик москвича А. Великоречина. Речь идет о стандартизации отношения к таким великим писателям, как Горький и Маяковский, причем «не столько об их творчестве, сколько о взглядах на них, сложившихся в годы, когда по прямым сталинским указаниям им выпала сомнительная честь быть идолизированными и канонизированными». «Идолотворчество и есть «укорачивание», если не уничтожение писателя и поэта в глазах широкого читателя. Читатель стал другим. Он успел узнать, что рукописи не горят... Назначение в «главные фигуры» повредило в глазах широкого читателя и Горькому, и Маяковскому. «Хвалимый» Маяковский пострадал от влиятельного слабомыслия не меньше, чем «хулимые». «Не отдадим Маяковского на растерзание псам пошлости!» — воскликнул Мейерхольд, когда узнал, что фигурой Маяковского как палкой наставляют виновных в литературной «крамоле».

Согласимся с читателем: к 1988-му мы уже прошли ликбез, переосмыслили, сколь опасна не езда в неэнаемое, но движение, куда скажут: «Жезлом правит, чтоб вправо шел. Пойду направо — очень хорошо!..»

Теперь надо называть имена, надо воздавать по заслугам. «Что было бы с перестройкой литературы в начале прошлого века, если бы арзамасцы критиковали «Беседу», не называя имен Хвостова, Шишкова, Шаховского? Почему не назвать соответствующие имена сегодня?» — пишет нам А. Великоречин и продолжает: «Вместе с голосами из небытия читатель обрел уверенность в том, что настоящую литературу ни унизить, ни уничтожить невозможно. Унижают литературу в глазах читателей не Б. Сарнов и С. Рассадин, а вечный зёв, выдаваемый за литературу».

Сотрудница библиотеки из Ленинграда И. Сутырина обращается к уже ставшим одиозными статьям того же М. Лобанова в журнале «Молодая гвардия»; бескомпромиссно защищает она и москвича Б. Окуджаву, и ленинградца В. Соснору:

«В статье М. Лобанова «История и ее «литературный вариант» («Молодая гвардия» № 3, 1988 г.) задеты дорогие для меня имена. Обвинения, брошенные Б. Окуджаве и другим писателям, бездоказательны, тон же статьи недопустимо развязен. Взявшись писать об Окуджаве, чье имя с глубоким уважением произносят миллионы людей, критик не находит иных слов, нежели «чахлые потуги на занимательность», «не знающая удержу литературная безвкусица и пошлость», «глумливые анекдоты», «штемпелеванные (?) повести» «всего-то литературный фарс» и, наконец, «пасквили» на русский народ... Разницы между героями и автором М. Лобанов постоянно не замечает. Право, неловко как-то объяснять известному критику, автору монографий об Аксакове и Островском, что путать героев с автором — это профессиональная, мягко говоря, некомпетентность».

Останавливаясь на повести В. Сосноры «Спасительница отечества», по поводу выбора в герои Петра III критик отмечает, что «сама избирательность уже характерна». Дело-то, однако, нешуточное: Петр III, оказывается, с масонами знался! Предполагается, что уж тут ясно, на кого работает В. Соснора. Как говорил персонаж Окуджавы, «уж не французский ли он шпион, что ему все у нас отвратительно».

Были «троцкисты», были «космополиты», теперь вот «масоны». Лексика меняется, «грамматика» та же. Откровенно говоря, не могу поверить, что статья М. Лобанова — результат некомпетентности критика. Скорее могу воспринять это как еще один ход в той игре, которую ведет «Молодая гвардия», стремясь расколоть нашу литературу не то на «городскую» и «деревенскую», не то на «интеллигентскую» и «народную», не то на «народную» и «инородную»...

* * *

Смоленский читатель, ветеран войны и труда Федор Иванович Реуков прислал вырезки из областной газеты «Рабочий путь» с полемикой вокруг известного «письма одиннадцати» о редакторской деятельности А. Т. Твардовского и заканчивает письмо так:

«Спасибо вам, Наталия Ильина, Ирина Дементьева, за ваши смелые поступки, за правдивое слово в деле защиты нашего великого поэта Александра Трифоновича Твардовского! Спасибо за отвагу!»

Многим из «рязанского десанта», наверное, не понравились бы эти слова, хотя принадлежат они тому самому «простому читателю», к которому апеллируют «рязанцы» (да простят нам такое словоупотребление жители славного города).

Как бы выразить одним словом, что именно больше всего возмущает «рязанцев»? Да, есть такое слово, все чаще мелькающее сейчас,— плюрализм, или, говоря по-русски, м н о г о о б р а з и е. Объявил же литератор С. Лыкошин в Рязани, что наш плюрализм — это, дескать, «смердяковщина» и «всеядность»; еще не сразу поймешь, почему «смердяковщина», и лишь потом разгадываешь хитроумную аналогию: Смердяков отца убил, а мы осуждаем (см. огоньковскую статью «Синдром отца») того, о ком пели: «...— *наш отец!*»

Правда, некоторые из выступавших в Рязани все же говорили о плюрализме без осуждения, хотя и путали его с другими трудными словами, например, с «амбивалентностью». Но из речей, прозвучавших на столь представительном заседании, плюрализм мнений был успешно изгнан; большинство ораторов начинали с полного присоединения к «замечательному выступлению предыдущего товарища». А затем, обрисовав чересчур драматичную, по их мнению, картину нашей культурной и социальной жизни, резюмировали: «Выход единственный...» Какой уж тут плюрализм!

Литературный процесс в стране, разбуженной перестройкой, к счастью, не зависит от мрачных статей и речей «рязанцев». Еще предстоит всем нам учиться вариантному, альтернативному мышлению, без которого невозможно ни общественными процессами управлять, ни понимать ход процесса литературного.

Т. Ф. Столярова, чье письмо уже приводилось, пишет:

«...С претензиями в адрес «Советской культуры» и «Огонька» за создание ими обстановки нетерпимости вокруг «радетелей национальной культуры» (о чем говорили В. Распутин и А. Ланщиков) согласиться никак не могу. Я не первый год читаю оба издания и ничего подобного на их страницах не наблюдала и уж тем более не встречала там призывов к «национальному самоотречению»...

Я — русский человек, и меня очень волнует русский национальный вопрос. У русского народа и русской культуры много острых национальных проблем. Но то, как поднимают эти проблемы С. Куняев, А. Казинцев, П. Горелов и другие, увы, дает повод для упреков. Стиль мышления, форма изложения и характер аргументации заставляют подозревать в них едва ли не идеологов печально известной «Памяти». Набор имен гонителей русской культуры подобран ими так, что недвусмысленно намекает на «происки сионизма». А вот образчик аргументации: А. Казинцев в большом и многоплановом романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» достойными своего внимания посчитал лишь строки о тысячелетнем рабстве русского народа и его последствиях и с торжеством преподнес их как еще одну попытку ущемления национального достоинства русского человека. Только как же быть тогда с Чеховым, призывавшим по капле выдавливать из себя раба, с Чернышевским с его горьким обращением к соотечественникам: рабы, рабы, сверху донизу все рабы...?

И, простите, чудовищной кажется мне попытка С. Куняева найти положительные моменты в черносотенстве... Я не знаю состава секретариата Союза писателей РСФСР, но, каков бы он ни был, вряд ли он должен представлять только нынешних авторов журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия». А С. Залыгин, Б. Можаев, Д. Гранин, А. Приставкин, А. Битов — не российские писатели? Ни в одной из речей никто и имен их не упоминал. Или они не имеют отношения ни к литературе, ни к перестройке нашей?»

Добавим к риторическим вопросам читательницы еще один: быть может, названные писатели просто не разделяют взглядов «Нашего современника» и «Молодой гвардии», а для этих журналов «кто не с нами — тот против нас»? Кандидат технических наук Александр Руттер из Москвы прислал такое письмо по поводу позиции «Нашего современника»:

«Думаю, что тактика выжидания, занятая «Огоньком», ошибочна: «Память» и ее защитники действуют весьма активно, свидетельством чему являются выступления «Памяти» в Ленинграде и публикации ее защитников в «Нашем современнике». Этот журнал превратился в постоянную трибуну сторонников «Памяти», ее прямых и косвенных заступников. За первое полугодие 1988 года в нем опубликовано четыре таких статьи: В. Распутина, А. Кузьмина, А. Казинцева и письмо группы минских ученых в защиту сотрудника Института философии и права АН БССР В. Бегуна.

Особое возмущение вызывает публикация в 5-м номере журнала, и не столько из-за письма минских ученых, сколько из-за редакционных примечаний. Эти примечания не что иное, как грубейшее извращение статьи К. Маркса «К еврейскому вопросу», попытка представить Маркса антисемитом. Этот антимарксистский, провокационный по своей сути выпад должен получить самый решительный отпор...

Еще один вопрос, не самый важный, но весьма волнующий редакцию «Нашего современника»: сио-

нист или не сионист крупнейший ученый мира Альберт Эйнштейн? Бегун полагает, что крупнейший ученый — и крупнейший сионист.

Перед войной Эйнштейн поддерживал идею создания независимого еврейского государства, которое и было создано в 1948 году при активной поддержке Советского Союза. Но Эйнштейн никогда не принимал участия в деятельности сионистов и не имел никакого отношения ни к одной сионистской организации, а вот к борьбе против атомного оружия он имел прямое и непосредственное отношение. Так имел ли право В. Бегун шельмовать крупнейшего ученого, называя его крупнейшим сионистом?

Напомним, что 10 лет назад академик М. Коростовский, крупнейший специалист по критике идеологии сионизма, назвал точку зрения В. Бегуна на многие изучаемые им вопросы «удручающе-примитивной и многогранно вредной»... Наукообразный антисемитизм В. Бегуна не менее опасен, чем экстремизм «Русского национально-патриотического фронта «Память».

Защитники из Минска решили вступиться и за В. Распутина. Да, В. Распутин — крупный писатель и общественный деятель. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда. Тем больше его ответственность за каждое сказанное слово, за каждую напечатанную строчку. Поэтому его выступление в защиту «Памяти» не может вызвать одобрения. Мы против черносотенного объединения «Память» и его защитников, против шовинизма и национализма, против тех, кто под маркой борьбы с сионизмом проповедует антисемитизм, разжигает ненависть и подозрительность... Наши непреходящие ценности — интернационализм и дружба народов».

Яснее не скажешь.

Когда-то Сталин выселял целые народы. Теперь некоторые критики пишут, например, что творчество И. Бабеля — это «явление еврейской литературы», выселяя из русской советской литературы не только «Одесские рассказы», но «Конармию» (а М. Шагал, по словам С. Куняева, «не может быть ни русским, ни белорусским художником, потому что он как бы писал на еврейском языке»).

Конечно, таким критикам до Сталина далеко — они ограничиваются отдельными писателями и художниками, но все же, все же...

Мрачное наследие сталинских времен — упрощенный до оргвыводов подход к сложным общественным процессам — глубоко укоренилось в мышлении некоторых «властителей дум». Было бы некорректно умолчать о том, что их выступления, в частности в Рязани, их тенденциозность и разнузданность стиля соотносятся с некоторыми письмами читателей, быть может, и воспитанных ими, и уж, во всяком случае, разделяющих их мнение.

Автор «Огонька» Наталья Иванова получила, например, такое письмо от калужской учительницы в ответ на статью «От «врагов народа» — к «врагам нации»?» (№ 36, 1988):

«Я учитель с 40-летним стажем. Меня особенно взволновала и привела к негодованию статья Н. Ивановой «От «врагов народа»...» Прочитав ее статью, я подумала: «Зачем она живет?» Эта явная приспособленка, выдающая себя за все умы, заменяющая собой, своим личным мнением всех великих современных писателей. На мой взгляд, нынешняя критика — это паразитирование на теле писателей... Ну как же, сейчас самое главное — это критика Сталина, а все остальное второстепенно. И кто против этой пагубной критики, тот не с ней и не с народом... А самое-то главное — это она, ее мнение и суждения, ее анализ произведений, статей. А, собственно говоря, кому они нужны, ее критические статьи??? А отсюда и мой вопрос второй к ней: чей хлеб ест Н. Иванова??? За счет кого она существует как критик и человек? По чьим спинам ползает?»

Читать это даже как-то неловко. Откуда в людях, в учителях, такое неуважение к литературному труду, стремление унизить оппонента, просто злоба, наконец? Почему за личным мнением критика так и подмывает вас, учительница со стажем, видеть чью-то направляющую и указующую руку? Отсюда, пожалуй, уже недалеко и до объявления Н. Ивановой агентом иностранных разведок («чей хлеб ест?»). Или так глубоко въелось в душу неуважение к личному мнению — если только оно не принадлежит одному, единственному и любимому, богочеловеку?

Только что в Политиздате вышла книга читательских писем, адресованных известному нашему историку академику А. М. Самсонову. Книга эта — «Знать и помнить» — один из «срезов умонастроений» в советском обществе, характерных для годов перестройки; анализ 2500 писем приводит к выводу, что сталинизм в нашей стране продолжает благополучно существовать на двух уровнях — на уровне наукообразно-литературном, который рассмотрен в статье Ю. Карякина «Стоит ли наступать на грабли?» («Знамя» № 9, 1987), и на уровне бытового сознания. Существенно, что уровень бытового сознания чрезвычайно изменился за последние годы, но, как говорил Б. Брехт, «еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада».

Можно было бы составить удивительно интересную книгу и из писем, адресованных другому замечательному ученому, академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву (по крайней мере в почте «Огонька» таких писем много). Хочется верить, что ни в одном из них не повторятся слова, опубликованные М. Лобановым в № 9 альманаха «Кубань», о чем нас извещает читательница из Краснодара Е. Крылова, и подтвержденные все в той же Рязани. «Радетель национальной культуры» беспощаден к тому, кто стал воистину ее рупором:

«Обратился же академик Лихачев к коллегам всего мира с призывом объединиться, сплотиться в некую элиту наднациональной, всемирной, космополитической интеллигенции, которая и должна интеллектуально — и не только — вести за собой мир. Если в тридцатых годах у нас отказывались от отцов, то теперь призывают отрекаться от своего народа».

Опять ложь. Да, в 30-е годы иные дети отрекались от отцов, но никто сегодня, включая академика Лихачева, не призывает отрекаться от своего народа; «отрекаться» — и это говорится о человеке, который всегда был со своим народом (даже «там, где мой народ, к несчастью, был», по слову Ахматовой)! Многоуважаемый критик, окститесь, прочтите хотя бы заметки Д. С. Лихачева «О русском» — одну из самых простых и доступных его книг — не все же «Тлю» Шевцова перечитывать! Позволим только напомнить вам, что русская культура всегда отличалась отзывчивостью, «всемирностью». Лишь об этом напомнил академик, когда призывал интеллигенцию всего мира сплотиться против угрозы ядерной войны.

Хочется верить, что манифесты «рязанских» и прочих ораторов не затащат русскую культуру в трясину национальной ограниченности.

Кстати говоря, жители Рязани подтвердили обоснованность этих надежд: они присылали заезжим писателям записки в большом количестве с совершенно справедливыми вопросами. На одну из них отвечал писатель Владимир Крупин. Огласив записку: «Идет борьба, а кто с кем борется,— непонятно», Крупин тут же начал отчитывать автора:

— Как же не понятно, чем же мы занимались все эти дни? Любящие Отечество борются с теми, кому не дорого ничего.

Если вспомнить, кого «любящие Отечество» себе противопоставляли,— пожалуй, писатель в данном случае взял на себя слишком много.

* * *

Труднодоступные периферийные издания присылают в редакцию многие друзья «Огонька» с просьбой немедленно откликнуться; обнаружилось в свежей почте и письмо из Ташкента со статьей Г. Фомаиди «Как открывали выставку плаката», опубликованной 6 октября этого года в «Комсомольце Узбекистана». Интересная статья. Но вот один абзац из нее:

«Когда толпа приняла «угрожающие», по мнению милиции, размеры, первые представители власти подошли поинтересоваться, по какому поводу люди собираются. А повод был таков: плакаты, неоднозначные по исполнению, были остры и злободневны, откликались на самые больные проблемы нашей жизни. Особое внимание привлекали два. Главным действующим лицом первого («Зазеркалье») был Л. Брежнев. Второй же плакат — фотография из книги Ш. Рашидова с дифирамбным предисловием Вадима Кожинова и портретом бывшего первого секретаря. «С кем ты сейчас, Вадим?» — называется он».

Литературно-критическая и иная деятельность Вадима Кожинова известна. Но в данном случае он несправедливо обижен: предисловие к Рашидову писал другой Вадим — Кожевников, почивший в бозе. Желательно, чтобы «Комсомолец Узбекистана» извинился перед Вадимом Кожиновым за ошибку. Если вам не нравится литературный критик, это еще не значит, что его можно оговаривать.

Так же и «Кубань», по нашему мнению, должна извиниться перед академиком Д. С. Лихачевым, хотя тут дело уже не в ошибке, а в позиции...

Вот что пишет по поводу позиции альманаха «Кубань» читательница Е. Крылова: «Как известно, провинция — понятие не географическое, а социальное, духовное... Я живу в Краснодаре уже тридцать лет. В нашем крае высоких урожаев издавна материальные ценности почитались много выше духовных. За миллионом тонн медуновского риса и миллионными вкладами в здешних сберкассах нелегко разглядеть кубанскую литературу, музыку, живопись, театр... Но время идет, и кубанская интеллигенция, кажется, пробуждается от спячки. В «нашем маленьком Париже» (так любовно назвал наш город в одноименном романе замечательный кубанский писатель Виктор Лихоносов) подул ветер перемен. Да вот беда: дует он исключительно «справа» и норовит сдуть нас в болото.

Начну с того, что редактором единственного в крае литературного альманаха «Кубань» стал критик Виталий Канашкин, личность достаточно противоречивая. В свое время он наотмашь бил в печати того же Лихоносова (и не его одного), потом публично бил себя кулаком в грудь и каялся на страницах краевой молодежной газеты (мол, делал это не по зову сердца, а по велению «свыше»). Теперь он «прораб перестройки» и взялся за дело без промедления.

Кубанцев обрадовали известием, что в новой рубрике альманаха «Перестройка: литература и жизнь» их ждет встреча с писателями и критиками, занявшими круговую оборону вокруг журнала «Наш современник». И моментально перешли от слов к делу, напечатав в № 9 беседу Канашкина с критиком Михаилом Лобановым...

Писатели, ученые, критики, чьи статьи мы бережно передаем из рук в руки, по словам Лобанова, «прозябали в безвестности до пятидесяти — шестидесяти лет, ...в полном ладу с застойным оптимизмом, а теперь воспрянули». Кто же эти злодеи? Лобанов готов открыть нам глаза.

Андрей Нуйкин — «из духовной помойки хочет пичкать легковерных», Николай Шмелев — «оплевывает все национальное»... Михаил Шатров и Александр Гельман — «самодеятельные драматурги-иллюстраторы», Егор Яковлев — «десятилетиями занимался «Лениниaной» и вдруг развел такую «демократию» в своей газете, ...что удостоился международной премии журналистов» (по мнению Лобанова, это позор!), Юрий Афанасьев — «еще недавно никому не известный, ...ныне глашатай новых истин» и т. д.

Идея чистоты крови не дает спокойно спать ночами, взывает к действию. Даже говоря о тяжелейших страницах в истории народа — насильственной коллективизации, расказачивании, организации массового голода, он применяет нехитрый прием. Виновниками объявляются Каганович, Троцкий, Свердлов, Френкель и... больше никто.

А вот и «вражеские» органы печати: «Советская культура», «Московские новости», «Огонек», который, как предупреждает нас критик, «глушит миллионы читателей роком гласности... чтобы только люди не думали о своей национальной культуре».

Да, видно, крепко задела Лобанова всенародная популярность вышеперечисленных «врагов», если он позволил себе и взвинченный тон, и базарные выражения... Хочется сказать спасибо этому доблестному защитнику национальной идеи — открыл нам глаза! Горячая благодарность за шефство над отсталой провинцией и другим московским литераторам: альманах «Кубань» готовится принять таких закаленных в битвах полемистов, как В. Кожинов, Ю. Бондарев, В. Белов. Вы уже догадались, как теперь называют в «нашем маленьком Париже» альманах «Кубань»? Правильно — «Наш маленький современник».

А как быть с теми, кто не хочет видеть своих земляков и современников «маленькими»?

Да, судя по письмам, наш читатель действительно уже не маленький и сам может убедительно ответить профессиональным критикам на их высказывания, нарушающие профессиональную этику и сеющие рознь в литературном цехе.

Вообще нужно сказать, что с годами почта отдела литературы «Огонька» меняется не только количественно, но и качественно. Если раньше в ней преобладали стихи начинающих, то сегодня люди все чаще сами берутся за перо критика, чтобы откликнуться на те или иные публикации, несколько реже — чтобы выразить свои мысли о возрожденной из социального небытия литературе. Анализ этой почты немало дал бы и социологу. Жизнь сама устроила своеобразный референдум по острым вопросам политики, экономики, истории, литературы. Когда читаешь многие письма, возникает ощущение, что если мы не будем предавать друг друга анафеме и оспаривать с пеной у рта прописные истины, то сможем, наконец, добраться и до истин более сложных.

Как все же хотелось бы видеть в статьях критиков глубокий профессиональный анализ художественных достоинств и недостатков произведений, а не выяснение национальности автора и его героев (или — с другой стороны — доказательства бесплодности «национальной идеи»)! Как хотелось бы открывать новых прозаиков и поэтов, радующих нас не одной только близостью гражданской позиции! И — продолжим мечтания — как хотелось бы видеть больше читательских писем, написанных под впечатлением от новых ярких произведений и талантливых статей о них!

Пока же наши читатели буквально вынуждены наставлять некоторых литераторов на путь истинный, брать на себя традиционную для русской литературы функцию просветительства.

Поскольку до исполнения мечты, до оздоровления нашей литературной жизни ох как еще далеко, надеемся и в будущем году на не менее активную, чем в уходящем, помощь читателей.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

ЭТА СТРАШНАЯ

СОТНИ ТЫСЯЧ НАШИХ МАЛЕНЬКИХ ГРАЖДАН НУЖДАЮТСЯ В НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ. НО СВОЕВРЕМЕННУЮ ПОМОЩЬ ПОЛУЧАЮТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕ. А ВЕДЬ КАЖДЫЙ ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ ПОДЧАС ОБОРАЧИВАЕТСЯ ТРАГЕДИЕЙ.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ЧТО МЕШАЕТ СОЗДАНИЮ ВСЕСОЮЗНОГО ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА И ВСЕСОЮЗНОГО НИИ ПСИХОНЕВРОЛОГИИ ДЕТСКОГО И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА?

Всемирная организация здравоохранения отмечает стремительный рост нервно-психических заболеваний детей и подростков. Весьма высока распространенность детского церебрального паралича и эпилепсий — по четыре на каждую тысячу детского населения.

Скорбная арифметика... Но в экономически развитых странах — США, Канаде, Англии, ФРГ, Швеции, Австрии, Италии, Швейцарии, Японии, Уругвае — давно уже существуют и плодотворно работают специализированные научно-исследовательские институты по профилактике и эффективному лечению этих опасных детских заболеваний. В нашей же стране подобного института до сих пор нет. Может быть, нет и этих тяжких недугов? Увы, 1 миллион 185 тысяч детей страдают психическими заболеваниями, в так называемом пограничном состоянии. Маленьких инвалидов с психоневрологической патологией — а эта формула объединяет ребят с детскими церебральными параличами, нарушениями речи, эпилепсией — очень и очень много: 48 на каждую тысячу. А ребят с патологией опорно-двигательного аппарата — 24 на тысячу.

Однако изучение нервно-психических заболеваний у детей и подростков проводится малочисленными разрозненными группами научных работников. Неосведомленный читатель может подумать, что и попытки создания такого учреждения-института не предпринималось. Нет, такая попытка была совершена еще три года назад и получила достойную оценку и поддержку, но...

За три года накопился лишь ворох бумаг в ведомственных столах. Хотя каждая из них как сигнал бедствия. Авторы одни и те же: профессор Ковалев и профессор Семенова.

Владимир Викторович Ковалев — главный детский психиатр Министерства здравоохранения СССР, директор Московского научно-исследовательского института психиатрии, один из крупнейших в мире специалистов по олигофрении. Ксения Александровна Семенова — руководитель Всесоюзного научно-методического центра восстановления детей с церебральными параличами Всесоюзного НИИ общей и судебной психиатрии имени В. Сербского. Это она «придумала» Центр, а затем добилась сооружения для него детской психоневрологической больницы № 18 с великолепными плавательными бассейнами, залами для лечебной физкультуры, спорта и хореографии, игровыми, как во Дворце пионеров, комнатами, зимним садом, классами и мастерскими... Не говоря уже о хирургии, процедурных кабинетах и лабораториях...

В своей первой записке в Главупрздрав Мосгорисполкома В. Ковалев и К. Семенова использовали аргументы и факты, касающиеся прежде всего Москвы, где еще три года назад на учете в психоневрологических диспансерах состояло около пятидесяти тысяч детей и подростков. Однако исследования, проведенные врачами только в двух районах столицы, показали, что истинная распространенность психических заболеваний в несколько раз выше.

В то же время в записке приводились отрадные, явно обнадеживающие результаты. Если лечение детского церебрального паралича начинать с первых недель жизни, то до шестидесяти процентов детей к третьему году становятся практически здоровыми.

Главк в прежнем, еще доперестроечном составе был «за». Министерство здравоохранения СССР, Главное управление лечпрофпомощи матерям и детям также сочли целесообразным иметь такой институт.

А постановление совместного заседания Президиума АМН СССР и Ученого медицинского совета Минздрава СССР за № 391 от 12 ноября 1986 года и вовсе категорично: «Поддержать предложение проф. Ковалева и проф. Семеновой и считать целесообразным организацию в г. Москве Всесоюзного НИИ психоневрологии детского и подросткового возраста Минздрава СССР».

Казалось бы, большего и желать невозможно. Но где взять средства? И соавторы обращаются к начальнику отдела здравоохранения Госплана СССР В. И. Чуракову. Со скрупулезной дотошностью подсчитаны штатные единицы по науке, которые понадобятся в медвузах, институтах усовершенствования врачей, медицинских факультетах университетов и научно-исследовательских институтах. Не забыты и суммы ассигнований — 50 тысяч рублей ежегодно на приобретение оборудования и совсем уже небольшие на команди-

АРИФМЕТИКА

ровочные расходы для каждого из региональных центров... Строить ничего не нужно.

И наступает великое затишье... Нет, не в деятельности инициаторов и руководимых ими учреждений, а в организациях, куда они обратились. В 1987 году ни из Госплана СССР, ни из Государственного комитета по науке и технике, куда тоже писали профессора, ответа не последовало.

Правда, весной 1988 года Министерство здравоохранения СССР и Советский детский фонд имени В. И. Ленина объединили свои усилия и вынесли на рассмотрение МГК КПСС вопрос о создании многопрофильного Всесоюзного педиатрического центра и Всесоюзного НИИ психоневрологии детского и подросткового возраста.

Принципиальны обязательства, возложенные авторами на себя: финансирование и оснащение Всесоюзного педиатрического центра, развитие его материально-технической базы будут осуществляться Минздравом СССР и Советским детским фондом имени В. И. Ленина. Финансирование научно-исследовательской деятельности ВНИИ психоневрологии детей и подростков, содержание штата научных сотрудников и соответствующего аппарата управления берет на себя Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

Что же касается остальных штатных единиц, то тут слово за Главным управлением здравоохранения. А там не говорят теперь ни «да», ни «нет». И страдают от этого только дети, попавшие в бумажную круговерть.

Галина КУЛИКОВСКАЯ.

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК ПРОФЕССОР КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СЕМЕНОВА ЗАНИМАЛАСЬ НЕСВОЙСТВЕННОЙ ЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ — «ВЫБИВАЛА» СРЕДСТВА, А ЗАТЕМ С ПОМОЩЬЮ ГЛАВНОГО ВРАЧА ЕВГЕНИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СОЛОГУБОВА СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОМПЛЕКСА ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ № 18.

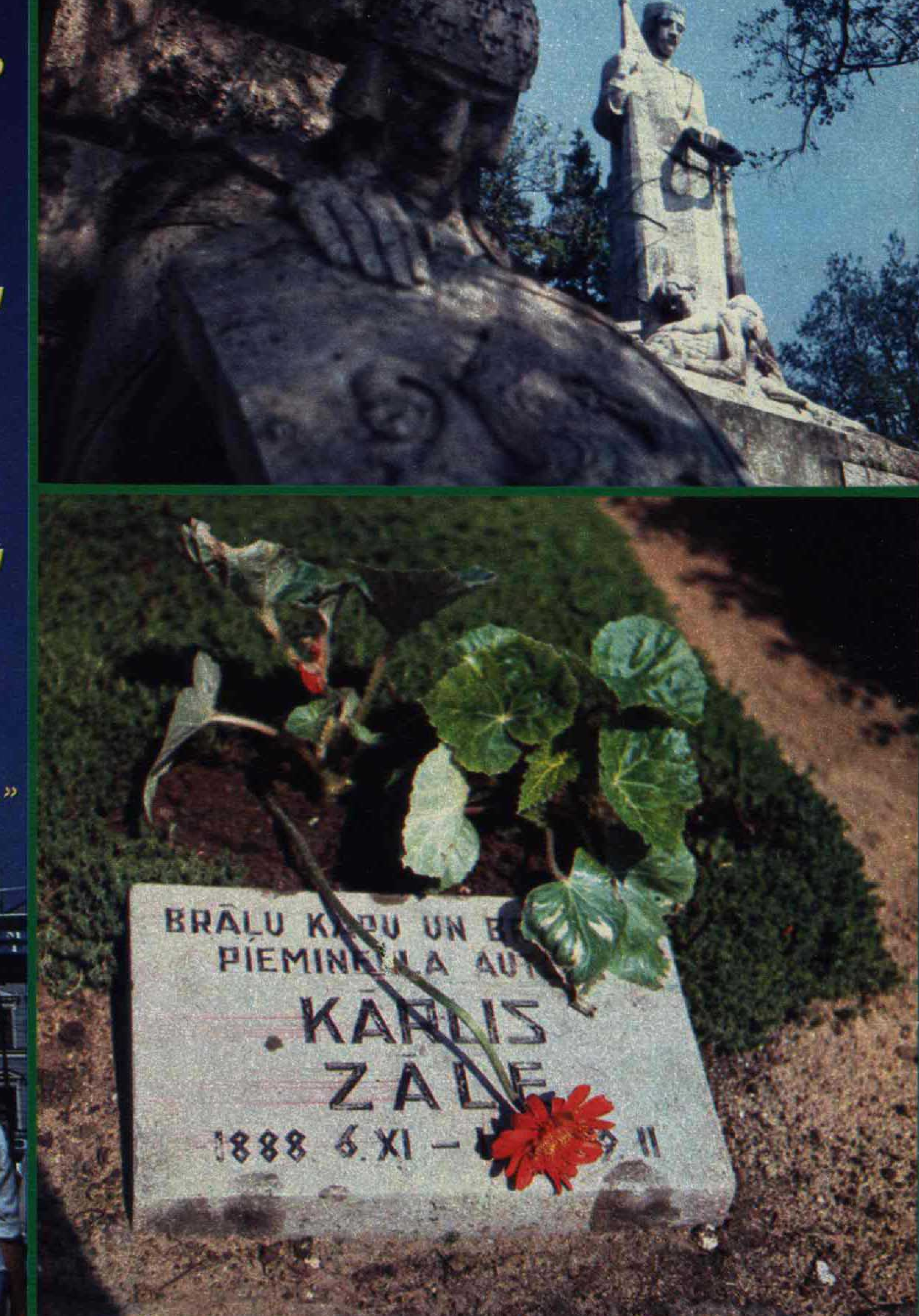

ДО 20 ТЫСЯЧ ПИСЕМ В ГОД ОТ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ, НУЖДАЮЩИХСЯ В ЛЕЧЕНИИ, ПОСТУПАЕТ В БОЛЬНИЦУ № 18. РЕБЯТИШКИ МОГУТ ЗДЕСЬ НЕ ТОЛЬКО УЧИТЬСЯ, НО И ВЫБРАТЬ В СПЕЦИАЛЬНО ОБОРУДОВАННЫХ МАСТЕРСКИХ ЗАНЯТИЕ ПО ДУШЕ. К СОЖАЛЕНИЮ, ТАКАЯ БОЛЬНИЦА ПОКА ЕДИНСТВЕННАЯ В СТРАНЕ.

СКОЛЬКО ЖЕ ПРОЙДЕТ ЕЩЕ ВРЕМЕНИ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НА БАЗЕ ЭТОЙ БОЛЬНИЦЫ, А ТАКЖЕ ДЕТСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ № 6 ОТКРОЕТСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОНЕВРОЛОГИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ? СТРОИТЬ ВЕДЬ УЖЕ НИЧЕГО НЕ НАДО, ТОЛЬКО УСТРАНИТЬ БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОВОЛОЧКИ!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАЛЕ

«ОЧЕНЬ ОТРАДНО, ЧТО ТВОРЕНИЯ ЗАЛЕ ВОЗРОДИЛИСЬ ОДНОВРЕМЕННО С ВОЗРОЖДЕНИЕМ ВСЕГО НАШЕГО ОБЩЕСТВА, — СКАЗАЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИИ Я. ПЕТЕРС. — НАРОД САМ, БЕЗ КАКОГО-ЛИБО УКАЗА, НАМЕКА НАШЕЛ ТРОПУ К ВЕЛИКИМ КАМНЯМ ЗАЛЕ. К БРАТСКОМУ КЛАДБИЩУ, ГДЕ СТОИТ СКОРБЯЩАЯ МАТЬ ЛАТВИЯ И ГДЕ ЗАХОРОНЕНЫ ЛАТЫШСКИЕ БОРЦЫ И ЗА СВОЮ РОДИНУ, И ЗА РЕВОЛЮЦИЮ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ, ИБО БЕЗ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО БЫ ГОСУДАРСТВА ЛАТВИЯ. К САМОМУ ГЛАВНОМУ ТВОРЕНИЮ ЗАЛЕ — ПАМЯТНИКУ СВОБОДЫ...»

Долгие годы несправедливо забытое, зазвучало вновь имя одного из выдающихся латвийских скульпторов — Карлиса Зале, создателя памятника Свободы, что в центре Риги на улице Ленина. До последнего времени бытовало мнение, будто памятник поставлен президентом Латвии К. Ульманисом и посвящен «свободной буржуазной Латвии». Забыта была и истинная история его создания, и даже имя автора. Информация о К. Зале исчерпывалась энциклопедическими справками. Первая монография о нем вышла в свет только сейчас, к столетию со дня рождения, и лишь на латышском языке.

Карлис Зале должен занять то место в истории латышской культуры, которое принадлежит ему по праву.

Урожденный Залит — Зале он стал именовать себя только в 20-е годы. Родился в 1888 году в семье латышского каменщика. Еще в детстве знакомится с тяжелым трудом строителя: работает у отца, позже — у строительных подрядчиков. Но уже тогда начинает лепить из глины небольшие фигуры. По совету друзей поступает в Казанское художественное училище. Его первый учитель — известный скульптор, великолепный педагог, выпускник Петербургской академии художеств В. Богатырев.

В 1914 году К. Зале приезжает в Москву, работает в мастерской у знаменитого скульптора С. Эрьзи. В 1917 году Зале — студент скульптурной мастерской профессора Х. Залемана, после революции продолжает учебу у профессора А. Матвеева.

Подписанный В. И. Лениным Декрет о монументальной скульптуре вызвал огромное оживление в художественной жизни страны. Множество замечательных скульпторов включились в работу по созданию памятников великим революционерам страны и мира. Карлис Зале вместе с О. Гризелли и В. Синайским руководит работой. Как автор он создает два бюста — Н. Добролюбова и Дж. Гарибальди.

Имя К. Зале называется вместе с именами С. Меркурова, В. Мухиной, М. Манизера. Карлис Зале — в плеяде самых выдающихся советских скульпторов!

Стремление ближе познакомиться с западноевропейским авангардом привело К. Зале в 1920 году в Берлин. Здесь он входит в среду конструктивистов, издает журнал «Лайкметс» («Эпоха»), вступает в мир искусства настолько смело и уверенно, что уже первые его работы ставились рядом со скульптурами и картинами Пабло Пикассо, Фернана Леже, Ле Корбюзье, Ивана Пуни и других.

Здесь, в Берлине, Зале и получает приглашение участвовать в создании памятника Свободы для Риги.

Почти одновременно он делает памятник и создает ансамбль для Братского кладбища. Эти работы (завершенные к 1936 году) и стали вершинами его творчества. Замысел ансамблей определили события 1914—1920 годов, однако исторические корни таятся значительно глубже — в XIII столетии, когда Латвийский край был завоеван немецкими крестоносцами.

В Латвии не было семьи, не пострадавшей в первой мировой войне. Многие стали беженцами. 2,5-миллионное население уменьшилось в ходе войны почти на миллион!

И завершение войны К. Зале воспринял прежде всего как освобождение родины от семивекового национального, политического и экономического гнета немецких баронов, от деспотизма царского самодержавия. Стремление к свободе и радость победы мастер воплотил в ансамблях. Братское кладбище — реквием павшим героям, памятник Свободы — гимн Родине и Свободе. К небесам родной земли возносит Свобода три позолоченные звезды, символизирующие три края древней Латвии — Курземе, Видземе, Латгале.

Во времена застоя памятник Свободы стал «великим неизвестным». Только после «реабилитации» он обрел свою истинную значимость.

...Жизнь Карлиса Зале прервалась в годы войны — 19 февраля 1942 года. Он похоронен на Братском кладбище у подножия созданных им изваяний. Братское кладбище и его мемориал стали священным местом, куда народ приходит поклониться памяти своих сыновей. Здесь захоронены около 2 тысяч погибших во время первой мировой войны, а также останки воинов и партизан, павших во время Великой Отечественной.

— Карлис Зале — величайшая фигура в нашем искусстве,— говорит председатель Госкомитета культуры Латвии Раймонд Паулс.— Его памятник Свободы стал своеобразным символом для нашего народа. Каждый настоящий художник мечтает о таком. И тем более обидно, что скульптор, бывший после Октября одним из проводников ленинского плана монументальной пропаганды, на долгие годы оказался предан забвению. Это наша большая боль.

Зале — личность яркая и сложная, но все его творения принадлежат нашему искусству, нашей истории. Я очень рад, что имя Зале снова звучит. Так и должно быть. Осенью этого года мы широко отмечали его столетний юбилей — по сути, это возвращение великого художника.

Вайделотис АПСИТИС,
архитектор

Аркадий
БЕРНШТЕЙН

В РОЛИ СТАЛИНА

МИХАИЛ ГЕЛОВАНИ, ПОПУЛЯРНЫЙ КОГДА-ТО ИСПОЛНИТЕЛЬ РОЛИ СТАЛИНА В КИНО, ЛИШЬ ОДИН РАЗ ВСТРЕЧАЛСЯ СО СВОИМ ГЕРОЕМ, ХОТЯ МОЛВА СОЗДАЛА МНОЖЕСТВО ЛЕГЕНД О ЕГО ДРУЖБЕ СО СТАЛИНЫМ.

О трагикомическом эпизоде их первой и единственной встречи рассказал мне со слов отца сын артиста — оперный режиссер Георгий Михайлович Геловани.

«В конце 1946 года, после премьеры фильма режиссера М. Чиаурели «Клятва», в нашей квартире на улице Горького раздался телефонный звонок. Мой отец, лежавший в постели, взял трубку и услышал чей-то голос: «Михаил Геловани?»

— Да,— ответил отец.

— С вами говорит генерал-майор такой-то (точно не помню). Вас приглашает к себе на дачу Иосиф Виссарионович Сталин. Мне дано поручение привезти вас к нему.

Михаил Геловани, привыкший к частым розыгрышам Чиаурели и некоторых близких знакомых, раздраженно сказал:

— Ну ладно, Миша, хватит меня разыгрывать...— и положил трубку. Снова раздался телефонный звонок, и тот же голос удивленно спросил: «Вы что, ничего не поняли?»

Геловани уже спокойно произнес: «Ну сколько можно шутить?» — и прекратил разговор. Но в третий раз раздался звонок и в трубке прозвучали требовательные слова: «С вами говорят совершенно серьезно!» Михаил Георгиевич начал одеваться.

Мой отец в те годы прилично зарабатывал, но жили мы очень скромно, провизию приносили из соседнего ресторана «Арагви», большие средства уходили на то, чтобы принять друзей и знакомых, в квартире было мало мебели — отец спал на старой тахте, а я на железной кровати. У отца не было даже выходного костюма, и он надел френч, заправил брюки в сапоги, набросил на плечи меховую доху — во всем этом он недавно снимался в «Клятве», играя Сталина. Спустившись, Геловани увидел две черные правительственные машины и ожидавшего его генерала. Вскоре приехали на дачу Сталина. В вестибюле ждал Михаил Чиаурели. Увидев отца в столь знакомом сталинском костюме, режиссер побледнел и сказал ему по-грузински: «Губишь, что ли?» Но Сталин не обратил внимания на эту одежду. Казалось, будто ему передалось смущение артиста. Вдруг вождь пробурчал, указывая на него большим пальцем: «Вот он меня теперь, наверное, изучать будет!» К ним подошел первый секретарь ЦК Компартии Грузии Кандид Несторович Чарквиани, и Сталин, обратившись к нему и Геловани, произнес с шутливой насмешкой:

— Знакомьтесь... Впрочем, вы, наверное, давно знакомы: вы же из одной деревни.

Оба почувствовали себя весьма неловко. Сталин подчеркнул свою осведомленность, что в кино его играет потомок лечхумских князей, а первый секретарь ЦК Компартии Грузии происходит от княжеских крепостных крестьян.

Застолье было сумрачным. Получилось что-то вроде тризны. В этот день Берия принес Сталину личное дело Якова Джугашвили. По грузинскому обычаю Сталин оросил кусочек хлеба несколькими каплями красного вина и съел его в память о сыне. Геловани поразило, как тщательно и аппетитно Сталин поглощал цыпленка табака, разгрызая каждую косточку и запивая еду небольшими глотками киндзмараули. В конце этого позднего ужина Сталин, любивший говорить о себе в третьем лице, произнес тост: «Предлагаю последний раз в году выпить за вождя народов товарища Сталина!»

Исполнение роли Сталина в кино принесло Михаилу Геловани признание миллионов зрителей, ослепленных долголетним культом вождя, почести, которые артист не выпрашивал: четыре Сталинские премии, орден Трудового Красного Знамени, звание народного артиста СССР, полученное по представлению самого Сталина в 1950 году. На протяжении шести лет, с 1942 по 1948 год, он играл роль вождя во МХАТе в пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты». На фирменных бланках с именем и титулами М. Г. Геловани писались его деловые письма. Михаил Геловани стал почти «монополистом»: образ, созданный красивым и обаятельным актером, Сталин хотел закрепить в сознании миллионов людей как свой реальный облик.

Геловани стал одним из кинофаворитов вождя после просмотра ленты «Великое зарево». Режиссер М. Чиаурели рассказывал и Геловани, и его сыну, как проходил этот просмотр. Сталин сидел впереди, удобно устроившись в большом кресле, из-за спинки которого были видны только кисти его рук, лежавшие на подлокотниках. За ним в зале сидели В. Молотов, К. Ворошилов, М. Чиаурели и руководитель Главного управления кинематографии С. Дукельский. После того как закончился фильм, возникла длительная и довольно неприятная пауза. Сталин молча поднялся с места, пошел к выходу и, вдруг остановившись в открытых дверях, сказал: «А я не знал, что, оказывается, я такой обаятельный. Хорошо!»

Когда-то многие критики не столько анализировали игру Геловани, сколько подробно и осторожно пересказывали содержание киноэпизодов с его участием, восторгаясь проницательностью, железной волей, лукавым юмором, человечностью «гениального зодчего нового мира». И часто было непонятно, кому адресована патока славословия — актеру или его «великому» персонажу. Апология Сталина полностью подавляла разговор о жизни и личности самого Геловани, о котором почти не писали. После тревожных мартовских дней 1953 года, и особенно после XX съезда КПСС, о нем забыли совсем, хотя в сознании миллионов зрителей его образ жил довольно долго и сохранился до сих пор.

Вскоре после смерти Сталина Геловани был вообще изъят из кинематографического обращения. Все кадры с ним были вырезаны даже из таких популярных лент, как «Человек с ружьем» С. Юткевича (1938), «Ленин в 1918 году» М. Ромма (1939), «Выборгская сторона» Г. Козинцева и Л. Трауберга (1939), «Член правительства» А. Зархи и И. Хейфица (1940), «Валерий Чкалов» М. Калатозова (1941). Фильмы с участием М. Геловани остались лишь в Госфильмофонде и зарубежных фильмотеках.

Как же Геловани стал исполнителем роли Сталина?

В 1936 году кинорежиссер Николай Шенгелая снимал фильм «Золотистая долина», в котором М. Геловани играл счетовода Кирилэ, скрывающего за маской скромности и обходительности лицо лютого врага колхоза. Его герой был в кителе полувоенного покроя, летней фуражке с квадратным козырьком и с наклеенными усами. Георгий Михайлович Геловани рассказывает: «Как-то художественный руководитель киностудии Михаил Чиаурели решил посмотреть отснятый материал. Увидев Михаила Геловани в таком облике, он ахнул и попросил зажечь свет в маленьком просмотровом зале. С изменившимся лицом он спросил у режиссера: «Что вы показываете? Подумайте, на кого похож Геловани, под кого он загримирован?» Вновь включили проектор, и Чиаурели закричал, глядя на экран: «Теперь вы видите, на кого похож Кирилэ?»

Действительно, сходство Кирилэ со Сталиным озадачивало. Опасное сходство уменьшили, пересняв Геловани в ряде эпизодов.

Именно об этом эпизоде и вспомнил Чиаурели, когда пригласил Геловани играть роль Сталина в историко-революционном фильме «Великое зарево».

Для первой пробы Геловани гримировали четыре часа. Только четвертая съемка была признана удачной. Он изучал голос вождя по граммофонным записям, часами смотрел хронику и фотографии. Первоначально его роль называлась осторожно — «Кавказец».

В «Великом зареве» присутствовало безмерное, почти холопское преклонение перед Сталиным. Чиаурели, сценарист Г. Цагарели, в сущности, обрекли Геловани на канонизацию вождя. Но сработало и обаяние актера: его Сталин, например, напевал «Цицинатэлу» («Светлячок») — песню, которая стала после этого очень популярной.

Фильмы с Геловани в роли Сталина работали на культ вождя, зерна упали на подготовленную почву.

Конечно, очень мало общего было между реальным и придуманным Сталиным.

Думается, что Михаил Геловани, склонный к спокойному домашнему образу жизни, не знал всей правды о Сталине и сохранял, как и миллионы людей своего поколения, какие-то иллюзии, связанные с его именем. В образе вождя, созданном артистом, чувствуется стремление облагородить своего ге-

роя, оправдать в своих глазах. Пожалуй, он любил не столько Сталина, сколько созданный им миф.

Постепенно от фильма к фильму возникал наработанный, статичный, искусственно сконструированный образ со все более заметной склонностью к созданию полумистического ореола вокруг всезнающего и всевидущего вождя.

С. Юткевич, работая над картиной «Человек с ружьем», полностью подчинил Геловани мифической идее духовной близости Ленина и Сталина, которые не могут обойтись друг без друга. Сталин всегда появляется рядом с Лениным как равноценный ему политический деятель, они вместе ведут серьезный разговор, весело смеются, узнав, что оробевший солдат упустил генерала, и с аппетитом едят картошку в мундире, отмечая ее «особый вкус». Но вот на экране остается один Сталин, и мимо него чеканным шагом под песню проходят рабочие отряды, уходящие на фронт.

В финальной сцене «Члена правительства» М. Геловани не понадобились слова. Он проходит в ложу кремлевского дворца, где собрались народные депутаты, и тут же начинается бурная овация.

Снимался Геловани и в фильме «Выборгская сторона». Зрителям запомнились такие кадры: Ленин и Сталин уходят на цыпочках из комнаты Смольного, где на диване крепким сном забылся новый директор банка Максим, перед уходом Геловани с лукавой улыбкой исправляет в объявлении о начале и конце рабочего дня цифру «семь» утра на «восемь».

Во второй половине 40-х годов образ Сталина приобрел черты монумента, рождался «богочеловек», которому понятно и доступно все в подлунном мире. Особенно это сказалось в игре совершенно непохожего на вождя артиста А. Д. Дикого, которого старшее поколение кинозрителей помнит по фильмам «Третий удар» И. Савченко и «Сталинградская битва» В. Петрова. Молва утверждает (об этом даже писал недавно Юлиан Семенов), что Сталину в период борьбы с космополитизмом подошел именно русский актер, говоривший без акцента и сыгравший в кино роль Кутузова. Уже никакого значения не имело то, что А. Д. Дикий пять лет пробыл в сталинских лагерях. Однако Сталин не потерял симпатий к Геловани и после просмотра картины «Третий удар» авторитетно заявил: «Вождя народов товарища Сталина неплохо играет артист Геловани». Последние большие фильмы о Сталине приобрели печальную известность.

Именно такие картины, как «Клятва» и «Падение Берлина», поставленные М. Чиаурели, навязывали мысль, что без Сталина — Ленина наших дней — не могла обойтись ни одна историческая акция в ходе строительства социализма, что без него советский народ никогда бы не выиграл войну. Как еще живучи эти настроения! В «Клятве» и «Падении Берлина» образ Сталина дан предельно обобщенным. Это «воплощенная история», почти «мистический персонаж». Сделан еще один шаг по пути «мумификации» образа. Уже в самих сценариях характер был дан выхолощенным, лишенным истинно человеческих черт.

В «Клятве» действие охватывает почти два десятилетия. Свою «клятву» Ленину Сталин произносит не в Большом театре, как это было на самом деле, а на Красной площади, где ему внимают тысячи людей. В шубе, с непокрытой головой актер стоит у заснеженной скамейки в Ленинских Горках. На глазах вождя настоящие слезы, и в его воображении оживает Ленин.

Он безошибочно, на глаз, определяет причину неисправности трактора, застрявшего на Красной площади. В течение всего фильма звучат народные песни и марши. По воле сценаристов у Геловани мало живых слов, нет естественных положений, он держится торжественно и изображает нечто вроде неземного пророка. Таким он кажется нам, когда в Георгиевском зале Кремля объявляет: «Осуществлена, товарищи, первая фаза коммунизма».

Отвечая на вопрос Варвары о войне, Геловани, глядя в неведомую даль, говорит: «По всему видно, будет».

Другая картина, «Падение Берлина», состоит из чисто информативных, лишенных психологизма и плохо связанных между собой эпизодов.

М. Геловани — Сталин прилежно окапывает молодое деревце, оживленно беседует со сталеваром, подпевает ему и даже читает стихотворение А. С. Пушкина «Кавказ», рекомендуя сталевару не бояться стихов, которыми его «замучила невеста». Но особенно настойчиво авторы фильма пытаются раскрыть так называемый «полководческий гений» Сталина, якобы усвоившего традиции Суворова и Кутузова. Режиссер подводит М. Геловани к портретам великих русских полководцев на стенах кабинета, и актер, указывая на одного из них, наставительно и задумчиво говорит: «Старик Кутузов... был на десять голов выше немецких барабанных генералов». Беседуя с Жуковым, он единолично ставит перед ним боевые задачи накануне штурма германской столицы, показывает на карте направления главных ударов, определяет количество боевой техники, требует уплотнить сроки перегруппировки войск. А руководя штурмом Берлина, точно знает, куда повернут танковые армии, где они должны соединиться с войсками Жукова. Закуривая трубку, Сталин говорит почти с олимпийским спокойствием: «С Берлином скоро будет покончено».

Фильм М. Чиаурели «Незабываемый 1919 год» реконструировал историю настолько смело, что в нем остались лишь крупицы правды. Ленин, которого играл П. Молчанов, убежден, что «теперь только Сталин» может ликвидировать в Петрограде заговор вражеских сил. Приехав в Петроград, Сталин немедленно останавливает ликвидацию кораблей по приказу Зиновьева, предлагает привести их в боевую готовность и отменяет «предательское решение» об эвакуации города. Кроме того, он умело руководит боевыми действиями против английских кораблей и мятежных фортов. И снова артисту приходится повторять свои испытанные приемы, успокаивая матросов уверенным тоном предсказателя будущего: «Ничего. Скоро у нас будет и каши много и даже с маслом». Далее Сталин демонстрирует свой мрачный юмор, ставит котелок с кашей на снарядный ящик, заявляет: «А теперь займемся изменниками Родины» и приказывает усилить огонь.

Михаил Геловани был добрым, интеллигентным, деликатным человеком, обладавшим мягкими и изящными манерами. Все люди, знавшие его, говорят об этом в один голос. Сыграв Сталина первый раз, он не предполагал, что эта роль превратится для него в единственный способ творческого существования, в придворное амплуа. Он останется лишь придуманным двойником вождя. Некоторые из его коллег — исполнители роли Сталина на театральной сцене — «заболевали» непомерной гордыней и становились меркантильными. Народный артист СССР Б. М. Тенин рассказывает, что один из известных московских театральных актеров под предлогом «вживания» в великий образ разъезжал на персональной машине, добился прибавки к зарплате, на выступления перед зрителями являлся в сталинском кителе с трубкой в зубах, поощрял пышные встречи и банкеты, устраиваемые в его честь. Значительно скромнее был А. Д. Дикий, но и его во время гастролей в других городах одолевали ответственные работники, приходившие к нему в номер посоветоваться по поводу своих служебных дел. Факты говорят, что у скромного, сдержанного и немногословного человека, каким стал Геловани в последние годы, была своя, глубоко скрытая от посторонних глаз духовная жизнь.

Но как ни странно, на драматической сцене Михаил Геловани был интересным актером романтического склада, блистательно исполнявшим во многих спектаклях 20—30-х годов народные песни и городские романсы под гитару, театральные режиссеры активно пользовались этими качествами артиста, видя в них приманку для зрителей. Когда Л. Утесов был в 30-е годы в Тбилиси, он записал с напева Геловани песню «Пароход» и романс «Где б ни скитался я томительной весной...». Это был человек удивительно независимый по характеру. В 1931 году после острого конфликта на киностудии он уехал в Москву, никого об этом не предупредив. Случайно через несколько месяцев его встретил в столице режиссер Шота Манагадзе и не поверил своим глазам: Геловани торговал минеральной водой в киоске, и на него покрикивала заведующая этой торговой точкой.

— Миша, это ты? — спросил он.— Да, это я,— последовал ответ.

— Вы знаете, на кого вы кричите? — сказал Манагадзе заведующей.— Это наш Качалов.

Вскоре из Грузии приехала целая делегация, «похитила» артиста и увезла его в Тбилиси. Киноактриса Галина Сергеевна Кравченко писала, что блестящее комедийное дарование этого умного, доброго и одаренного актера использовали «не по-хозяйски», что его снимали в ролях, «абсолютно ему противопоказанных». В памяти режиссера Т. Б. Березанцевой Геловани остался легким, живым и очень музыкальным артистом с ярко выраженным поэтическим началом, добрым человеком, который помнил много стихов и щедро принимал друзей.

В минуты откровенности М. Геловани признавался Березанцевой в своей привязанности к комедийным ролям, которых ему не дают ни в театре, ни в кино. И погрустнев, доверительно и тихо сказал ей как-то позже: «Из-за роли Сталина я перестал существовать как актер... Может быть, мне не надо было это играть».

М. Геловани жил в разных гостиницах за свой счет, не имея квартиры в Москве. Он ничего не просил и ничего не требовал. И когда заходил разговор о жилье, отшучивался: «Пусть сами догадаются». Однажды в 1944 году друживший с ним Марк Бернес, не говоря артисту ни слова, сам поехал в Моссовет, рассказал председателю исполкома Моссовета о трудном жилищном положении исполнителя роли Сталина и довольно легко получил для него квартиру из резерва. Но ему пришлось придумать хитрую историю об отказавшемся от квартиры товарище, чтобы привезти Геловани на смотрины двух прекрасных комнат на улице Горького в доме № 8, прямо против Моссовета. Там он все честно рассказал Геловани и вручил ему ключи. Известный фотокорреспондент Георгий Тер-Ованесов рассказал мне: «Весной 1948 года я приехал в Москву после демобилизации. Мной владело одно желание — поступить во ВГИК, ведь я так долго и упорно готовился к этому. Но два старых друга мой дядя В. С. Тер-Ованесов и известный советский писатель и поэт Габриэль Эль-Регистан пытались отговорить меня. И все мы пошли на третейский суд к моему кумиру — артисту Михаилу Геловани. В скромно обставленной квартире на улице Горького нас принял очень милый, казавшийся немного застенчивым человек. Он говорил тихо, интеллигентно, но я сразу узнал артиста. Склонив голову, сидя, он внимательно выслушал всех. Особенно много говорил я, стремясь продемонстрировать свои знания о советском и западном киноискусстве и даже предлагал сыграть этюд или прочесть отрывок из художественного произведения. И вдруг Геловани, мягко улыбнувшись и положив мне руку на плечо, сказал: — Не надо, не надо, молодой человек. Я вам верю и понимаю вас, но хочу объяснить свою позицию. Сейчас мы переживаем тяжелый период в искусстве. Кино остановилось в своем развитии. Мы снимаем десять — двенадцать картин в год, а то и меньше. Я не вижу пока никаких перспектив на ближайшее десятилетие.

С тех пор я неоднократно бывал у него. Артист играл с дядей в нарды и великолепно рассказывал истории из своей жизни, Геловани в совершенстве знал не только родной язык, говорил на армянском и азербайджанском. Однажды он грустно обронил фразу: «Думаю, что моя актерская карьера уже заканчивается. Чувствую и козни некоторых влиятельных людей...»

Меня всегда поражала скромность Михаила Геловани, его нелюбовь к дешевой популярности. Он не ходил в рестораны, потому что кавказцы мгновенно узнавали артиста и посылали на стол «батоно Сталина» шампанское и коньяк».

Через три месяца после смерти Сталина 13 июня 1953 года М. Г. Геловани по его просьбе, адресованной в Министерство культуры, был зачислен в штат творческого состава Театра-студии киноактера. Артист, уже достигший шестидесятилетнего возраста, еще не терял надежды попробовать себя в разных и интересных ролях. Но за три года он сыграл только одну роль профессора Окаемова в «Машеньке» А. Афиногенова, где его персонаж говорил с очевидным грузинским акцентом — семнадцать лет однообразной работы над образом вождя и здесь оставили свой след. Творческое бездействие угнетало актера. И хотя он и занимался общественной работой в театре, ему нередко казалось, что он никому не нужен. Известная певица Д. Я. Пантофель-Нечецкая, жившая с ним на одной лестничной площадке, часто видела артиста в те дни мрачным, угнетенным, морально подавленным. Ассистенту режиссера Б. С. Глускиной, которая была с Геловани в хороших отношениях, отчетливо запомнилась ее последняя встреча с актером в трудную для него пору — весной 1956 года. Они стояли на пустой сцене Театра-студии киноактера. Горела лишь дежурная лампочка. «У Геловани,— говорит она,— было очень грустное, осунувшееся лицо и в глазах читалось желание высказаться, доверить кому-то сокровенные мысли. Как всегда тихо и деликатно, актер сказал: «Уделите мне немного времени». И когда он почувствовал мое внимание к себе, то заговорил вдруг горячо и взволнованно:

«Я не могу получать зарплату, ничего не делая. В спектаклях я почти не занят — все это доставляет мне страдание. Кино для меня закрыто. Роли мне больше никто не предлагает и не предложит. Вероятно, в моей жизни ничего не изменится...»

Артист Б. М. Тенин написал в своих неопубликованных заметках: «Роль Сталина была для Геловани — хорошего артиста и художника — надгробной плитой. Режиссеры и в кино, и позже в театре обходили его за версту. Злая воля деспота приписала его к одной роли, и он ничего не мог изменить в своей судьбе. Очевидно, ему суждено было умереть Сталиным. В последние дватри года жизни его как будто подменили: он был тих, сосредоточен и неразговорчив. Он говорил мне: Боречка, мне очень плохо... так плохо мне не было никогда».

По непонятным причинам его работа в кино после смерти Сталина и несколько раньше оказалась под запретом. Ему даже не разрешили, несмотря на приглашение М. Ромма, сняться в небольшой роли турецкого адмирала в фильме «Адмирал Ушаков» (1953). Вскоре артист тяжело заболел. Он умер 21 декабря — в день рождения Сталина, и это воспринимается как фатальное, но в чем-то объяснимое явление. По этому поводу в прессе не было некрологов, только две или три обычных информации в траурной рамке. Выйти из образа Сталина ему оказалось значительно труднее, чем войти в него.

ЛЕСОПОВАЛ

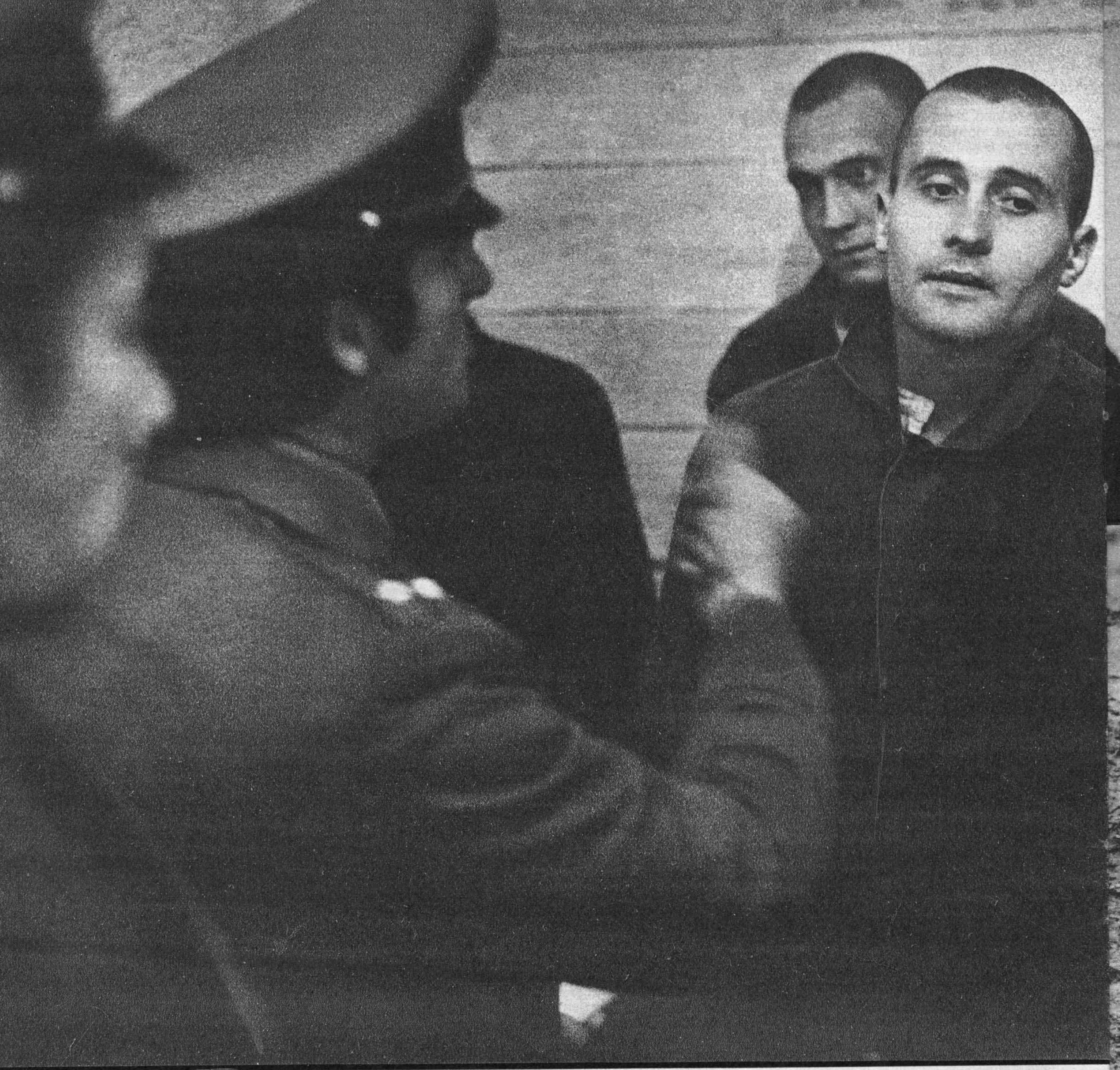

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Виталий ЕРЕМИН

Окончание. См. «Огонек» № 51.

5

Малейшее попустительство администрации в отношении членов СПП и обслуги приводит к усилению влияния отрицаловки и «воров в законе». «Когда я пришел на эту зону,— сказал мне один из них,— я первым делом вызвал повара: говорят, у тебя мясо на сторону идет, почему мужиков обворовываешь?»

Плевать блатарю на мужиков. У него свой интерес. Чтобы повар подкармливал не кого другого, а его воровскую камарилью. Но такова уж психология заключенных. Они убеждены, что под контролем воров кое-что достанется и их желудкам. А под контролем администрации...

Осужденные чутко реагируют на происходящие в стране перемены. В многотиражку «За честный труд», выпускаемую лесным управлением, стали слать письма с теми или иными жалобами на администрацию. Как же отозвалась газета? Может быть, опубликовала эти письма? Нет, она ответила на них так: «Для одних гласность — это увидеть свою жизнь без всяких шор, для других же — посмаковать ужасы исправительно-трудовой системы». Никакой проверки фактов. Никаких аргументов, подтверждающих, что в письмах что-то искажено или преувеличено. Клеветники, и точка!

Можно ли так относиться к осужденным, многие из которых выписывают сегодня газет и журналов на 100—200 рублей, пробуют жить тем же духом очищения, что и весь народ, пытаются навести порядок и справедливость в той жизни, какая у них есть сегодня и будет еще много лет? Не дискредитируется ли тем самым в глазах осужденных сама идея перестройки? Или газете все равно, на чьей стороне лагерная правда?

Зато не все равно отрицаловке. «Как давили нас, так и будут давить!» И здесь отрицаловка набирает очки.

«Мы долго смотрели, как мужики идут в ШИЗО за бирки,— сказал мне «вор в законе»,— и решили: здоровье дороже самолюбия, хрен с ними, бирками, будем носить! Сколько мужиков спасли!» Ну, тут уж не очко. Тут сразу сто очков набрано.

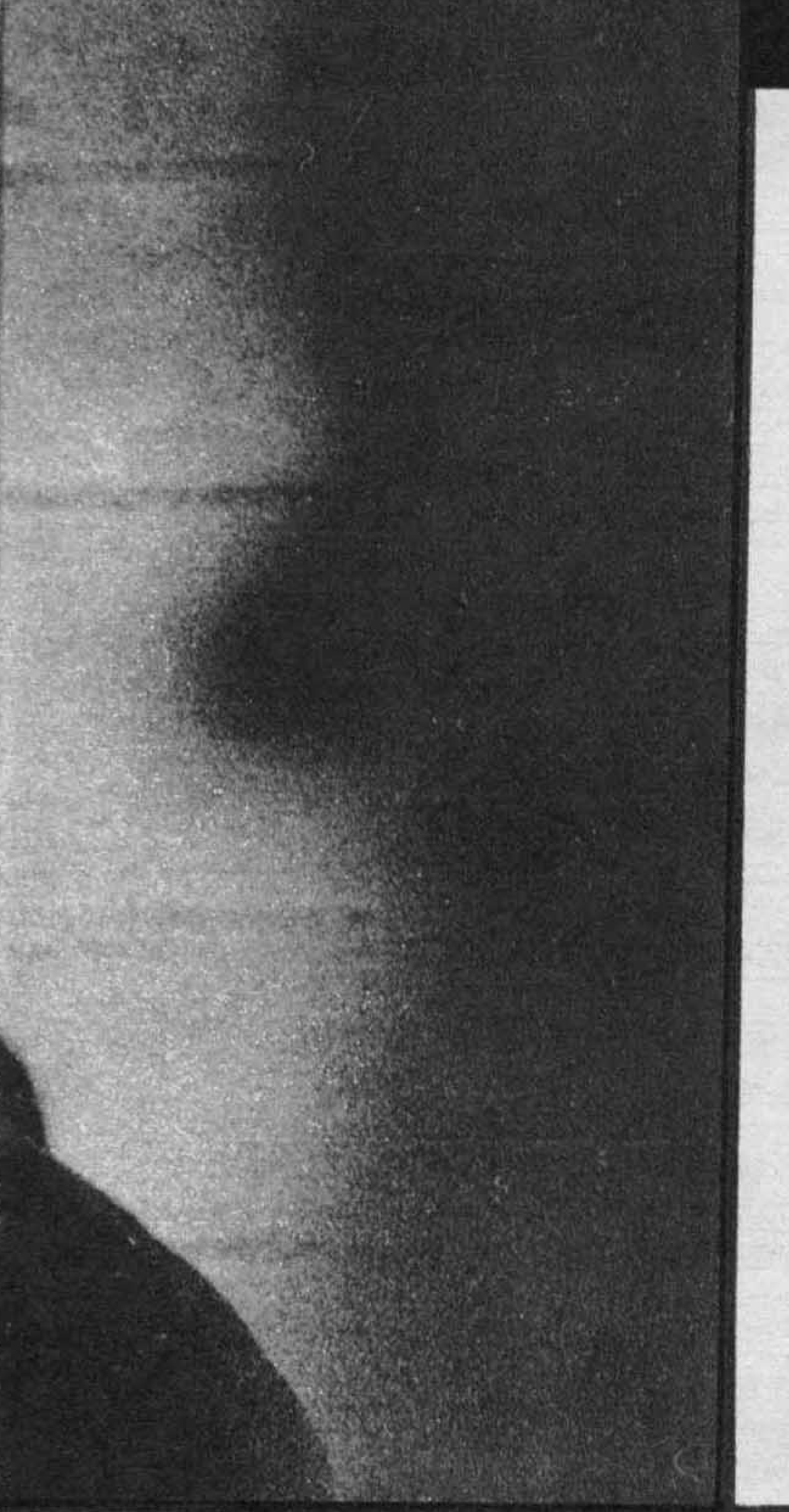
В каждой колонии я спрашивал: есть ли какие-нибудь особенности в работе с молодыми осужденными? Выработан ли к ним какой-нибудь особый подход? Ведь каждый из молодых больше боится недосолить, чем пересолить. Каждый делает выбор: с кем быть? Кто меньше унижает? Кто справедливей? «Вор в законе»? Или гражданин начальник? Каждый рано или поздно переламывает судьбу в ту или иную сторону. Разве не должно быть к молодым особого подхода?

Воспитатели в погонах пожимали плечами. Они не понимали, чего я от них добиваюсь. Сама постановка такого вопроса казалась им нелепой: какой, собственно, должен быть особый подход, если подавляющее большинство осужденных, сидящих в строгих и особорежимных колониях,— молодежь?

«Каждый, кто решается вступить в секцию профилактики правонарушений, показывает тем самым, что он твердо встал на путь исправления»,— объясняли мне работники колоний.

«Каждый, кто вступает в СэПэПэ, рано или поздно сдаст кого-нибудь администрации или примет в этом участие. Это неизбежно. Ведь СэПэПэ ведет борьбу с нарушителями режима. А если вступивший не принимает участия в этой борьбе, ему администрация говорит: значит, ты еще не встал на путь исправления»,— объясняли мне опытные лагерники.

Вот так. Для того чтобы доказать свое исправление и освободиться досрочно, нужно на кого-то донести, кого-то сдать. Никто не видит в этом ничего

противоестественного, ненормального, противного обыкновенной морали. Наоборот, такое поведение всячески превозносится, объявляется мужественным, принципиальным и даже честным.

— Неужели так трудно отказаться от поощрения доносительства? Неужели невозможно убрать из так называемой перековки все, что дурно пахнет? — спрашивал я у опытных работников колоний.

И только один ответил прямо: «Все можно. Но для этого требуется изменить привычное отношение к работе, изменить, по сути, мышление, больше и лучше работать самим, не используя осужденных».

Так называемая модификация поведения — система вознаграждений, согласно которой арестанты «зарабатывают» свои привилегии и досрочное освобождение, не является нашим отечественным изобретением. Почти во всех странах эта модификация считается основой воздействия на заключенных.

Не будем строить иллюзий и насчет условий содержания в западных тюрьмах. Не так уж редко газеты приносят сенсационные сообщения о тюремных бунтах, вызванных дурным обращением надзирателей.

Если наказание перестало быть источником страданий, то оно уже не наказание. Подписавшись под этим кредо большинства западных криминологов и тюрьмоведов (по-нашему оно звучит короче: заслужил — получай!), мы начисто забыли о диалектике обоюдной ответственности преступника и общества. Мы забыли также, что в первые Основы уголовного законодательства СССР была вписана формула: наказание не является возмездием. И мы забыли, наконец, что способы перековки, основанные на формуле возмездия, в нравственном отношении ничем не лучше деяний арестантов, ибо сами по себе могут квалифицироваться как противоправные действия.

Интересы истинной, а не декларативной перековки требуют, чтобы работники колоний были в моральном отношении выше осужденных. Подобная высота может быть набрана при одном главном условии — если в арестанте будут видеть человека и будут обязаны

В лесных колониях сигареты «Прима» покупали бы за милую душу. Работягам не до подросткового максимализма. Но это еще ни о чем не говорит. Именно отсюда идет по другим колониям мода на татуировки типа «Раб коммунистов». (Наколки делают прямо на лице. И администрации приходится хлопотать о срочной операции.) Свое отношение к существующей системе содержания и перевоспитания осужденные переносят на всю нашу власть.

Это не должно нас удивлять и тем более возмущать. Если мы перестаем видеть в преступнике гражданина, обставляем такое отношение юридическими нормами, то стоит ли удивляться, что преступник платит нам той же монетой и идет дальше — начинает ненавидеть общество, которое его отвергло и перестало видеть в нем человека?

Но я чувствую, как давно закипает иной читатель. Можно легко представить, что он скажет. Рецидивист лишен чувства ответственности не только перед обществом и законом, но и перед своей семьей, близкими, перед своей

обращаться с ним как с человеком.

Но даже если бы вся система перевоспитания прошла строгую проверку на законность и моральность, даже если бы она была решительно пересмотрена, это не дало бы ожидаемых результатов. И вот почему.

6

— Однажды я приехал в лесное управление читать лекцию для пропагандистов,— рассказывал мне один сыктывкарский ученый.— В зале сидело человек 250. И я поразился: не было ни одного званием ниже майора!

Ну что ж, ученый очень точно подметил. Я побывал в том же самом управлении, побеседовал с начальником отделения Николаем Ивановичем Гуцалом. Он подтвердил: только у него самого шесть заместителей! Не у всякого министра столько бывает.

Мы сделали общественно полезный труд основой перевоспитания преступника. Но много ли стоит такое «воспитание» при таком раздутом аппарате?

Один наш тюрьмовед рассказывал: в колонию для несовершеннолетних завезли сигареты «Прима». Никто не стал покупать! Причина оказалась простой и страшной. Потому что пачки — красного цвета.

честью, наконец. У него деформировано сознание. Он высокомерно считает, что может позволить себе то, чего не позволяют другие люди. Он нагло ставит себя над моралью, над правом, над обществом. А «над» означает «вне». Он сам не видит в себе гражданина. Почему же гражданина должны в нем видеть мы?

Ответ на это, с виду логичное суждение прост. Если у нас нет надежд на возвращение рецидивиста к нормальной жизни, нужно ввести в таком случае пожизненное заключение.

Но коли мы на это не идем, значит, чувствуем способность общества исправить рецидивиста и способность рецидивиста снова ощутить в себе гражданина.

Искусство исправления требует, чтобы осужденный превращался в гражданина не после выхода на свободу, а еще там, находясь взаперти. Именно там, в неволе, мы требуем от рецидивиста отказа от привычной для него социальной роли преступника. Но что он получает взамен? Роль члена СПП?

Даже при Сталине в лагерных бараках висели печатные объявления «Права и обязанности заключенных». А загляните в сегодняшний исправительно-трудовой кодекс. Вы увидите там слова

«разрешено», «можно». Но там нигде не сказано: «осужденный имеет право». А существо бесправное, как справедливо утверждал Ушинский, может быть добрым или злым, но нравственным быть не может.

Реальные права, реально защищающие от произвола давильщиков,— вот что может помочь осужденному ощутить свое человеческое и гражданское достоинство. И не только в колонии, но и на свободе. Ибо давильщиков хватает и среди работников милиции, не желающих прописывать вернувшихся оттуда. И среди администраторов, предпочитающих не брать на работу судимых. Все вместе они и подводят человека со справкой об освобождении к самому простому сведению счетов с обществом — новому преступлению. Только страдают обычно не давильщики. Обозленный, отчаявшийся рецидивист мстит за свою несложившуюся жизнь (ни один из них не мечтал в детстве стать преступником и изгоем) первым попавшимся людям. Нам с вами, читатель, и нашим детям.

Но откуда у нас это не то что негуманное, а просто-напросто нездравое, нерасчетливое отношение к осужденным, дающее результаты, обратные ожидаемым,— еще большему увеличению рецидивной преступности?

7

В специальном словаре, изданном для служебного пользования и насчитывающем около трех тысяч слов и выражений, слово «командировка» означает «колония». В этот словарь надо бы вписать новое жаргонное словцо «население». Так называют себя сидящие в Коми осужденные.

Так сколько же в республике «командировок» и «населения»?

Здесь размещены спецкомендатуры, где работают осужденные условно с направлением на стройки народного хозяйства, называемые в народе «химиками». Около тысячи ссыльных — в большинстве своем злостные неплательщики алиментов. Множество колоний-поселений, где без конвоя, но под надзором работают вместе с вольными освобожденные досрочно из лесных колоний. А что говорить об отдаленных лесных поселках? Там «населения» больше, чем населения.

По Коми ходит анекдот. Детсадовского мальчика спросили, кем он станет, когда вырастет. «Бесконвойником»,— ответил малыш. Ничего удивительного. Тысячи расконвоированных разгуливают среди местных жителей. Тысячи освобожденных условно-досрочно «растворены», как здесь принято писать, в здоровых коллективах. Только еще неизвестно, кто в ком растворен.

Местные газеты полны тревожных выступлений: коми начинают забывать родной язык. Зато живущие рядом с колониями от мала до велика свободно ботают по фене.

В Микуни находится транзитно-пересыльный пункт. Почти ежедневно железнодорожная станция оцепляется автоматчиками. Подходит состав, осужденные выпрыгивают из спецвагонов и садятся на корточки. Крик конвоиров, лязг затворов, лай собак...

Вам это ничего не напоминает?

Но сколько же всего «командировок» и «населения»? Общую численность мне не назвали: «Сколько заключенных в США, можем сказать. А сколько у нас, в Коми...»

Придется вести приблизительный подсчет, исходя из структуры. Всего в Коми АССР четыре управления исправительно-трудовых учреждений. Одно свое, республиканское, и три лесных, подчиняющихся напрямую МВД СССР.

Должность начальника лесного управления — генеральская. Министр внутренних дел Коми АССР — полковник.

В каждом лесном управлении пятьшесть отделений. Сколько в отделении колоний? «Ну зачем вам это знать?» На меня смотрели с вежливой улыбкой, почти сочувственно. Потом все же чуть приоткрылись. Строгорежимных? Ну, наверное, не меньше, чем колоний-поселений... А может, больше. Точно знают только в Москве...

После прошлогодней амнистии «население» поубавилось. Из каждой колонии ушли на свободу 300—400 человек. Но государственные планы по лесозаготовкам МВД никто не снижал. Планы надо было выполнять. И пошли этапы из наших южных республик, где заключенные, как утверждают, маются от безделья.

Новое «население» летом требовало телогрейки, а зимой отказывалось от работы. Проклятый зековский инстинкт самосохранения! Дабы «южане» не заразили своим поведением других, начальство принялось закручивать гайки. В ШИЗО пошли те, кто там, в южных колониях, был далек от отрицаловки. Здешняя отрицаловка праздновала рост рядов.

Наглядный пример того, как образуется известная цепочка: основанные на формуле возмездия условия содержания — недовольство осужденных своим положением — протест — подавление протеста — рост отрицаловки — еще большее закручивание гаек — еще большее привыкание к карательному перевоспитанию — озлобление — освобождение со злобой на общество — выплескивание злобы (новое преступление).

Какую прибавку к рецидиву дадут в Коми южные этапы, пока сказать трудно. (Едва ли кто-нибудь займется подобным исследованием.) Зато хорошо понятно, что послужило причиной.

Есть у работников ИТУ такое понятие — «наполняемость». Вот эта самая неполная наполняемость лесных колоний — последствие гуманного акта — и сыграла свою привычную роль.

Все вышло бы иначе, если бы после амнистии закрыли столько-то колоний с учетом обычного процента возвращения амнистированных. Тогда «южан» просто негде было бы разместить. Правда, пострадал бы план... Что ж, не исключено, что кто-то там, наверху, как бы сделал выбор между недовыполнением плана и пополнением отрицаловки.

Если бы в колониях 32 регионов страны знали, что им не удастся сплавить в Коми самых неподдающихся, там, быть может, больше старались бы найти с ними общий язык.

Если бы наполняемость штрафных изоляторов и помещений камерного типа была сокращена, это почти наверняка вынудило бы искать к нарушителям режима нерепрессивные меры воздействия.

Мне кажется, образовалась прямая взаимосвязь между наполняемостью мест лишения свободы (штрафных изоляторов) и стремлением эту наполняемость использовать.

Подобная зависимость существует также между нашими хроническими провалами в исправительной политике и почти религиозным верованием в преобразующую силу труда. Осужденные в нашей стране выпускают тысячи видов продукции. Но даже такое разнообразие не избавляет нас от роста рецидивной преступности. Напротив, как показывает тот же пример с «южанами», отдаваемый трудоиспользованию приоритет только усиливает антагонизм осужденных по отношению к обществу.

С этими южными этапами просто не рассчитали. Но у нас во многом, что касается осужденных, имеет место нерасчетливость. Трудно, психологически трудно что-либо тонко учитывать при такой-то численности «командировок» и «населения», которую даже назвать боимся. И потому всему находим только те объяснения, которые могут спрятать нашу нетонкость, некультурность, несовестливость и полное равнодушие ко всей массе осужденных и к отдельной личности зека.

Почему пытался бежать 27-летний Ш.? Он не принадлежал к отрицаловке. Он не был отказчиком от работы. Пару раз отсидел в ШИЗО «за промот обмундирования». Вот и все провинности. Но то было на другой «командировке». А на этой он уже который месяц был чист перед администрацией. Что же толкнуло его в запретку? На верную смерть?

У охраны своя версия: хотел убить часового.

У администрации своя: проигрался в карты.

У меня своя. Бывают у осужденного такие моменты, когда просто не хочется жить. Смертельно надоедает все: скотская баланда, рабская работа, рожи окружающих, косые взгляды начальников, бирка на груди, которая должна быть аккуратно пришита.

Возможно, Ш. так и решил: лучше бирку на ногу, чем такая жизнь...

8

Я не выбирал себе собеседников, а только просил дать возможность встретиться с представителями всех слоев лагерного общества. С молодыми и старыми, «ворами в законе» и членами СПП, работягами и отказчиками... И администрация каждой колонии отбирала по своему усмотрению.

Это были очень разные люди. Но было у них и нечто общее. Едва ли не каждый впервые попал в заключение за хулиганство. Потом после отбытия первого срока переходил на кражи личного или государственного имущества. И только по третьей судимости шел грабеж или разбой. Криминальная весовая категория набиралась постепенно, пока человек не превращался в «тяжеловеса».

Многие начинали свою преступную карьеру с «малолетки» — колонии для несовершеннолетних, а потом, попав во взрослую колонию, связались с отрицаловкой. Молодые и глупые, они приходили к выводу, что можно жить и на этом дне. Освободит ли «хозяин» раньше срока — это еще вопрос, а отрицаловка уже сейчас поможет скрасить унылое существование. Молодым и дерзким, им трудно было удовлетворить алчную требовательность давильщиков, трудно было разглядеть мерзость «воровской жизни» и истинное лицо «благородного «вора в законе», потому что лицо какого-нибудь не в меру ретивого замнача по режиму лично для них было намного страшнее.

Они взахлеб усваивали блатную «философию красивой жизни», приучались презирать и ненавидеть труд. И потому скачок на второе, корыстное преступление был вполне логичным следствием их лагерного дебюта.

Вторым общим свойством моих собеседников было их социальное происхождение. Когда я спрашивал, кто откуда родом, в большинстве случаев слышалось: из такой-то области, из крестьян.

Надо признать, эта особенность спецконтингента учитывается. И на лесозаготовках, где, несмотря на вооруженность передовой техникой, все еще требуется мускулатура и по-крестьянски аккуратное отношение к природе, и на других работах. В многотиражке «За честный труд» я с удивлением прочел о больших трудовых достижениях косарей, трактористов, животноводов из числа осужденных.

А еще у них были примерно одинаковые глаза. Глаза людей, истомленных тяжелой работой или частой отсидкой в ШИЗО, уставших крутиться на исправительно-трудовом колесе. У закоренелых уголовников таких глаз я не видел. Те смотрели гонористо, дерзко, хитро, насмешливо.

Мне говорили: ежегодно в лесах Коми вспыхивают пожары. Тушение, как и работа в запретке, не оплачивается. Но работяги идут в огонь без особых патриотических призывов.

Мне говорили в МВД республики: прошлогодняя амнистия прошла поразительно тихо. Официанты в вагоне-ресторане удивлялись: редко кто из стриженных под нулевку пассажиров просил спиртное.

Впрочем, проявлять гражданскую сознательность — гасить пожары, а также беречь себя от новой посадки — могут не только сельские.

Всем досталось в застойные годы. В последнее время мы узнали достаточно фактов, как вышибались «чистосердечные признания» у честных людей. Как невинных упрятывали за решетку и даже расстреливали. И потому можно без труда представить, как обращались органы с теми, кто хоть однажды оступился.

На них навешивали преступления, которых они не совершали.

Суды назначали сроки, превышавшие степень вины.

Не так уж часто в качестве платы за прописку предлагалось «сотрудничество с органами». Несговорчивые долго на свободе не гуляли.

Нужно что-то делать. Нужно очистить каждое дело от следов несправедливости. Это та контрольно-следовая полоса, которую надо обновить, если мы хотим, чтобы ослабло чувство отчужденности осужденных от общества.

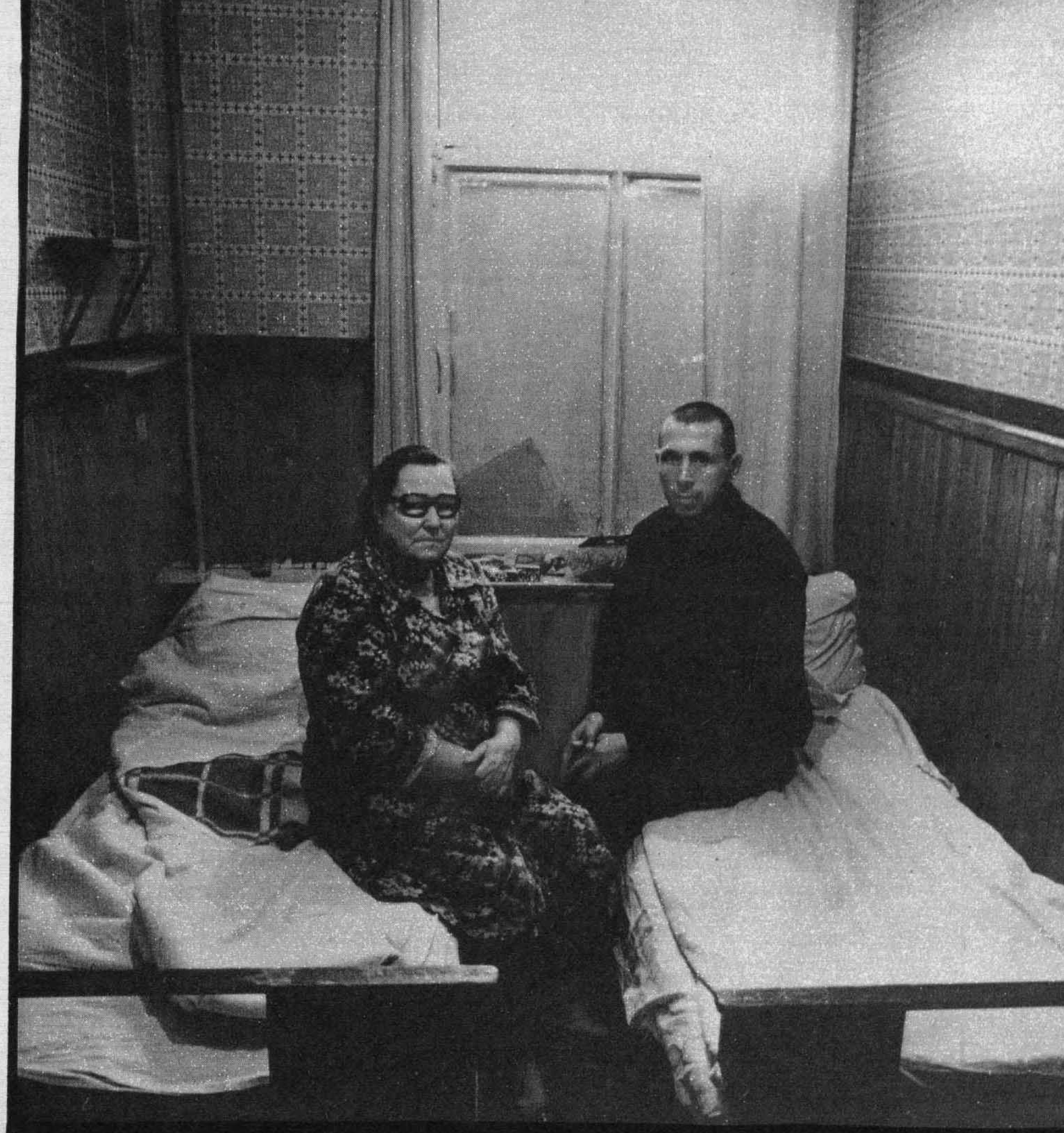
Возможность перестроить свое мышление и сознание дается сегодня каждому человеку. Было бы несправедливо не дать такого же шанса падшим.

Осужденный Владимир Хохлов, отбывший в общей сложности 24 года, недавно переведенный в порядке поощрения с особого режима на строгий, выразил, как мне кажется, общее настроение осужденных: «Нам от одного только уже легче, что о нас стали думать». Думать как о людях, добавлю от себя.

Зарешеченный, опутанный колючей проволокой мир жадно читает периодику, ищет строки, которые указывали бы на возможные перемены.

Было бы ошибкой не ответить на эти ожидания.

Ведь для общества это тоже шанс.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

•

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Николай РУБЦОВ

1936—1971

Поэт есенинской традиции, больше всего любивший русскую природу, деревню, однако никогда не впадавший в умиление. Известность пришла к нему посмертно.

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...
Там в избе деревянной
Без претензий и льгот
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.
Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду.
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.
Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964

РЕПОРТАЖ

К мужику микрофон подносят,
Тянут слово из мужика,
Рассказать о работе просят
В свете новых решений ЦК.
Мужику непривычно трекать.
Вздох срывается с языка.
Нежно взяли его за локоть...
Тянут
слово
из мужика!

1962

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.
Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.
Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

1965

Владимир ВЫСОЦКИЙ

1938—1980

О Владимире Высоцком в последние годы написано столько (в том числе и мной), что вряд ли стоит подробно представлять читателю его жизнь и творчество. Для меня это Зощенко в поэзии.

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

вариант

Я умру — говорят,
Мы когда-то всегда умираем.
Съезжу на дармовых,
Если в спину сподобят ножом.

Убиенных щадят,
Отпевают и балуют раем.
Не скажу про живых,
А покойников мы бережем.

В грязь ударю лицом,
Завалюсь покрасивее набок,
И ударит душа
На ворованных клячах в галоп.

Вот и дело с концом,
В райских кущах покушаю яблок,
Подойду не спеша,—
Вдруг Апостол вернет, остолоп.

Чур меня самого!
Наважденье, знакомое что-то:
Неродящий пустырь
И сплошное ничто — беспредел.

И среди ничего
Возвышались литые ворота,
И этап-богатырь —
Тысяч пять — на коленках сидел.

Как ржанёт коренник! —
Я смирил его даром овсовым
Да репьи из мочал
Еле выдрал и гриву заплел.

Петр-Апостол, старик,
Что-то долго возился с засовом
И кряхтел и ворчал,
И не смог отворить и ушел.

Тот огромный этап
Не издал ни единого стона,
Лишь на корточки вдруг
С онемевших колен пересел.

Вон следы песьих лап,—
Да не рай это вовсе, а зона!..
Все вернулось на круг —
И распятый над кругом висел.

Мы с конями глядим:
Вот уж истинно зона всем зонам!
Хлебный дух из ворот —
Так надежней, чем руки вязать.

Я пока невредим,
Но и я нахлебался озоном,
Лепоты полон рот,
И ругательства трудно сказать.

Засучив рукава,
Проскочили две тени в зеленом,
С криком «В рельсу стучи!» —
Пропорхнули на крыльях «бичи».

Там малина, братва!
Рельса плачет малиновым звоном,
Но звенели ключи —
Это к нам подбирали ключи.

Я подох на задах —
На руках на старушечьих, дряблых,
Не к Мадонне прижат,
Божий сын, а к стене, как холоп.

В дивных райских садах —
Просто прорва мороженых яблок!
Но сады сторожат
И стреляют без промаха в лоб.

Херувимы кружат,
Ангел окает с вышки — занятно!
Да не взыщет Христос,—
Рву плоды ледяные с дерев.

Как я выстрелу рад!
Ускакал я на землю обратно,
Вот и яблок принес,
Их за пазухой телом согрев.

Я вторично умру,—
Если надо, мы вновь умираем.
Удалось: я не сам,
Вы мне пулю всадили в живот.

Так сложилось в миру —
Всех застреленных балуют раем,
А оттуда — землей:
Береженого Бог бережет.

В грязь ударю лицом,
Завалюсь после выстрела набок,
Кони просят овса,
Но пора закусить удила.

Вдоль обрыва, с кнутом,
По-над пропастью пазуху яблок
Я тебе привезу —
Ты меня и из рая ждала.

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
В которое болею или пью.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют
в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или когда все время против
шерсти,
Или когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Пусть лучше уж откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь»
забыто.
И коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья —
Нет жалости во мне, и неспроста.
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого
Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут
в душу,
Тем более когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю,—
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю.

Алексей ПРАСОЛОВ

1930—1972

Воронежский поэт, работавший обособленно, самостоятельно. Его стихи были поддержаны Александром Твардовским.

* * *

Везде есть место чувству и стихам.
Где дьякон пел торжественно
и сипло,
Сегодня я в забытый сельский храм
С бортов пшеницу солнечную сыплю.
Под шепот деда, что в молитвах ник,
Быт из меня лепил единоверца.
Но, господи, твой византийский лик
Не осенил мальчишеского сердца.
Меня учили: ты даруешь нам
Насущный хлеб в своем
любвеобилье.
Но в десять лет не мы ли
по стерням
В войну чернели от беды и пыли?
Не я ли с горькой цифрой на спине
За тот же хлеб в смертельной
давке терся,
И там была спасительницей мне
Не матерь божья — тетенька
из ОРСа.
Пусть не блесну я новизною строк,
Она стара — вражда земли и неба.
Но для иных и нынче, как припек,
Господне имя в каждой булке хлеба.
А я хочу в любом краю страны
Жить, о грядущем дне
не беспокоясь.
...Святые немо смотрят со стены,
В зерно, как в дюны, уходя по пояс.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Два года мы регулярно публиковали поэтическую антологию и теперь хотим сказать спасибо ее постоянному ведущему поэту Евгению Александровичу Евтушенко. Однако это вовсе не означает, что в следующем году рубрика «Русская муза XX века» совсем исчезнет с наших страниц. Столь полноводен пока еще малоизученный океан русской поэзии, что мы и впредь станем публиковать лучшие стихи известных и позабытых авторов. Мы надеемся на новые открытия.

П. Н. ФИЛОНОВ МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА. 1912—1913.

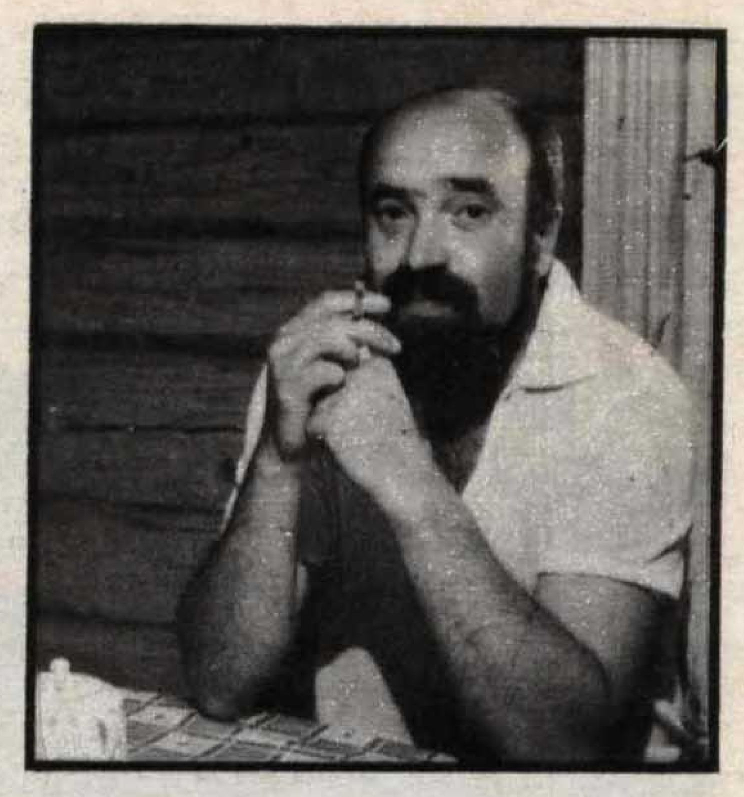

П. Н. ФИЛОНОВ
КОРОВНИЦЫ.
1914.

ФОРМУЛА ВЕСНЫ.
1928—1929.

Евгений
ПОПОВ

ГРУСТНАЯ ФАНТАЗИЯ НА ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

СВИНЫЕ шашлычки

Разные люди посещали уютный ресторанчик при станции Подделково Московской железной дороги, разные люди просиживали там минуты, часы и дни, разные, но хорошие.

И станция тоже была ой-ё-ёй какая красивая — прямо завитушечка. Имела станция начищенный, средних размеров колокол, медный, в который никогда не колотили, числились там старинные часы с жесткими стрелками и выпученными цифрами, а также дежурный в красной шапке — строгий и нелюдимый, а вот, напротив, станционный милиционер Яшка — синяя фуражка — был очень простой и общедоступной личностью: он даже иногда детям грецкие орехи рукояткой револьвера колотил.

И канал Москва — Волга настолько близко к станции подходил, что летом видна была палуба теплохода, полная веселых оптимистов, и пустое верхнее пространство проходящей баржи, где трепыхалось по ветру матросское белье и босоногие фигуры, устроившись в штабелях колотых дров, исполняли на полуаккордеонах популярные песни и танцы — чаще всего «Я никогда не бывал», ту самую, что поет азербайджанский сын, оперный и эстрадный певец Муслим Магомаев.

И электрички — вжик-вжик — серые длинные крысы, серые тени на серый заасфальтированный перрон лепят; пс-пс-ы резиновые двери и ту-ту-ту — бу-бу-бу-ву-ву — покатили на Москву.

Да, да. Именно на Москву и ни в какую другую сторону, потому что была эта станция для электричек конечная, так что если кто и хотел ехать еще дальше от Москвы, то обязан был сесть в простой поезд с проводником, кипятком, паровозом, трубой и дымом, и народ действительно садился — все больше с фибровыми чемоданчиками да котомками и отправлялся неизвестно куда — не то к Питеру поближе, не то к Воркуте: северная в общем-то оказывалась дорога, а не в теплые страны.

Вот так. А район-то, который к станции прилегал, сам по себе корнями уходил в дикую древность, когда татары были сильнее русских; и от них строили крепости с монастырями, валами, рвами и крепкими воротами. Строили как крепости, понятно, напрасно, но польза вышла через несколько веков в виде памятника древней культуры «Крепость-монастырь Подделково охраняется государством» и расовой принадлежности жителей Подделкинского района, в которых, как в капле, частично отражался спорный тезис некоторых товарищей, что русских в России больше не осталось, и мы все метисы, а кто называет себя русским и утверждает, что его родила русская женщина, так тот нахально врет или заблуждается, хорошо не продумав существо вопроса или вовсе не обращая на него внимания.

Ясно, что район, имеющий в центре и повсеместно сумму памятников старины русской, не может быть так уж сильно развитым в промышленном отношении, но наш район брал своей ученостью: кроме научно-исследовательских институтов в подвалах церквей, где копались архивариусы, окончившие Московский историко-архивный институт, здесь функционировала крупнейшая атомная станция для мирных целей, которая заменяла торф, уголь, бензин, соляр и дрова, а требовала только воду, графит и немножко урана 235. А макробиологическая станция с морскими свинками, дельфинами, черепахами и собачками настолько была известна всему миру, что часто улицы древнего, а оттого и несколько скучного городка, оживлялись иностранцами — совсем похожими на нас людьми, но ничего не понимающими по-русски.

Техникумы, ФЗУ, институты, ШРМ — об этом и говорить не приходится. И так ясно, что куча их у нас. Упомяну только, перед тем как перейти к основным событиям моей грустной истории, еще об одной достопримечательности района — психоневрологической лечебнице полузакрытого типа на 1200 мест. Она тоже прогремела на весь Союз именно потому, что там применяли новые лекарства, новые методы лечения и общежития больных, и еще — воздух, неповторимый по акцессорным химическим элементам подмосковный воздух, лес и близость спокойной воды мигом выпрямляли слишком искривленные мозги людей, страдающих, увы, очень распространенным в наше умное время недугом.

А из методов — вот, например, последнее, что там придумали ученые врачи,— ОСБ или Общественный Совет Больных.

И больные от этого так обрадовались, что сразу же затеяли выпуск стенной газеты в двух экземплярах под названием «За здоровый ум», где осторожно, но смело критиковали отдельные грубые действия отдельных санитаров, а после выпуска газеты пошли еще дальше — сами, весело, с песнями заново отремонтировали всю больницу и покрасили ее в лазурный, глаз радующий цвет, так что психоневрологическая лечебница стала одним из приметных красивейших зданий станции, но ведь не это важно, важно, что труд многих постоянных обитателей больницы вылечил совсем, вчистую, так что их даже стало немногим меньше, чем тысяча двести, и имелись свободные койки; да и на оставшихся труд наложил особую печать мудрости и спокойствия, что позволило им легко переносить свое ненормальное состояние. Вот какое целебное действие оказалось у лечения Общественным Советом и трудом!

Сам видишь, друг и недруг читатель, какое обилие тем и сюжетов предлагает начинающему литератору станция Подделково и прилегающий к ней район. Но не буду я писать ни о волшебном действии атома, ни о морских свиньях, ни о старине, ни о сумасшедших. Мне бы чего-нибудь попроще, как в песне поется, читатель! Ведь еще до сих пор не перевелись, к сожалению, грустные случаи, которые рождают грустные истории, подобные нижеописанной, а когда они все переведутся, то я и про это напишу, и про архивариусов, и про веселых студентов. Поэтому не сердись, а прочитай, как послушай, мою грустную фантазию на гастрономические темы. Про ресторанчик при станции Подделково под названием «Подделково», про драматические события, происходившие в его стенах и в зале районного суда, в зале с выездной сессией, прокурором, тремя корреспондентами различных газет и массой взволнованной публики.

А ресторанчик этот непосредственно на железнодорожном вокзале и помещался. Нужно было толкнуть тугую вокзальную дверь и пройти через комнату с желтыми деревянными скамейками, где полуспали путешественники, где, кроме всего прочего, висел телефон-автомат, из которого можно было за 15 коп. позвонить прямо в центр, в Москву — сердце России. А потом нужно было открыть еще одну дверь, стеклянную, со швейцаром и пройти за стол и сесть и нюхать запах того кушанья, отведать которого все сюда и приходили,— блюда «Свиные шашлычки» — гордости и изобретения ресторана, или, если быть точным и объективным, директора его — незаменимого и талантливого Олега Александровича Свидерского, о котором я все расскажу, но немного позже, потому что нужно сначала рассказать про шашлычки, из-за них ведь весь сыр-бор загорелся.

Среди множества основных достоинств шашлычков резко выделялись главные: относительно умеренная цена порции и незабываемый вкус. Ну вот вы сами посудите, чудаки, где ж еще поблизости от Москвы вам выдадут на шестьдесят четыре копейки столько соблазнительных по виду и запаху натуральных кусков мяса, да еще и политых острейшим оранжевым соусом, да еще и с лучком, да еще иногда и с лимончиком! Эх! При простом перенесении на бумагу воспоминаний об испытанных вкусовых ощущениях рот пишущего эти строки наполняется высококачественной густой слюной.

— Главное здесь то, что порция приличная, ой приличная — прямо на удивление,— нервно говорили понимающие люди, говорили, влажным глазом контролируя правильность сгружения официанткой Нелли стальных тарелочек да со стального подносика, да на нарядный стол, разукрашенный пивными бутылками и прибором СГП — соль, горчица, перец.

А нервными понимающие лица стали не от объективных причин, а от того, что пили казенную, а не ресторанную водку, ибо, как известно, ресторанная водка в ресторане необычно дорога. К тому же, если представитель администрации в лице официанта заметит подмену ресторанных интересов казенными, то немедленно, хотя и незримо, потребует оплаты за нейтралитет в сумме полтинника или целкового.

Ах, что там водка! Это грустно. Я лучше еще про шашлычки: источали они тонкий земной мясной дух, хрустели и таяли на зубах и языке едоков, были они совершенным воплощением приготовленного свиного мяса. И не зря ведь и не раз захмелевшие почитатели свиных шашлычков вызывали аплодисментами директора и чудесного изобретателя Свидерского раскланяться, поговорить и выпить с трудовым народом, проводящим свой досуг в ресторанчике и тем самым на практике решившим острую проблему свободного времени, не раз, но никогда выполнить это не удавалось, потому что жил Свидерский своей работой где-то в глубине ресторана, за котлами, плитами, кастрюлями, автоклавами, сундуками, в кабинете, среди шуршащих счетов, накладных, фактур, среди почетных грамот, сейфов и красного вымпела, говорящего о первом месте.

Всех видели — официанток Нелли, Римму, Шуру, Таню и Наташу, буфетчицу Эсфирь Ивановну, сменных швейцаров — друзей Кемпендяева и Козлова, даже поваров иной раз видели, а вот директора — никогда.

Ну и ладно.

И знали посетители: тихо, хорошо, деловито и прохладно в заведении, а вот какая напасть мучает слаженный, дружный, сработавшийся с точностью часового механизма коллектив — никто этого не видел, никто об этом не знал. Какое — «знали»... Никто об этом и не догадывался даже.

А суть напасти была в том, что ресторанные возчики всегда попадались «Подделкову» как на подбор: отборные пьянчужки, матерщинники, ворюги, бабники — кто во что горазд, а в общем — отборные дряннейшие образцы человеческой породы.

Поведение последнего из них, некоего Ордасова, повторяло и дополняло поведение его десяти предшественников: лошадь его зазеленела и качалась от голоду и от побоев. На кухню забежит Ордасов, сразу нужно схватить ему первый попавшийся шампур с шашлыком, пива требует одну бутылку, вторую, третью, а если выйдет на двор по нужде или по делу судомойка или другая какая женщина, так обязательно начнет Ордасов хватать ее за места и делать ясные предложения, в которых фигурирует чердак ресторанной конюшни и сено, которое там хранится, и мягкость этого сена. А если по каким-либо причи-

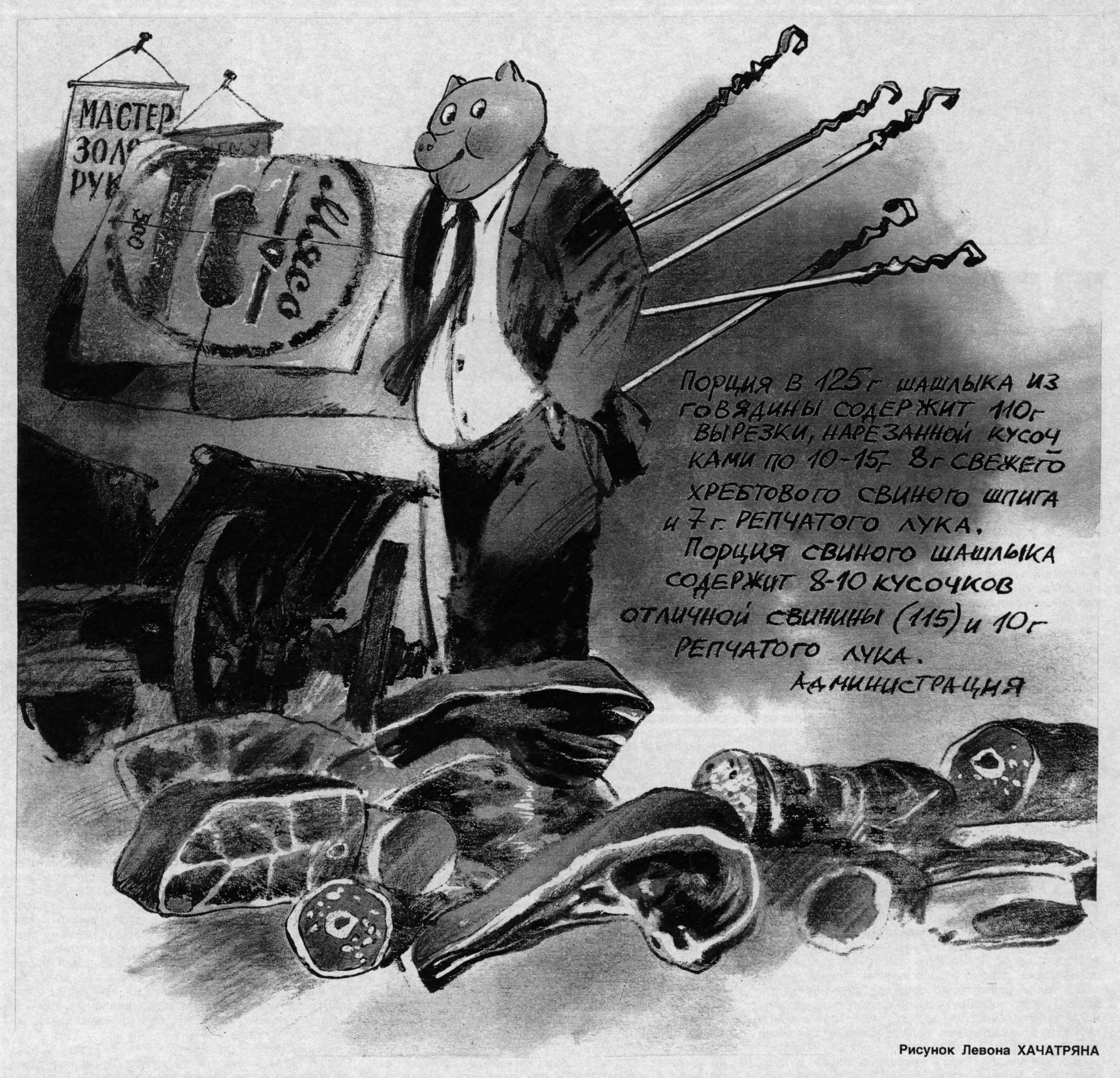

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

нам соблазнительные дела ему не удаются, то Ордасов немедленно пускает в ход мат и обидные прозвища — в частности, он придумал унизительное в наших условиях слово «ложкомойка» по отношению к трудящейся женщине.

Хотя, может, это кой-кому и не понравится, но коллектив явно вздохнул с облегчением, узнав, что возчик Ордасов продал, наконец, кому-то на сторону куб сливочного масла, а деньги пропил, за что и был взят под стражу работниками ОБХСС, на допросе рыдал, во всем признавался и вскоре отправился куда положено.

И вот в ясное погожее утро, когда пробуждается природа, когда только защебечут птички, когда роса все еще увлажняет асфальт, когда в ресторане уже начинали суповую закладку, а соусник Витя уже застегивал желтые пуговицы своего белого халата, когда все только начинается, все отметили внезапное появление во дворе неизвестного молодого человека, неизвестной, высокой и печальной наружности. Одет он был странно, но не очень: техасские штаны московского производства, добрые туристские ботинки за шесть рублей и серая лавсановая рубаха, правый рукав которой был расстегнут.

Все удивились появлению печального незнакомца, а молодой человек, покопавшись в штанах, вынул кнут, подошел, постучал кнутовищем в окошко и сказал:

— Аггы? — Угу!

Все замерли, видя необычное поведение, слыша странные слова, а молодой человек покружил еще по двору, потом пинком доброго ботинка растворил тяжелую дверь конюшни, вывел лошадь Рогнеду, выкатил телегу на две оси, и в мгновение ока — хомут уж на вые, телега за Рогнедой — в общем, ходовая часть ресторана на ходу.

— Это возчик новый,— крикнул соусник, и все сотрудники высыпали во двор.

И зеленела трава, зажелтели уж одуванчики, и даже рогнедин навоз весьма видимо выпускал теплый пар, а новый возчик уже знакомился с новыми товарищами по работе.

— Я Аникусця, и я буду у вас восцык, на лосцадке буду во-о-сцыцек, на лосцадке буду — тпр-р — но. Аггы?

— Угу,— отвечали растроганные.

А потом новый возчик сделал вот что.

Опустил ворот рубахи на правое плечо так, что расстегнутый рукав полностью закрыл его правый кулак, затопотал на месте и запел:

— Паровоз путь идет, не путяди куда дёт!

И крикнул:

— Бабы! Мято, мято!

— Убогонький он, вот что, убогонький он у нас,— так поняли жалостливые официантки эту сцену.

— Ну что, Аникуша, работать пора,— раздался ласковый и вместе с тем строгий голос.

И все взвихрилось, и все засуетилось, и все побежали к котлам и автоклавам, к кастрюлям, шампурам и сковородкам, картофелечисткам, теркам, сифонам, соусникам, мясорубкам, дуршлагам, потому что Свидерский Олег Александрович, сам товарищ директор вышел на железобетонное заднее крыльцо ресторана.

И подошел, четко ступая, к Аникуше, и сказал ему следующие слова:

— Аникуша! Работай хорошо и не воруй, и ты будешь жить хорошо.

Так сказал Свидерский, и Аникуша опустил голову, загрустил, но через секунду обрадовался, накидал полную телегу пустых ящиков и торжественно выехал через зеленые ворота работать.

Вот когда ресторан достиг, наконец, настоящего расцвета, когда боевая обойма коллектива была укомплектована качественным новым патроном с хорошим капсюлем и достаточным количеством пороха, с боевой, хотя и маленькой, свинцовой головкой.

И даже шашлычки стали еще вкуснее, еще совершенней, и неуклонно ширился круг их любителей, и за короткое время в ресторане станции Подделково перебывало множество народу.

Были физики с атомной станции. Строгие, в очках, в нейлоновых рубашках с короткими галстучками, и по сути очень простые ребята: анекдоты рассказывали, а один из них, наверное, молодой, да ранний, спел довольно сомнительную песню, хотя глаза его оказались чудесными и оказывали явное доверие нашим идеалам, просто молодой был паренек, не устоялся еще... Ели и хвалили...

Были макробиологи, и от них почему-то нисколько не воняло животными, а ведь разнообразные черепашки имели с учеными непосредственные связи, и были ими чрезвычайно любимы. Хорошие люди, но какие-то больно мягкие, ласковые, все точно как дама из ихней же компании, которая сказала такие слова:

— Это надо же. Нет, вы представьте себе. Товарищи! Витя, Алик — это же надо — в такой глуши, за восемьдесят километров от Москвы и такая кухня, такой сервис! Вы знаете, что я русская, но я приехала в Москву из Баку и там ела шашлыки. Так вот, я вспоминаю свою солнечную родину и, кажется, готова заплакать и раскрыться, как лилия под дождем.

И друзья ее — Витя, Алик с лысой башкой, Эммочка и Эммануил — чокнулись со звоном казенной московской и ели, и хвалили.

Были и заезжие студенты из Москвы, представители нового поколения отцов и детей. Зашли, отведали, ахнули, ели и хвалили, а сами настроили электрогитары, а сами были уже без бород, но уже с длинными волосами и в расклешенных брюках, и в японских свитерах. Ну, а когда они слаженно заиграли биг бит, все тогда знали, что ни за что за это их осуждать не надо и что не только штанами и прической определяются качества человека, как об этом писал когда-то поэт Евтушенко. И что джаз тоже очень хорошая вещь. Ибо он не вредный, а и классическую музыку мы тоже знаем и уважаем, но в определенном применении к модерну, нет, нет, вы не подумайте, что категории наизнанку, нет, вовсе не так, ведь мы живем в эпоху новизны, в период физматов и ф.м.ш., во время физиков, которые все понимают и ироничные. Вот как примерно играли заезжие студенты, как потом выяснилось, студенты-геологи, и народу на их игру набежало видимо-невидимо, и все ели, и хвалили.

И даже председатель ОСБ больной Лысов, изобретатель вечного двигателя, отпущенный как-то теплым летним вечером врачом, ему сочувствующим, на свободную прогулку, забежал в ресторанчик и в углу, за столиком, где слева зеркало, а справа копия с картины Сурикова «Боярыня Морозова», беседовал с незнакомым физиком о прошлом и будущем своего изобретения. Был сам Лысов невысок и с залысинами и с усталым лицом глупого человека. Он в психбольницу не сразу попал, а через полушубок. Он полушубок украл на базаре. Он бы до самой смерти своей двигатель разрабатывал и выводил философское доказательство его существования, потому что жизнь вокруг он и раньше понимал как уже действующий вечный двигатель. И не знал только, двигатель какой у такого вечного двигателя. И он делал свою модель после работы, мастер, надо сказать, хороший был Лысов, но он потом спер полушубок на базаре и получил несколько месяцев, а там уж он стал кричать и нести всякую чушь, в частности и про двигатель всем рассказал, администрации, и его тогда направили на принудительное лечение, простив ему полушубок, и тут Лысов и сделал карьеру, венцом которой был почетный и приятный пост председателя Общественного Совета Больных.

Крепко поспорили сумасшедший и физик, и говорит физик больному Лысову:

— Слушай, старик, ты же умный человек, старик, ты же знаешь, что идея вечного двигателя бессмысленна и на ней ошибались лучшие умы, ты же где-то не можешь не понимать своей малости перед лицом мировой науки.

Заплакал председатель Лысов, обнялся с физиком и признался наконец во всем, в том, что двигатель он хоть и построит, это точно, но сам в его длительное существование и работу не верит по одной простой причине — потому что детали и приводные ремни изотрутся, и нужно будет ставить новые, и, следовательно, двигатель хотя и заработает, но уже не будет вечным. Говорили они, плакали от жестокости и суровости науки, но ели и хвалили.

А возчик Аникуша сидел во время этого расцвета на кухне и, раздвинув глубокомысленно рот, объяснял любопытным, как он любит сильно кошек, собак, рыбок, птичек, а также цветочки и траву. В свободное от работы время носился по предприятию — прыгал, скакал, блеял, причем забегал в самые заповедные уголки — кладовую, холодильник, да что холодильник: он в святую святых забегал, в директорский кабинет, и тоже там прыгал и скакал, даже если Свидерский был с посетителями, и, странно, не очень-то сердился Олег Александрович на богом обиженного своего сотрудника, хвалил его, ласкал. Вот ведь как один маленький человек может помочь понять обществу другого, большого. Все вдруг увидели, что очень добрый, немолодой и усталый человек — директор ресторана Олег Александрович Свидерский, много повидавший в жизни, где-то в чем-то пострадавший от нее, вот почему ставший мудрым и нелюдимым и все-таки остающийся своим, родным и талантливым.

А усерден был Аникуша не в пример прежним возчикам: работал с утра до полуночи, даже на ночь иногда умещался у себя в конюшне и не баловался, не пил, не крал, в карты не играл, не сыпал на раскаленную плиту перец, не жмался по углам, так что даже странно было видеть такое хорошее поведение у обыкновенного дурачка.

И еще. Замечали некоторые, что иногда исходит от Аникуши странное сияние. Не такое, как, скажем, от угодников,— постоянное и от головы. Нет, прерывистое, напротив. И не от головы вовсе, а от пупка. Р-раз и мелькнет. Да-да. Прерывистое такое и откуда-то снизу, ну от пупка, что ли. Но на это явление внимания не обращали: мало ли что непонятного может происходить с блаженным человеком, да и мало ли что привидится, если простоять целый день у раскаленной плиты, да повертеть свиные шашлычки проклятые на шампурах, да посуды гору перемыть, тяжелая работа по обслуживанию, что ни говори, и мало ли что может почудиться усталому человеку.

Но как же изумились все, когда все кончилось и объяснилось очень даже просто.

Приехала милиция. Запечатала ресторан, и Свидерский, бедный, бледный, белый, окинул прощальным взглядом детище свое и шагнул в беспросветную темь «черного ворона», где уже дожидался его некто с пистолетом на боку. И повез воронок директора по засыпающим улочкам прямо в изолятор, где побрили его, облачили его и разоблачили его, гражданина Свидерского 1915 года рождения, русского, не имеющего, нет, не участвовавшего, привлекавшегося, разоблачили в ужасном и омерзительном преступлении. Невозможно, никто не поверит, но говорят, что известные всей округе шашлычки были и не свиные вовсе, а из обыкновенной собачатины. Жучки, тобики, пальмы, рексы, джеки, тайфуны, белки — всех якобы взял Свидерский Олег Александрович, всех якобы переработал в мясной концентрат.

Нет. Ты это можешь представить себе, дорогой читатель, маразм сей и мерзость сию, чтоб на таком большом году существования Советской власти этот сукин сын, этот седоватый подлец в компании с подобными себе гнусными, омерзительными личностями, окопавшимися в милом подмосковном ресторанчике с тобиков шкурки снимал, и мясо — ё-моё — собачатину, пакость в разделку пускал, негодяй? Чертовщина, морок, вранье, бред собачий...

И еще стыд один, что гурманы-то наши, любители вкусных ощущений, в заблуждение были введены. «Шашлычки, шашлычки», а коснись что, так они и кошек, наверное, за милую душу бы слопали, только подавай. Тоже ценители — свинью от пса отличить не могут.

Хотел было я в утешение обманутой публике поведать историю, которую мне одна бабушка на базаре в городе К. рассказала, о себе, как она собачьим салом щенка Кутьки за зиму от харкотинки-чахотинки пять человек избавила, и что вообще от туберкулеза собачьим салом лечат, но когда увидел на суде, какие у свидетелей-мордоворотов морды, то от такой идеи сразу и начисто отказался, опасаясь насмешек, а может быть, и побоев от таких сильных людей, которые взросли на собачьих шашлычках и ничего не боятся.

И Аникуша тоже исчез. Сначала думали, что он правая рука был у главного шашлычника, а потом поняли — он Свидерского за руку поймал и глотку ему стальной милицейской лапой зажал. Конечно же, он оказался старшим лейтенантом милиции Взглядовым. Поймал, изобличил и сфотографировал даже отдельные темные дела на микропленку с микровспышкой. Вот откуда сияние-то шло, таинственное, эх, вы, охламоны-жулики, куриная слепота.

Был, конечно, громовой процесс в старом здании суда, на старой улице, со старым прокурором во главе. Сбежалось пол-Подделкова, и также иногородние приехали, любители шашлыков.

Каялся Свидерский и плакал сучьими слезами, но и тени сочувствия не появилось в глазах публики. Кто-то требовал для него высшей меры наказания — расстрела, и хотя ясно было с самого начала, что под вышку человек за собачек никогда не пойдет, всем очень нравилась эта идея.

И даже адвокат и тот зачем-то все время заостренной спичкой в зубах ковырял. И что хотел он этим сказать — неизвестно, но можно догадаться, если хорошенько подумать: защищаю я тебя, Свидерский, усердно, но потому лишь, что это моя работа, такова моя грустная должность на нашей земле — защищать такого подонка от заслуженной кары.

И получил Свидерский и ни много и ни мало: как раз столько, сколько полагается по нашим законам, и сгинул злостный изобретатель под всеобщий шум, и великие семена смуты и скепсиса посеял он в беззаботных сердцах безобидных гастрономов.

А ресторан, между делом, давно распечатали и обновили крепкими работниками. Появился официант Боря, 45-го года рождения, белобилетник, любивший рассказывать посетителям, как он три года подряд поступал в Московский геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе, новый экспедитор, новый кассир, новый возчик, ну, и без нового директора, конечно, не обошлись, по фамилии Зворыкин. Не в пример прежнему был весел, шумлив, любил, распустив вислое брюхо, присаживаться к посетителям, почтенным гостям и потчевать их историями из собственной, зворыкинской жизни.

Но вот шашлычки при нем, ну совершенно в упадок пришли. Стали они слишком серые, слишком бурые, слишком тусклые, и гораздо меньше стали, как будто съежились от позора за внешний вид. И не хотелось их даже и в рот-то брать, а спрашивается, куда деваться? — приучил Свидерский так народ, что он без шашлыка и дня прожить не мог.

А нового директора вскоре тоже замели, что звучит очень странно, особенно если учесть, что бомба два раза в одно и то же место никогда не падает. Случайно выяснилось, что с каждой порции он имел 4 грамма мяса себе в карман и из этих граммов составил себе состояние в много тысяч. Правда, при обыске их нашли всего две, но не исключена возможность, что он остальные тысячи тоже где-нибудь пристроил: может, просто взял да и закопал в саду под яблонькой, а вернется поздоровевший от физической работы, крепкий, и скажет, что я, дескать, пойду червячков для рыбалки накопаю, и выкопает, и заживет в уединении, спасая душу размышлениями о несовершенствах человеческого характера — жадности и глупости. Тоже гусь хороший!

И вот наступило новое лето. 1967 год. Сирень городок затопила. Цветение сирени, море — крыши только и торчат, а люди, подобно неведомым морским личностям, шныряют в тинной прохладе улиц.

Окна распахнуты настежь в ресторанчике «Подделково» при станции Подделково Московской железной дороги, распахнуты и затянуты марлей от мух.

Вентиляторы жужжат, сидят люди, вентиляторы жужжат, и под это жужжание люди уже который месяц разбираются, который из двух директоров хуже был. За Свидерского обычно заступался сцепщик Михеев, который стал частым посетителем ресторанчика после того, как получил в соцстрахе хорошие деньги за сломанную на работе ногу. Вот и сейчас его голос вырвался из вентиляционного шума и перекрыл ресторанный гуд:

— Я считаю, что Свидерский хоть и сучара был, язва, прости господи, собаковод, но кормил он прилично — и много было, и вкусное, а тебе не все равно, кто пес, а кто свинья?

— Зворыкин тоже гад, вор, прямо сказать надо, так ведь он давал настоящее мясо, хоть и мало.

— А, много ты знаешь...

— Да уж...

И неизвестно, чем бы в конце концов закончился этот нелепый спор, но тут как раз вентиляторы жужжание свое прекратили, потому просто, что их выключили для небольшой экономии электроэнергии ввиду понизившейся температуры в зале, и из динамика грянули звуки новой, только входившей в моду песни, которую исполняли под аккомпанемент различных электровеселых инструментов молодые люди-67, в расклешенных брюках и в пиджаках без воротников, звуков песни, которая, по образному выражению радиодиктора, стала гвоздем сезона, символом-1 нашего яркого лета, лета молодых, лета-67:

— *Возвращайся. Я без тебя столько дней!*

— *Возвращайся. Трудно мне без любви твоей.*

И т. д. Про сирокко. В общем, знаете вы эту песню, конечно. И, окажись вы чудом в тот момент в ресторанчике станции Подделково, вы немедленно бы стали подпевать невидимым радиопевцам, как это сделали все спорщики, немедленно позабыв о преступных директорах, двух негодяях-67, а может, к ним только и обращаясь. Все пели серьезно, вытянув шеи и втянув животы, самозабвенно пели, не жуя и не занимаясь, кроме пения, никакими другими делами, и на этом мы грустно прощаемся с развеселым рестораном и удаляемся от него, чтоб рассмотреть удивительные дела, которые творятся в других уголках нашей Родины, а то вот, говорят, в Якутии, на Севере тоже удивительная история приключилась: упал человек, кочегар с пивзавода, в пивной чан, да и пролежал там без малого месяц, пока его не заметили, а как узнало об этом население, так целый месяц не только пиво, но и водку не пило, опасаясь встретить там умершего в растворенном виде и тем самым оказаться причастным к людоедству. Ну разве не удивительно?

Надо бы написать и об этом, да боюсь, трудно будет напечататься.

СОФЬЯ РАДЕК

О СВОЕМ ОТЦЕ И О СЕБЕ

...Но сегодня Соня Радек,
Таша Смилга снятся мне.
Александр Межиров

-Однажды начальник спецчасти лагеря «Минлаг» в гор. Инта мне сказал: «Я читал ваше дело — там ничего нет, кроме того, что вы дочь своих родителей. Пишите!» Будучи человеком здравомыслящим, я твердо знала, что никакие мои писания не помогут. Но раз просят — напишу. И я написала так: «Я, конечно, очень виновата, что выбрала так неудачно себе родителей, в следующий раз я отнесусь к этому вопросу более ответственно».

Ну, а теперь, чтобы получить полагающиеся мне деньги в размере двухмесячного оклада отца, я почему-то должна доказывать, что я все-таки дочь своих родителей. А поскольку не сохранилась и у меня, и в архивах загса моя метрика, я должна привести в суд двух свидетелей, которые сказали бы, что я это я, а не Иисус Христос. С меня требуют метрику, которую я уже сто лет в глаза не видела, ибо долгие годы была на гособеспечении. До бумаг ли мне было там? За меня знали не только кто я, когда родилась, но и в каких «заговорах» против Советской власти и лично товарища Сталина я участвовала. Поэтому мне остается признаться, что я самозванка, из чисто познавательных побуждений я отправилась в восемнадцатилетнем возрасте в ссылку, где и пробыла 13 лет, а в промежутке между ссылками отхватила еще десять лет лагерей.

...Характер у Софьи Карловны Радек нелегкий. Завязан круто, жестко, своенравно. Такого в жизни навидалась, вытерпела, что на мякине ее не проведешь. В первый наш разговор весной этого года она и по перестройке «пальнула». Правда, к тому времени еще не был реабилитирован ее отец Карл Радек, и она имела к перестройке личные претензии. А после недавнего сообщения о реабилитации, при всей радости от свершившегося, говорит: «Да, конечно, но ведь это надо было сделать тридцать лет назад». А тут еще эта история с компенсацией. Положено так положено. Зачем унижать уже униженных и оскорбленных? Посыпа́ть соль на их раны.

От политических речей ей скучно. «Хватит,— говорит,— отец с матерью предостаточно политикой назанимались».

Предпочитает лирику. Много стихов знает наизусть. Запомнила еще с лагеря. Переписанная ее рукой книжечка стихов Агнивцева навечно пригвоздила эпоху к позорному столбу «безвинным» штампиком: «Проверено цензурой». А иначе отобрали бы при освобождении.

Показывает сочинения отца, его фотографии, газетные вырезки. Еще не так давно и этого ничего не было. Ведь все, что связано с именем ее отца, Карла Радека, «заговорщика, шпиона всех разведок, наймита всех империалистов» и прочая, и прочая, и прочая, уничтожалось, преследовалось. Добрые, и, надо сказать, не без смелости люди что-то сумели уберечь от утраты. Два тома сочинений Карла Радека «Портреты и памфлеты» подарила ей жена Горького Екатерина Пешкова, замечательный портрет отца работы Юрия Анненкова преподнесла Ирина Анатольевна Луначарская. «Низко кланяюсь ей, что сохранила такую «крамолу»,— говорит моя собеседница.

А вот книги о Радеке и издания его трудов в разных странах, вышедшие в последние годы. Да, было так: у нас полный мрак и запрет, в других странах — человек-легенда. В книжке, изданной в ФРГ, говорится, что за голову Радека в свое время в Германии обещали огромную сумму. Значит, стоил того, просто так суммы не выплачивают. В Англии напечатали книжку под названием «Последний интернационалист».

...Живет Софья Радек в маленькой квартирке на самой окраине Москвы на Зеленоградской улице. У Межирова в стихах сказано: «В крупноблочных и панельных разместили вас домах». Но не жалуется: «Рядом электрички? Ну и фиг с ними. Зато малина прямо перед окном».

Диван, стол, стул, кухня-пятиметровка заставлена вареньями, соленьями. Несколько полочек с книгами, «Новый мир», «Знамя». В комнате ничего лишнего, тем более драгоценного. Простите, почти нищета. Невесть какими путями (оказалось, подарок) залетела сюда толстенная в кожаном переплете с тиснением на корешке знаменитая старин-

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Карл Бернгардович Радек — видная фигура российского и международного рабочего движения, государственный деятель, известный публицист.

Родился в 1885 году во Львове. 14-летним юношей стал активным деятелем социал-демократии Галиции. С 1902 года К. Б. Радек — член Польской социал-демократической партии. В РСДРП вступил в 1903 году.

Активный участник первой русской революции. В 1907 году арестован и выслан за границу.

После Октября 1917 года Радек приехал в Петроград. Как член коллегии Наркоминдел РСФСР участвует в мирных советско-германских переговорах в Бресте. Выступал против заключения мира с Германией, занимал в этом вопросе, по выражению В. И. Ленина, «левокоммунистическую» позицию, с которой он, Ленин, был принципиально не согласен. Ленин многие годы близко знал Радека, очень ценил его публицистический талант, переписывался и общался с ним, часто и порой беспощадно критикуя его по многим принципиальным вопросам стратегии и тактики партийной политики, международного рабочего движения.

В феврале 1918 года К. Радек вошел в состав Ревкома по защите Петрограда. В 1918 году принял активное участие в организации Первого съезда Коммунистической партии и в революционных событиях в Германии, где 15 февраля 1919 года был арестован немецкими властями. Лишь в декабре того же года он вернулся в РСФСР.

В 1919—1924 годах К. Б. Радек являлся членом ЦК РКП(б), членом Президиума Исполкома Коминтерна, секретарем ИККИ.

В 1923 году Радек поддержал Троцкого, который в то время активизировал свои действия внутри партии: «...Вопрос о Троцком не личный вопрос, и поэтому я этот вопрос выдвигаю, хотя меня в прошлом ничто не связывало с Троцким». Активная поддержка им Троцкого и его позиции имела место до 1929 года. Он обладал огромной эрудицией, острым умом и темпераментом, и его участие в идейно-теоретической борьбе того времени было заметным явлением. Не раз он выступал с резкой критикой политики большинства Центрального Комитета, сталинского руководства и по вопросам внутренней и по вопросам внешней политики. XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 года) исключил Радека из рядов ВКП(б) в числе 75 активных деятелей так называемой троцкистско-зиновьевской внутрипартийной оппозиции. Летом 1929 года в письме в ЦК партии К. Б. Радек заявил о своем разрыве с троцкизмом. После этого он был восстановлен в правах члена ВКП(б).

Ряд лет К. Б. Радек являлся членом редколлегии газеты «Известия». Он автор ряда интереснейших работ по истории международного коммунистического и рабочего движения, тактике и стратегии революционной борьбы.

Радек был делегатом ряда партийных съездов. В 1935 году К. Б. Радек вошел в состав Конституционной комиссии ЦИК СССР.

Однако неожиданно в 1936 году Радека арестовали.

20 января 1937 года в газете «Правда» было сообщено об окончании следствия по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Среди главных обвиняемых были названы Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков — крупнейшие хозяйственники, политические деятели. 30 января Военной коллегией Верховного суда СССР К. Б. Радек был приговорен (вместе с Сокольниковым) к заключению в тюрьме сроком на 10 лет.

При рассмотрении содержания этого дела в июне 1988 года Пленум Верховного суда СССР установил, что обвинения, выдвинутые против Радека и его сопроцессников, были необоснованными и материалы дела сфабрикованы. Не было как такового и «параллельного антисоветского троцкистского центра». Пленум Верховного суда СССР отменил приговор, и дело в отношении Карла Бернгардовича Радека прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления.

И. ДОНКОВ,
кандидат исторических наук.

ная поваренная книга Елены Молоховец. «Форель в сметане... Рябчики запеченные...— уже даже не смешно»,— ворчит Софья Карловна.

— В доме на набережной больше не бываете?

— Нет, а что я там потеряла? Впрочем, потеряла много. Но имущество наше мне ведь не вернут. Все развеяно по свету. Управляющий домом оказался мародером, конфискованное он присваивал себе. Приговорили его к высшей мере за это, но началась война, и он попал в штрафбат. Может, и сейчас жив.

А обеспеченность, богатство меня не волнуют. Я привыкла к нищете и прекрасно с ней обхожусь. К роскоши меня не приучили. Единственное огорчение — не хватает денег на книги, люблю читать.

— Сталина вы видели, общались с ним?

— Нет, не приходилось, хотя жили мы до ареста отца в Кремле, по соседству. С сыном его Васькой училась в школе. Однажды даже тумаков ему надавала, девчонка я была драчливая. Отец мне говорил: «Сонька, не давай спуску никому, бей первая. Не жди, когда тебя ударят». Как-то позже Василий припомнил об этом смеясь. Но ничего, обошлось.

— Вы видели, как арестовывали отца?

— Я была в Сочи, когда отец вызвал меня телеграммой, чувствуя, что его вот-вот возьмут. Звоню ему: «Что случилось, что с мамой?» «Нет, ничего не случилось. Но срочно приезжай».

В момент ареста отца меня не было дома. И он заявил арестовывавшим, что не уйдет из квартиры, пока не простится с дочерью. Ну хоть стреляйте. И они ждали моего возвращения. Вернулась я поздно ночью, терпение непрошеных гостей уже, по-видимому, иссякало, и отца выводили. На прощание он успел мне сказать: «Что бы ты ни узнала, что бы ты ни услышала обо мне, знай, я ни в чем не виноват». Перед своим арестом отец собрал для меня деньги, пять тысяч, старыми, естественно, отдал моей тетке по матери, а она тут же отдала НКВД. Отца арестовали, жить не на что. Я говорю матери: давай продадим часть книг отца. А мать в ответ: «Ни в коем случае. Я не позволю, ведь библиотека уже конфискована, нельзя нарушать законы».

И ничего не продала. А сейчас хоть одну бы книжечку с экслибрисом, с пометой отца. Где они все? Вот в какие игры играли мы с товарищем Сталиным.

— И вы, конечно, верили в невиновность отца?

— Когда я прочла в газетах всю белиберду об отце и поняла, что если даже в мелочах допущена ложь, то все остальное — чушь несусветная. Господи, как много было тогда наивных людей! И как удалось этому тирану надуть миллионы и миллионы, не могу понять?!

— И отец ваш был наивным?

— Конечно! И товарищи его. Ведь они считали, что если при Ленине можно было открыто дискутировать, убеждать друг друга в чем-то, то так будет всегда. А так потом никогда уже не было.

Конечно, отец был наивным человеком. И он наивно надеялся, оговаривая себя, что спасает меня и маму. Как же он мог?

— В чем обвинили отца?

— Недавно мне дали прочесть стенограммы того процесса. Отца обвиняли чуть ли не в реставрации капитализма. Это кому, отцу-то моему была нужна реставрация капитализма, члену партии с 1903 года, выходцу из нищей семьи, мать была народной учительницей. Все равно беднота. Такой бред собачий я прочитала в этой стенограмме, такие неслыханные обвинения, в которых отец признал себя виновным, что если думать об этом, кажется, можно сойти с ума. Меня все-таки не оставляет мысль, что, кроме физических воздействий, на осужденных действовали методом запугивания. Мы, члены семей, были как бы заложниками палачей.

Вспоминаю такой эпизод — отец совершенно не пил. Один-единственный раз в жизни видела я его нетрезвым. Он пытался открыть свою комнату и никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Возился и приговаривал: «Хозяину никого не жаль, а вот мне дочку жаль». Сами понимаете, что «хозяин» — это Сталин. Этот эпизод я запомнила на всю жизнь. Да, все мы, члены семей, были заложниками, ибо то, что арестованные наговаривали на себя или на кого-то, было результатом угроз расправиться с близкими.

— Вам известны какие-либо подробности об отце после того, как его увели?

— После процесса матери дали свидание. Мать была человеком замкнутым и, придя с Лубянки, только сообщила: «Я ему сказала, как он мог говорить о себе такой ужас?» А он ответил: «Так было нужно».

Вот и все. Он спросил: «А Сонька не хотела прийти?» Мать ответила: «Нет, не хотела».

— Почему же вы не хотели идти на свидание с отцом?

— Было обидно, что близкий мне человек мог так чудовищно оговорить себя. Тогда я не могла ему этого простить. Только став взрослым человеком, сама пройдя все круги ада, я могу понять, что можно сделать с человеком в заключении.

— А сейчас вы прощаете отцу?

— Безусловно.

— А когда вы впервые почувствовали, что прощаете?

— А когда меня за шкирку взяли и выбросили из Москвы. После ссылки я, нарушив подписку о неприезде в Москву, приехала на несколько дней домой. Тут-то по доносу соседки меня и взяли. Моего наказания палачам показалось недостаточно, они меня упекли еще раз, и я отсидела семь лет из десяти.

Мне на роду написано сидеть по тюрьмам да лагерям, потому что я родилась 15 февраля 1919 года, и в этот день моего отца арестовали в Германии. Так что мне надо сетовать только на свою судьбу.

— В чем вы конкретно обвинялись во второй раз?

— Вы знаете прекрасные сталинские законы? Мой отец приложил к ним руку, так вот там был пункт, что дети за отцов не отвечают. А дети за отцов ответили, да еще как!

Якобы я кому-то заявила, что отомщу за родителей. Но как я могла отомстить за родителей? Как? Сейчас я думаю, что эту бешеную собаку, тирана усатого, нужно было кому-то пристрелить. Ведь все равно каждому, кто был с ним близок, грозила смерть.

Какие мужественные люди были, решительные. Ходили с оружием. Хотя бы Тухачевский. И никто не решился порешить эту гадину. Даже Орджоникидзе, с его горячей кровью. Вот как он сумел всех околдовать.

А вообще, я считаю, что умными и решительными были только Томский и Гамарник. Они покончили с собой, и их не заставили обливать себя и других помоями. Тем более, что многие из окружения Сталина понимали, что их ждет. Помню, когда в газетах сообщили об убийстве Кирова, отец был невменяемым, я его в таком состоянии никогда не видела, а мать произнесла вещие слова: «А вот теперь они расправятся со всеми, кто им не угоден». Так и случилось. Говорят иные, не Сталин виноват, а Берия, Ежов... Так не бывает, чтобы царь-батюшка был хорошим, а министры плохие.

— А как Карл Радек относился к Сталину?

— Что за вопрос, он его ненавидел. И презирал.

— А что вы скажете о его книге «Портреты и памфлеты»? Она произвела на меня тягостное впечатление. Читать ее сегодня горько и обидно. Талантливейший человек, публицист, умница Карл Радек, извините меня, талантливо воспевал сталинский социализм...

Из книги К. Радека «Портреты и памфлеты»...

Мы уверены, что народные массы всех стран, угнетаемые и терроризируемые маленькими кучками эксплуататоров, поймут, что в России насилие употребляется только во имя святых интересов освобождения народных масс, что они не только поймут нас, но пойдут нашим путем.

Огиз выпустил альбом «Ударники»... За ним последовали альбом «Страна должна знать своих героев», монтаж «Ударники полей» и 2—3 дюжины открыток с фотографиями ударников и ударниц.

Я просматривал с большим вниманием эти сборники, всматривался в лица ударников, когда зашел ко мне знакомый советский писатель, «почти коммунист». Он взял из моих рук альбом, посмотрел его и отложил в сторону.

— Что это — массовое производство стандартных героев? — спросил он.

— Да, массовое производство героев.— ответил я.— Да, СССР есть фирма массового производства героев...

Весь капиталистический мир был убежден, что борьба за коллективизацию кончится поражением большевиков. В этом был убежден кулак, в этом была убеждена городская мелкая буржуазия. На этом строили свои расчеты интервенты. Сталинский расчет на победу колхозов был точен, как геометрический чертеж... Сталинский расчет покоился на силе организации, которая направлена не против интересов десятков миллионов крестьян — бедняков и середняков... И сталинский расчет оказался верен во всех его частях. Опираясь на мощный рост индустрии, возросшую активность бедняцких масс деревни, партия, разгромив правых капитулянтов, возглавлявшихся Бухариным, Рыковым и Томским, пошла под руководством Сталина в прямую атаку на капиталистические элементы села широчайшим фронтом.

...Нельзя высчитать на счетах «преступлений» и благодеяний то, что пред-

ставляет собой Советская власть по той простой причине, что если считать капитализм злом, а стремление к социализму благом, то не может существовать злодеяний Советской власти. Это не значит, что при Советской власти не существует много злого и тяжелого. Не исчезла еще нищета, а то, что мы имеем, мы не всегда умеем правильно разделить. Приходится расстреливать людей, а это не может считать благом не только расстреливаемый, но и расстреливающие, которые считают это не благом, а только неизбежностью.

Многие говорят, что нельзя писать правды, ибо Главлит не пропустит. Попробуйте, товарищи!.. Так называемые советские писатели боятся не цензуры, а боятся самих себя. Они не умеют дать честной картины действительности, не понимая, что значит борьба кулака и бедноты в деревне, не зная средств преодоления опасностей бюрократизма, не видя великих творческих сил страны, новых пластов народа, поднятых революцией; они боятся, что дадут только темные картины, которых не пропустит цензура.

...Сегодня уже литература и искусство, созданные революцией, превосходят в десятки раз современную буржуазную литературу...

...Насилие служит делу создания новой жизни, более достойной человека.

Через десять лет удельный вес интеллигенции будет равен нулю. Начнет исчезать разница между умственным и физическим трудом. Новое крепкое поколение рабочих овладеет техникой, овладеет наукой. Оно, может быть, не так хорошо будет знать, как объяснился в любви Катулл коварной Лесбии, но зато оно будет хорошо знать, как бороться с природой, как строить человеческую жизнь.

Если дом Герцена не будет до этого снесен, как неподходящий сосед цепи небоскребов...

...Есенин умер, ибо ему не для чего было жить. Он вышел из деревни, потерял с ней связь, но не пустил никаких корней в городе. Нельзя пускать корни в асфальт. А он в городе не знал ничего другого, кроме асфальта и кабака. Он пел, как поет птица. Связи с обществом у него не было, он пел не для него. Он пел потому, что ему хотелось радовать себя, ловить самок. И когда, наконец, это ему надоело, он перестал петь.

Много писателей находится в положении Есенина... Не всякий решится на самоубийство, но это еще не означает, что он будет жить. Ибо жить — это значит творить, а теперь нельзя творить, не зная во имя чего и для чего.

...Попробуйте изолировать ребят от таких событий, как процесс вредителей. Среди детей, которых я знаю, помилование вредителей вызывало целую бурю негодования. Как же это: предали страну, хотели обречь на голод рабочих и крестьян и не были расстреляны?

— Софья Карловна, вам, наверное, это неприятно слышать, но согласитесь, что некоторые размышления Карла Бернгардовича просто чудовищны. В какие времена, в какую эпоху, в какой стране детей призывали к жестокости и поощряли вызывать бурю негодования, что человека не лишают жизни? Как все это объяснить? Задачами «момента», ослеплением, трусостью или, как вы выразились, тем, что Сталин всех околдовал?

— К сожалению, все, что вы говорите, справедливо. И цитаты из отцовской книги весьма характерны не только, по-видимому, для его пера, его взглядов и позиций, но и для многих литераторов того времени.

«Портреты и памфлеты» я не читала, когда они вышли. Не читала и сейчас читать не буду. Из-за этих статей я и с отцом ругалась. Я ведь говорила ему в глаза все, что я думаю.

— Кстати, Софья Карловна, книга «Портреты и памфлеты» посвящена «Памяти незабвенного друга Ларисы Михайловны Рейснер». Это не случайно?

— Да, они очень дружили. Может быть, между ними было и большое чувство. У меня к Ларисе Михайловне такая тоска сидит по сей день. Красивая она была женщина, а я люблю красивых женщин. Отец брал меня даже на свои свидания с Ларисой.

Уезжая в ссылку, я хотела взять с собой портрет Рейснер, висевший над столом отца, но мать твердо сказала: это оставь.

— Какова судьба вашей матери?

— Она умерла в лагере.

— Когда вы обратились за реабилитацией отца?

— Никогда не обращалась, считала, что это бесполезно, бессмысленно. Только недавно и написала. Году в 57-м, когда реабилитировали меня и мать, я была на приеме у Микояна.

Мне запомнилась почему-то сказанная им фраза: «Напрасно Карл не захотел жить». На это я ему ответила: «Анастас Иванович, а какой ценой?» И больше на эту тему разговора не было.

Я, кстати, несколько раз обращалась с просьбой сообщить о смерти отца. Мне ни разу не ответили. Во всех биографиях, опубликованных, к примеру, в Польше, говорится, что он умер в 1939 году, но не сообщается, при каких обстоятельствах. А теперь я знаю, и это подтвердили «Московские новости», что моего отца убил в лагере наемный убийца. Почему наемный? Потому что плохих отношений с людьми у отца быть не могло. Убил его наверняка человек, которому за это обещали свободу. Ужас, как я до сих пор не сошла с ума при воспоминаниях о бедном моем отце.

Вопрос о реабилитации отца стоял еще в 1957 году, но тогда недоделали большое дело. Не довели до конца. До справедливости. Тридцать лет ждали этого момента. Хотя я понимаю, что и сегодня сопротивление этому процессу железное. Не все хотят реабилитаций, справедливости — правды.

— Софья Карловна, расскажите подробнее о вашем отце. Ведь его биография, его работа, его человеческие качества для многих и многих — белый лист.

— Ну что сказать? Начну с конца. Этим летом я получила бумаги, в которых говорится о том, что решение коллегии ГПУ от 6 января 1928 года в отношении Радека отменено и дело прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Карл Радек по данному делу реабилитирован посмертно. Реабилитирован он посмертно и по второму делу от 30 января 1937 года. До ареста 16 октября 1936 года мой отец был заведующим Бюро международной информации ЦК ВКП(б).

Говорить об отце трудно, хотя я была ему безусловно близким по духу человеком. Никаких воспоминаний о нем я не писала. То, что я сейчас навспоминаю, пожалуй, мой первый «официальный» мемуар.

...Он не был резонером. Не морализаторствовал, но говорил очень важные для жизни вещи. Об уважении к человеческому труду: «Если ты осмелишься невежливо разговаривать с домработницей, можешь считать, что я тебе не отец, а ты мне не дочь»; говорил о том, что не надо входить в чужой монастырь со своим уставом, напоминал, что человек должен быть интернационалистом. Все это мне пригодилось потом. На этих заповедях я выросла. В эвакуации в Средней Азии, проживая в глухом ауле, в простой семье, я ни разу не позволила себе сделать хозяевам даже малейшего замечания. Хотя поводы, конечно, были. Я была благодарна казахам, которые делили со мной последний кусок хлеба.

Отец считал, что ни национальность, ни вероисповедание не должны разделять людей. Ты веришь в бога? Да повесь хоть свой собственный портрет и молись на него, считал он. А ведь тогда многие думали иначе: если человек верующий, то он уже почти враг народа. Лично я не верю ни в какого бога, ни в земного, ни во всевышнего, но считаю, что отец был прав. Главное отличие людей — хороший ты человек или дрянь. Вот и все.

Отец был веселым, жизнерадостным. Работая в «Известиях», печатаясь чуть ли не в каждом номере, он зарабатывал немало. Но в доме никогда не водилось лишних денег. Потому что всегда находились товарищи, которым надо было помочь. Особенно по линии Коминтерна.

Вообще он никому не отказывал, если был нужен. В школе, где я училась, несмотря на занятость, выступал с докладами о международном положении. С каким приподнятым настроением он шел на эти встречи.

Отец выходил во двор, и его окружали ребятишки. Мы жили в доме на набережной. Там был детский кинотеатр, и стоило только отцу выйти во двор, как он забывал про свои доклады и забавлялся с детьми.

Очень любил животных. У нас в доме всегда водилась какая-то живность. Когда отца забрали, наша собачка Чертик долго не ела, и мы думали, что она сдохнет. Вот это протест так протест!

Я бы сказала, что чрезмерная любовь отца ко мне портила меня. Но именно память об этой любви поддерживала меня всю жизнь.

Это был человек, которому ничего не надо было для себя, кроме, пожалуй, одного: книг. Он очень много читал, библиотека его была огромна, тысяч двенадцать томов. Он читал на многих языках мира. Родным языком его был польский.

Доклады свои и статьи он не писал, а диктовал стенографистке, ее звали Тося.

Мне кажется, что так, как работал отец, мало кто из журналистов сегодня умеет работать.

Много общался с людьми. Часто работал ночами. Из-за этого я и виделась с ним мало. Я уходила в школу, а он спал.

Жили мы скромно, хотя вроде бы все было. Одевали нас всех одинаково. Пионерская форма состояла из сатиновой юбочки и ситцевой белой кофты. Но я в школе была хулиганка. В связи с этим помню один разговор с отцом. Прихожу как-то раз из школы, а он меня встречает и с порога: «Сонька, ты должна быть честной». «А что я тебе соврала?» «Так тебя, оказывается, из пионеров выгнали, почему ты мне ничего не сказала?» «Папа, я тебе решила сказать все сразу: меня из школы выгнали». «За что?» «За драку». «Ну вот иди и сама устраивайся куда хочешь, я хлопотать за тебя не стану». И я пошла. Пришла в одну школу, директор спрашивает, а почему вы именно в нашу школу хотите устраиваться. «А здесь моя подруга учится». «Кто же она?» «Наташа Сиротенко». «О, с нас достаточно Наташи Сиротенко. Ее подруг нам не надо».

И выпроводил меня. Побрела я в другую школу, у Никитских ворот. Директор, помню его имя, Иван Кузьмич Новиков — он преподавал необязательный предмет «Газета»,— спрашивает: «Читаешь ты статьи Карла Радека?» «Нет, не читаю»,— отрезала я.

Мне отец никогда ничего не запрещал, и я читала все что вздумается. Воспитывали меня по так называемому саксонскому методу. В тринадцать лет вручили ключи от квартиры и сказали, что я могу уходить, приходить, когда мне вздумается, и никто не имеет права спрашивать меня, куда я иду. И в мою комнату никто не имел права заходить без стука. Считаю, что система правильная.

Своим долгом отец считал таскать меня на всевозможные заседания. Так и «заседала» я с трехлетнего возраста то в Коминтерне, то на съездах разных. Побывала и на Первом съезде писателей СССР. Помню, что вышел Алексей Максимович, открыл съезд и говорил, между прочим, на мой взгляд, плохо. Я запомнила, что он почему-то расплакался.

Повел меня отец посмотреть на живого Ромена Роллана, когда тот приезжал в Москву к Горькому. Честно говоря, мне там было скучно, взрослые о чем-то говорили, смеялись, а я с интересом следила только за «живым Ролланом».

В 1929 году мы с матерью приехали в Томск, где отец пребывал в ссылке. Одновременно с нами приехали к нему и Пятаков со Смилгой. Еще кто-то, не помню. Отец иногда разрешал мне присутствовать при разговорах с друзьями. Как-то в разговоре о Сталине, в середине большого спора, отец вдруг обратился ко мне с вопросом: «Сонька, как ты считаешь, кто прав, а кто виноват?» Я ответила: «Не знаю, папа, кто прав, но, по-моему, меньшинство должно подчиняться большинству». «Ах ты ренегатка,— сказал отец,— убирайся отсюда вон!»

С той поры запомнился мне куплет, который напевали отец с друзьями: «Добрый вечер, дядя Сталин, ай-яй-яй, очень груб ты, нелоялен, ай-яй-яй. Ленинское завещанье, ай-яй-яй, спрятал глубоко в кармане, ай-яй-яй!»

Так вот потешались... Знали бы, к чему приведут эти потешки. Легкомысленные они были, вот что я скажу. Что будет дальше, они себе не представляли.

Друзей у отца было много. Помню участницу гражданской войны Мирру Сосновскую, первую женщину, окончившую военную академию. Ее расстреляли в 37-м. Никто за нее, насколько мне известно, не заступился, не защитил.

Очень дружил со Смилгой, с Преображенским, с Бухариным, особенно в последние перед арестом годы. Хорошо относился к Демьяну Бедному, считал, что умнее мужика на Руси нет. Наверное, он не ошибался, он редко ошибался в оценках.

Но никакие дружеские отношения не давали ему повода быть непринципиальным в той или иной ситуации. Вспоминаю такой случай. Кино отец почему-то не любил. Зато театром увлекался необыкновенно. Помню, мы ходили смотреть «Отелло», когда играли Остужев и Назарова. Помню, как отец кричал: «Вот настоящий Шекспир!» Раздается телефонный звонок. Звонил Демьян Бедный, который почему-то считал меня своей крестницей, хотя меня не крестили, и спрашивает: «Как там поживает моя крестница?» Отец: «А ты ее сам спроси». Демьян: «Я, собственно, звоню, чтобы тебя поблагодарить». «За что?» «А ты в своей рецензии похвалил мою жену». «А кто твоя жена?» «Назарова». «Если бы я знал, что она твоя жена, не стал бы хвалить».

А вообще человеком он был добрым, с большим чувством юмора. По заданию Ленина отец бывал в Германии, там его «засекли» и посадили в тюрьму Моабит. Смешно, но он потом вспоминал об этом периоде по-доброму. Говорил, что мог изучать в тюрьме русский язык. Ведь по-русски он говорил очень смешно, с акцентом, коверкая фразы. Например: «За ничто на свете я этого не сделаю». Я говорю: «Папа, по-русски говорят: ни за что на свете». «Так я же так и говорю: «За ничто на свете».

Он мог неожиданно мне предложить: «Надень красивое платье, пойдем с тобой в ресторан». Я говорю: «А что мы будем там делать, когда ты не пьешь?» «А так посидим, съедим чего-нибудь вкусненького».

Его часто приглашали на приемы, и надо было ходить в смокинге. А смокинга у отца не было. Даже черного костюма не имелось. Ему прощали как чудаку «неполноту» гардероба.

В жизни, в быту у него были три слабости: книги, трубки и хороший табак. Из множества его трубок сохранилась только одна. Передала мне ее Ма-

рия Малиновская. Трубка побывала с новыми хозяевами в лагерях, но друзья отца, выклянчившие ее у него незадолго до ареста на память, сумели ее сохранить.

На валюту, которую выдавали ему при поездках за границу, он позволял покупать только трубки. Больше ничего. Остальное привозил и сдавал государству. Помню, как-то собирался в Женеву, и я попросила привезти мне рихтеровскую готовальню. Отец отрезал: «Обойдешься, буду я валюту тратить на твою готовальню, сходи в комиссионку и купи».

Время, проведенное за любой игрой, считал потраченным даром. Мы с мамой играли в карты, а отец все возмущался, он не знал даже названия карт. Мама имела разряд по шахматам, и ей надо было поддерживать форму, играть, так отец в такие минуты иронизировал: «Сонька, мать-то опять в шахматы играет».

Софья Карловна, как мне показалось, немного устала, и я попытался «переключить» ее рассказ на другое:

— А почему в стихотворении Александра Межирова, опубликованном в «Новом мире», говорится, что «Соня Радек бьет соседку»? И кто такая Таша Смилга?

— Я давно знакома с Александром Петровичем. Как-то вышло, что многие мои подруги, с которыми я была в местах не столь отдаленных, с ним дружны. Вот он и решил посвятить всем нам, а в особенности Галине Шапошниковой (кстати, невестке маршала Шапошникова) стихотворение. Таша Смилга — дочь одного из соратников Ленина Смилги. Что касается эпизода, описанного в стихотворении, то история такова. Когда я вернулась окончательно в Москву в 1961 году, жить мне было негде. Ждала, пока дадут вот эту квартиру, жила в комнатке. Соседка попалась сволочь, пьяница. Однажды говорит мне: «Ты одна, вражина, и я одна, буду хулиганить как мне вздумается, и ничего не докажешь». А я в ответ ее же оружием, меня голыми руками не возьмешь. Однажды, когда после очередного перепоя она стала выяснять со мной отношения, я надавала ей по морде. Она одна, и я одна. Вот так.

— В стихотворении есть и другие, более возвышенные строки:

Слава комиссарам красным,
Чей тернистый путь был прям...
Слава дочкам их прекрасным,
Их бессмертным дочерям.

— Конечно, жизнь нас потрепала, но знаете: это, наверное, звучит кощунственно, я такая странная, но, наверное, правильно потрепала.

— Не понимаю...

— Скольких людей сломал этот тиран! И каких людей! Если уж жертвами оказались Тухачевский, Бухарин, Рыков, Радек, если они дали себя растоптать, то что взять с нас, бедных и сирых? Так вот мы сами позволили Сталину распоряжаться нашими судьбами, сами отдали себя на его произвол. Вот почему я и считаю, что пенять-то нечего. Жаль только, что слишком поздно это поняли. Жизнь прошла.

Да, страшно. И я в который раз задаюсь вопросом: как же такое могло произойти? Как же можно было так чудовищно извратить саму сущность человеческого предназначения на земле, извратить, искорежить все понятия о добре, о совести, о справедливости, о чести, о ненависти и любви. Обо всем... И кто ответит на этот вопрос: историки, философы, писатели, психологи, политики? А пока нам, поколению, в пятидесятых годах встречавшему своих родителей, оставшихся в живых после тюрем и ссылок, многое в их судьбах, в той страшной эпохе кажется сегодня загадочным и непонятным. И уже наши дети задают нам эти же вопросы: кто виноват? И ждут, ждут ответа. Среди них, я уверен, и внуки Софьи Карловны Радек, дочери своего отца.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ

РАМПА

КОМАКИ-САН

Александр МИТТА

Больше десяти лет прошло с тех пор, как впервые возникла она передо мной в ослепительном блеске идола рекламы и торговли.

В самом центре Токио, на Гинзе, как раз в том месте, которое так любят снимать фотографы и журналисты, в крупнейшем универмаге Мицукоси висит ее гигантский портрет. Вы поднимаетесь на эскалаторе от парфюмерного отдела к отделу женского платья, мимо вас проплывает подбородок Курихары Комаки. Выше через отдел последних мод из Европы и Америки, и — мимо губ Курихары Комаки: сперва проплыла нижняя, затем верхняя губа. Отдел спортивных товаров — ноздря и нос Курихары Комаки. Товары для детей — гигантский глаз Курихары Комаки. Брови и лоб приходятся на отдел спортивных товаров. Отдел электроники — подобный горе овал головы Курихары Комаки. Она — торговый символ всей сети универмагов Мицукоси.

Все девушки Японии хотят подражать ей. Носить те же блузки, те же шляпки; варить рис в тех же кастрюльках, которые держит в руках Курихара Комаки.

Поэтому с утра до ночи она не исчезает с экранов телевизора. Она прелестна, но я уже четвертый день в Японии, работаю со сценаристами фильма, где Комаки будет играть главную роль, а с ней самой еще не встречался. Ее время расписано по минутам за много недель вперед. Ее поклонники могут каждый день прочитать в газете полный распорядок ее рабочего дня. 14 часов каждый день. Киностудия — съемки для рекламы — телевидение — съемки для рекламы — театр... съемки, репетиции, снова съемки.

Наконец она появляется в назначенное время, опоздав на 15 минут, что для Японии совершенно невероятно, это все равно что, назначив встречу в понедельник, прийти в четверг. Но Комаки все прощается. Она с улыбкой поднимает плечи, извиняясь: «Пробки». Она несказанно очаровательна. Я никогда не снимал кинозвезд. Более того, это мой второй взрослый фильм. До этого я снимал только детские фильмы. Поэтому теряюсь. Но работа все ставит на места...

Комаки — идеальный товарищ в работе. Доброжелательная, собранная, она сразу становится любимицей всей съемочной группы. Ее время в Москве расписано так же, как и в Токио. Занятия балетом — она играет роль балерины и намерена танцевать без дублеров, весь день съемки, вечерами и в дни отдыха от съемок — занятия русским языком. Она сама озвучивала роль на русский язык.

Ее актерская техника — за гранью нашего понимания.

Сцена прощания. Героиня Комаки говорит, что предчувствует свою скорую смерть.

— Если хотите, Комаки-сан, можете заплакать. Сцена позволяет более эмоциональную трактовку.

— Вы хотите, чтобы слезы все время текли или достаточно одной?

— Не знаю,— замялся я.— Ну, предположим, одна.

— В начале или в конце сцены?

— Ближе к концу.

— На каком слове?

— Что?

— На каком слове слеза должна покатиться по щеке?

— На слове «умереть».

Это уже интересно. Начинается сцена, я не отрываю взгляда от глаз Комаки. Огромная слеза набухает и дрожит на веке. Сейчас упадет. А до слова еще далеко. Нет, слеза колеблется, огромная, полностью заполнившая нижнее веко.

— Я знаю, я умру,— и огромная слеза покатилась по щеке.

Костюмерша и гримерша плачут вместе с Комаки.

— Стоп! — Комаки весело хохочет.

— Еще раз? — Она знает, что мы снимаем несколько дублей.

На фильме мы подружились. Комаки с тех пор стала частой гостьей в Москве. А фильм имел успех в Японии, и японцы тут же решили снимать следующий, похожий на первый. Это в Японии принято.

Комаки, впрочем, не имела намерения подчиняться никаким символам успеха, ничему, кроме своего призвания. А призванием ее был театр.

Из кинозвезды, любимицы, окруженной многочисленными поклонниками, она превратилась в «первую театральную актрису» Японии. Но нередко ее называют «последней великой трагической актрисой японского театра». Театр в Японии переживает тяжелые времена. Государство его не поддерживает. Комаки трудится в театре «Хайюза» с тем же непрекращающимся усердием: месяц на репетиции спектакля, месяц непрерывного показа в Токио, два месяца гастролей по стране, и — без дня передышки — новые репетиции нового спектакля. В ее репертуаре Шекспир, Толстой, Ибсен, Брехт, Шоу — все лучшие женские роли театральной классики.

Но особенная любовь Комаки — русская драматургия. Для нее были поставлены «Анна Каренина», пьесы Чехова, Тургенева. Каждую зиму Комаки приезжает в Москву, смотрит спектакли в московских театрах. А потом приглашает кого-то из режиссеров в Токио.

...А я, снимая разные фильмы, все время искал драматический сюжет, достойный таланта Комаки.

Почему мне так долго не приходила мысль обратиться за советом к Владимиру Цветову, мы знакомы четверть века? А он знает про Японию все.

История почти тридцатилетней давности, по сути, абсолютно современна. Это история о том, как японка и русский ученый преодолели барьеры сопротивления бюрократии своих стран и сообща сделали огромное доброе дело, спасли детей Японии от эпидемии полиомиелита. Подлинная история. Ныне забытая и японцами, и нами.

Курихара Комаки была первой, кто познакомился с нашей заявкой на фильм «Шаг». Она приехала членом жюри Московского кинофестиваля.

— Я буду сниматься в этом фильме. Это сегодня очень важно. Мы должны развивать культурный диалог наших народов.

Вопрос финансирования фильма утрясался долго. В Японии нет государственных дотаций на искусство. Это частное дело. У кого есть деньги, те могут потратить их на что угодно, в том числе и на кино. Такой человек называется «спонсор». И вот японцы пытаются заинтересовать идеей фильма то одного спонсора, то другого. Один дал миллион, потом передумал. Дело стало. Но в наших кейсах лежал мосфильмовский план советской картины. Я полагал, что в состоянии снять ее в Союзе.

А что скажет Комаки?

Она дважды снималась на «Мосфильме», и она говорит неторопливо и веско:

— Я буду сниматься в этом фильме. В Москве снимают медленнее, чем в Токио. Поэтому я выделю на съемки 4 месяца. (Это срок съемки двух японских фильмов.— А. М.). Я отказываюсь от гонорара звезды. И буду сниматься на тех же условиях, что и советские актеры в советских фильмах.

Это был поворотный момент. Возникало еще множество проблем. Но Комаки сделала все, что смогла. Она привела с собой группу известных актеров, которые приняли участие в работе на тех же условиях.

И работа тронулась, пошла, набирая темп.

Скажу, забегая вперед, что ни один японец ни в одном кадре фильма не смог отличить «японской Японии» от той, которую мы поставили на «Мосфильме» и в Алма-Ате. Японские художники и мосфильмовские специалисты доказали, что могут сделать сообща что-то достойное профессионального уважения.

Откуда взялись на это японские деньги? Курихара Комаки стала ведущей в репортажах для японского телевидения о Москве. Доход от репортажей шел на оплату фильма. С понедельника по пятницу на «Мосфильме» проходили съемки, где Комаки не выходила из кадра. А в субботу и воскресенье Комаки можно было увидеть на Красной площади, среди соборов Кремля. Она представляла японским телезрителям красоты Загорска и Суздаля. С утра до заката. Потом снова съемки в фильме. Это уже был конкретный опыт самофинансирования, невозможный раньше. Но для меня главным был этический аспект поступка Комаки. Личное проявление социальной активности, за которую она хотела нести полную ответственность.

Что меня всегда поражает в Комаки — это неизбывная доброжелательность и неисчерпаемый потенциал оптимизма. Каждое дело она начинает и ведет с убеждением, что людям это действительно необходимо. В каждой ситуации как-то естественно располагается наравне со всеми. Кажется, нет неприятности, которую она не преодолеет с радостной улыбкой. А в Японии, как повсюду, акте-

ру надо защищать свое достоинство. Ведь нет ремесла с более неадекватной репутацией, чем актер. Беззащитное существо, зависящее от всех. От текста драмы, воли режиссера, нерадивости партнеров, каприза зрителей, здоровья.

Кстати, о здоровье. В отличие от нас японцы не знают бюллетеней. Жизнь устроена так, что болеть не захочешь. В частности, одна небольшая болезнь может уменьшить на всю жизнь вашу пенсию. Вот почему японцы, во-первых, не бюллетенят, а во-вторых, живут дольше всех людей на земле. Приходится думать о здоровье. Не съедят лишнего, не выпьют сверх меры, не создадут конфликтной ситуации друг другу...

В Москве Комаки простудилась. Она горела, как печка, думаю, с температурой где-то под сорок.

— Немедленно в постель! — распорядился я.— Съемки отменяем.

— Нет,— улыбнулась Комаки.— Я хочу работать. Двадцать минут — и я буду здорова.

Она бросила в стакан воды какой-то круглый белый шарик вроде нафталина. Он зашипел, забурлил и растворился без остатка. Тогда Комаки медленно выпила его и вытянулась в кресле, закрыв глаза. Мы оставили ее в покое. Но все уже тихо радовались отмене съемок.

Вдруг Комаки открыла глаза и вскочила с кресла, весело смеясь:

— Я здорова! — Она помахала руками, поклонилась с лукавым извинением, как бы говоря: здорово я вас провела.

Я потрогал лоб — холодный. Изумленные, мы продолжили работу. Ну можно ли было не попробовать такого чудесного лекарства? В обеденный перерыв я подошел к Комаки.

— Комаки-сан, я себя тоже плохо чувствую. Можно принять ваше лекарство?

— Конечно, Саша-сан.

Японский нафталин забулькал и растворился в моем стакане. Я выпил горький раствор и улегся в том же кресле, что и Комаки. Сперва ничего не происходило, потом в животе как будто образовался горячий кулак. Он разогрелся и стал крутиться внутри живота, все увеличиваясь в объеме. Я чувствовал, что мои внутренности раскалены, пот лил градом. А огонь захватывал плечи, бедра, голову. Ломало кости, в глазах раздвоилось... Затем все стало утихать. Такое ощущение, что огонь сбегал вниз по рукам и выскакивал из пальцев. Я лежал в кресле холодный, мокрый, как мышь. Хотел вскочить с веселым смехом, как перед этим Комаки, и не мог оторваться от

кресла. Не было сил. Я с трудом приподнялся и, качаясь, поплелся. К концу обеда был в форме. И подумал: да, когда Комаки весела, ей не так весело. Когда она порхает, ей не так легко, как кажется. Комаки кажется очень мягкой, но эта мягкость на толщину кожи. А под кожей сталь, и высшего качества, легированная.

Эта сталь — ее жизненные принципы. Ее долг перед людьми. Ответственность за божественный подарок — талант.

Курихара Комаки не политик. Она актриса, художник в самом широком смысле. Она знает реальные ценности русской и советской культуры и полагает, что японцам полезно знакомиться с ее драгоценными россыпями. Эту культурную миссию она несет все годы, не уставая, не облегчая ноши.

...У истории с деньгами, которыми перед нами помахал «меценат», было продолжение. Когда фильм был наполовину снят, от спонсора поступил сигнал, что теперь он не против вложить большие деньги.

«Как хорошо! — подумал я.— Теперь Комаки и другие актеры смогут получить полное вознаграждение за свой бескорыстный труд»,— и помчался с этой вестью к Комаки.

Она уже знала и была мрачна.

— Конечно, это большие деньги и вы возьмете их,— сказала она.— Но ведь он за это заберет нашу картину, чтобы заработать на ней. Ее покажут в коммерческом прокате так, как им выгодно. И все те простые люди, для которых мы делаем фильм, ее не увидят. Мы ведь хотим не зарабатывать, а создать явление культурного контакта. И мы хотели долго, скромно, но целенаправленно работать с фильмом...

— Комаки-сан,— сказал я,— если вы не хотите, этого не будет. Мы сами можем снять картину. Я думал только о вас.

Она заплакала. И это были не актерские слезы. К фильму она относится, как к ребенку. Критики говорят, что среди множества сыгранных ею ролей у нее еще не было роли простой японской матери, женщины, соединяющей трогательную беззащитность и несгибаемое упорство.

Что скажут наши зрители, я не знаю. Могу только подтвердить, что в фильме «Шаг» вы увидите Курихару Комаки такой, какая она есть в жизни. Добрую, преданную своим подругам и своим идеалам. Человека, о котором каждый мог бы мечтать как о друге.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Планы, виды на будущее. 5. Тост. 7. Показ нового спектакля, циркового, эстрадного представления. 9. Среднеазиатские виды можжевельника. 10. Русский композитор, воплотивший одним из первых в музыку лирику А. С. Пушкина. 12. Многострунный музыкальный инструмент. 15. Фруктовое дерево. 17. Водяной воробей. 19. Изобретательность в нахождении удачных, смешных выражений. 20. Летательный аппарат с реактивным двигателем. 22. Город в Краснодарском крае. 24. Приток реки Урала. 26. Народный танец, род лезгинки. 27. Командная спортивная игра на лошадях. 28. Типовой образец, эталон. 29. Литературное произведение для создания кинофильма. 30. Цирковой артист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Один из героев романа Н. Островского «Рожденные бурей». 2. Самый большой остров в Средиземном море. 3. Советский спортивный клуб. 4. Река в Крыму. 6. Героиня поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». 8. Созвучие в поэтическом произведении. 11. Комическое преувеличение в цирке, на эстраде. 13. Сказка Г. Х. Андерсена. 14. Новогоднее произведение А. П. Чехова. 16. Пушной зверек. 18. Соцветие злаков. 20. Кондитерское изделие из слоеного теста. 21. Смесь, набор конфет. 22. Французский скрипач и композитор, которому Бетховен посвятил сонату. 23. Шотландская овчарка. 25. Спортивная лодка. 27. Римский комедиограф.

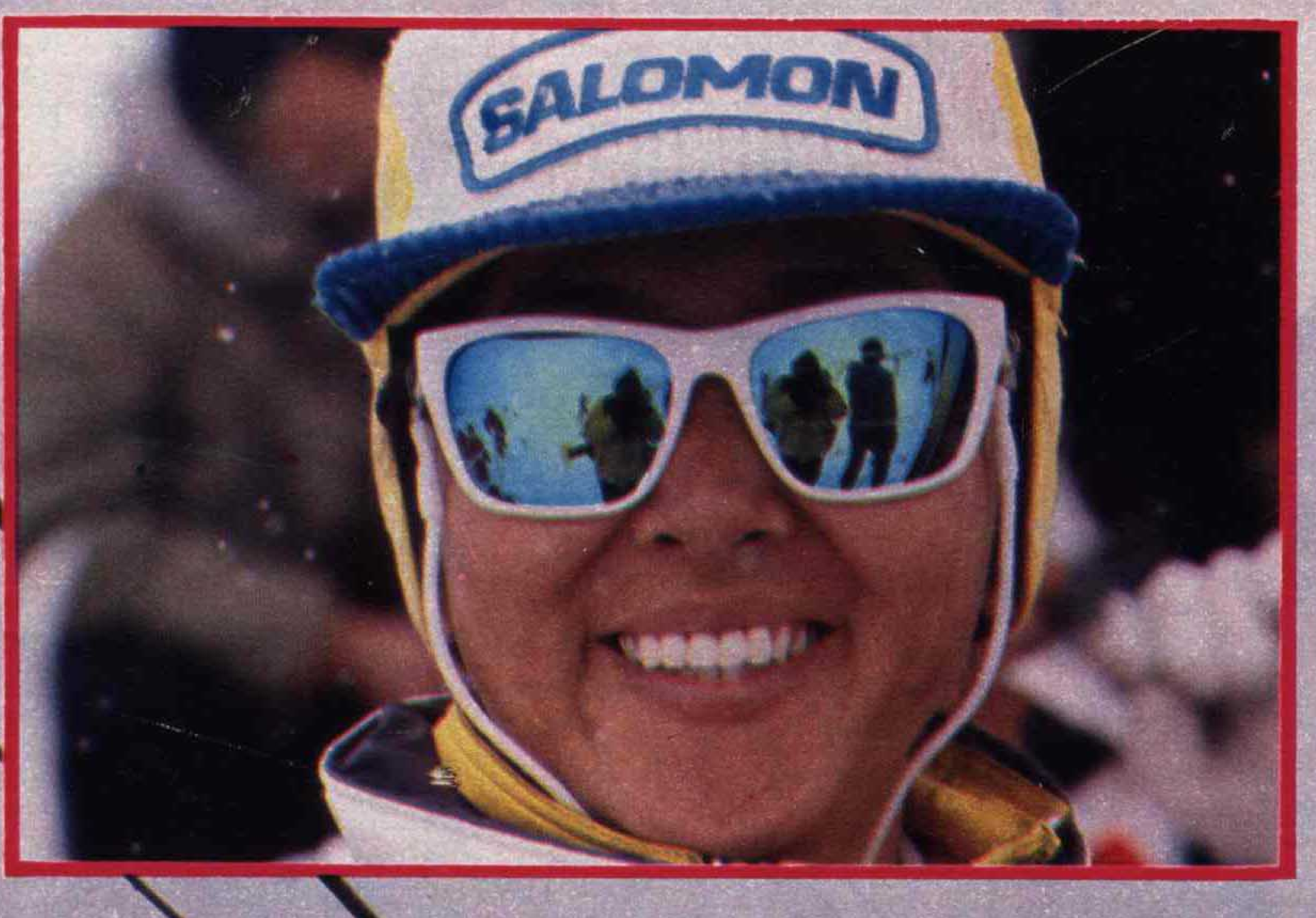
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Бижутерия. 7. Тобаго. 9. Домбра. 10. Владилена. 14. Миксер. 15. Омуль. 17. «Восток». 18. Плато. 19. «Калистрат». 20. Дробь. 21. Келдыш. 22. Майор. 24. Равель. 25. Автономия. 27. Шишков. 29. Карасу. 31. Касаткина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кутаиси. 2. Ринг. 3. Лицо. 5. Корреспонденция. 6. «Прозаседавшиеся». 8. Огайо. 9. Дрель. 10. Варакушка. 11. Акватория. 12. Витачек. 13. Монокль. 16. Ухсай. 22. Мотив. 23. Ремек. 26. Негатив. 28. Оран. 30. Анна.

В будущем году в первых номерах журнала планируется публикация рассказов из запасников русской прозы XX века, мемуаров Валери Жискар д'Эстэна, стихотворений Евгения Евтушенко. Читателей ожидает встреча с болгарской прорицательницей Вангой.

ОГОНЁК

Эти снимки сделаны в Домбае, во время первых в Советском Союзе международных соревнований по фристайлу.

Фристайл — это балет на лыжах, это сольное фигурное катание по пологому, почти горизонтальному склону.

И, наконец, фристайл — это акробатические прыжки на лыжах с трамплина.

Москва решила бросить вызов почтенным горнолыжным курортам и доказать, что новый вид спорта — вполне городской, а также общедоступный, как спортсменам, так и зрителям. И вот известия: чемпионат мира 1993 года по фристайлу пройдет в Крылатском.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663